

913(с-М)
М-82

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

902,7
М82

МОСКОВСКИЙ КРАЕВЕД

Выпуск 2

МОСКВА—1927

115(1-11)
M-82

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

ИЗ КНИГ
С.И. Григорова

902.7
M82

МОСКОВСКИЙ КРАЕВЕД

Выпуск 2

Российский НИИ культурного
и природного наследия
библиотека

МОСКВА

1927

ПРОВЕРЕНО

БИБЛИОТЕКА
И М С
Книг. № 9556

Z

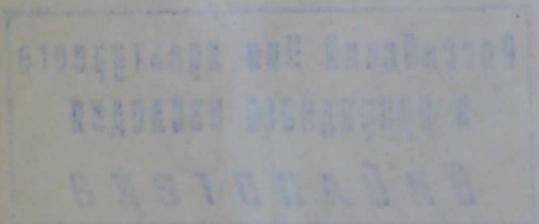
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

МОСКОВСКИЙ КВАРТАЛ

Редакционная Коллегия:

И. А. Здановский, А. П. Левцкий, Н. П. Никитин и М. Я. Феноменов.

Ответственный редактор *М. Я. Феноменов.*

Мосгублит № 40950.

Тираж 1000.

Типо-литография Восп. Акад. РККА им. М. В. Фрунзе. Москва, Зубовская, 14. Тел. 4-79-55.

Наши ближайшие задачи.

Перед краеведческими организациями вообще, в том числе и перед Об-вом Изучения Московской губернии, в настоящее время во всей ее конкретности и настоятельности встает задача — увязать свою работу с делом хозяйственного и культурного строительства нашей страны. Эта жизненная, практическая установка должна вложить во всю краеведную исследовательскую работу новый смысл и придать ей в значительной мере иной характер.

Состоявшаяся в мае с. г. губернская конференция в полной мере учла это обстоятельство и вынесла соответствующие постановления. Во главу угла краеведной работы она поставила, — в полном соответствии с указаниями высших советских органов, — самую тесную увязку с хозяйственным строительством губернии, осуществляемую в плановом порядке.

Не ослабляя выявившихся уже направлений в работе по изучению губернии, наше Об-во, в лице всех своих частей, несомненно горячо откликнется на призыв Московского Губплана усилить свою работу в некоторых направлениях, имеющих сейчас особо актуальное значение для Московской губернии. Дело идет о привлечении широких краеведческих кругов к исследованиям в отношении разработки проблемы водоснабжения города Москвы и регулирования водного бассейна р. Москвы, к установлению местонахождения новых мощных запасов гравия и горного песка, а также строительных глин и, наконец, к оживлению дела сбора и культуры лекарственных растений.

Правление Об-ва со своей стороны (см. ниже) организовало целый ряд заседаний с привлечением на них краеведных работников с мест, а также специалистов, разработало соответствующие инструкции и программы для краеведов в этой работе, и теперь дело за последними: они должны помочь углубить и расширить изучение Московской губернии в указанных выше отношениях, ибо вопросы строительства г. Москвы и перспективы ее роста, — а в связи с этим и проблемы строительства и водоснабжения ее, приобретают теперь колоссальное значение. Мы уверены, что краеведы с успехом справятся и с этой не новой, в сущности, для них работой, так как и изучение речных систем и исследования в области полезных ископаемых они уже ведут с успехом; тут уже выявились и методика работы и даже некоторые практические достижения.

На базе этой практически важной и в то же время доступной исследовательской работы представится как раз возможность воплотить в жизнь основные моменты, выдвинутые минувшей губернской конференцией.

Каковы эти моменты? Это:

1. Более широкое вовлечение в краеведную работу широких масс (местные профсоюзные и комсомольские организации и т. д.).
2. Усиление работы краеведных организаций на периферии (музеи, филиалы Об-ва, кружки и пр.).
3. Усиление краеведной работы школы, в частности самого учительства.

Все это бесспорные положения.

Такова схема работы на местах и таковы предпосылки для ее успеха. Конкретная практическая постановка ближайших работ в значительной мере облегчит и эту задачу, задачу более полного охвата краеведной работы массами.

С другой стороны, это несомненно налагает немалую ответственность и на наши губернские центры,—в смысле живого руководства местами, дабы вся работа могла развернуться достаточно широко и планомерно и не выродилась бы в отдельные разрозненные начинания, которые потом будет трудно использовать именно для тех практических целей, для которых должна быть проведена вся работа. Стоящая перед нами задача по изучению залежей полезных ископаемых и водного режима бассейна р. Москвы требует как раз массового исследовательского проведения всей работы в течение довольно длительного периода времени.

Минувшая губернская конференция, высказавшись отрицательно по вопросу о создании единого краеведного центра, особенно подчеркнула необходимость тесной увязки всех центральных губернских организаций в их работе. В частности и в указанной выше очередной работе должна быть проведена полная увязка; работы очень много, всем найдется в ней место, и Об-во изучения Московской губернии приложит, с своей стороны, все усилия к тому, чтобы такая увязка осуществилась на практике возможно полнее. На созываемой Об-вом осенью конференции эти вопросы должны будут занять одно из первых мест.

На этой же конференции надлежит углубить и проработать те вопросы, которые поставила перед краеведческими организациями майская губернская конференция,—в частности: 1. Об усилении взаимодействия губернского центра с периферией. 2. О развитии краеведческой сети. 3. О проведении учета краеведов, научно-исследовательских организаций и т. д.

Вполне признавая, что успех краеведной работы зиждется на свободе исканий новых путей, на исследовательской самостоятельности,—все же надлежит признать, что организационная увязка и определенный контакт периферийных организаций с центральными также является одной из основных предпосылок успешности работы. Надо всячески координировать и объединять эту общую работу,—особенно теперь, когда, по крайней мере в нашей губернии,—она выходит уже из стадии пионерских начинаний и становится на путь широкой планомерной исследовательской работы, призванной обслуживать практические запросы момента, долженствующую быть тесно увязанной с планом культурно-хозяйственного строительства губернии. Это обязывает.

В частности, таким объединяющим и координирующим центром должно явиться издательство; распыление сил здесь было бы нежелательно. Мы приглашаем поэтому краеведческие организации губернии к тесному сотрудничеству в нашем „Московском Краеведе“.

Вместе с тем Правление Об-ва в ближайшее время выпускает некоторые монографии местных краеведов, а в дальнейшем будет

изыскивать средства и возможности, чтобы шире развить свое издательство; к этой общей работе мы и призываем наши филиалы и др. местные краеведческие организации.

Одной из очередных задач Об-ва, в которой ему должны будут помочь все местные организации, является между прочим составление и издание возможно полной карты губернии в ее новых границах. Потребность в этом ощущается живо всеми административными, хозяйственными и культурными учреждениями и организациями губернии.

Несколько затихшая было работа Об-ва в части организации семинариев,—в помощь местным работникам,—должна будет в предстоящем году несомненно оживиться.

Наконец, Об-во ставит своей очередной задачей организовать работу по изучению „Новой Москвы“—под тем углом практических заданий, о котором было сказано выше. Крупнейшие проблемы будущего Москвы неотступно требуют своего разрешения и освещения не ведомственного только, а широкого общественного. Таковы вопросы водоснабжения Москвы, ее планировки и городского транспорта, не говоря о множестве других.

Б. Веселовский.

Очередные задания Губплана по адресу Московского Краеведения.

Председателем Моск. Губ. Плановой Комиссии т. Н. Г. Ивановым при приеме представителей Правления Общества изучения Московской губернии были преподаны указания относительно желательности вовлечения означенного Общества, равно как и объединяемых им местных краеведческих и научно-исследовательских организаций Московской губ. к работам, по выяснению вопросов, актуально интересующих хозяйственные органы Моссовета в связи со стоящими на очереди проблемами хозяйственного строительства.

В частности в первую очередь были выдвинуты вопросы: 1) связанные с проблемой водоснабжения г. Москвы, 2) регулирования водного баланса р. Москвы при посредстве лесокультурных мероприятий в бассейне ее верхнего течения, 3) приискания местных карьеров строительных материалов в интересах удешевления добычи таковых для нужд Московского строительства и 4) организации сбора лекарственных растений.

Во исполнение этого задания Правлением Общества изучения Московской губернии было созвано расширенное, с участием специалистов совещание для обсуждения порядка разработки поставленных вопросов, по постановлению которого было организовано 4 специальных комиссии для детального обсуждения возможных форм участия краеведческих сил в намечающейся работе, а на ряду с тем состоялось специальное совещание при Губмузее МОНО для обсуждения форм участия в этой работе музейных работников Московской губ.

Во всех этих заседаниях выявилась готовность их участников откликнуться на

призыв Губплана и по мере сил и материальных возможностей оказать содействие к разработке выдвинутых вопросов, кои по своему существу в полной мере отвечают интересам местных краеведческих и научно-исследовательских организаций.

К сожалению, поздняя в отношении приближающегося конца летнего исследовательского сезона постановка заданий не дает возможности рассчитывать на сколько-нибудь значительные достижения по разработке выдвинутых вопросов в этом году. Однако, начало работы не должно откладываться, а в отношении некоторых разделов поставленного задания могут быть использованы и предстоящие зимние месяцы.

Специальная Комиссия по вопросам лесокультурных мероприятий в бассейне верхнего течения реки Москвы. Подчеркнув самодовлеющее значение этого дела независимо от того или иного разрешения проблемы Московского водоснабжения (предотвращение возможности весенних наводнений, регулирование водного баланса, общее мелиоративное значение лесных насаждений для борьбы с оврагами, подвижными песками и пр.), признала целесообразным привлечь общественные исследовательские силы к собиранию сведений о настоящем состоянии лесных насаждений на площадях лесов местного значения, т. е. лесов, переданных в использование и под охрану сельских обществ, Колхозов, Совхозов и пр. и не охватываемых непосредственным надзором чинов государственной лесной службы, которые заняты охраной и устройством лесов госфонда.

Площадь этих лесов лишь на территории бассейна верхнего течения реки Мос-

квы, в соответственных 37 волостях достигает свыше 150 тыс. десятин, разбитых на 1.562 лесных единицы. Привлечение сил и внимания местных краеведческих организаций к наблюдению над состоянием этих лесов, несомненно послужит делу установления более культурного и бережного отношения к лесу среди населения вообще и пользователей этими лесами в частности. Комиссия выработала форму анкет-инструкции для собирания сведений о состоянии лесонасаждений в дачах лесовместфонда, а наряду с тем 2 формы специальных анкет-инструкций о процессах овраго-образования и о подвижных песках, кои в некоторых местах Московской губернии наносят значительный ущерб порчей культурных угодий и потому требуют соответствующих мероприятий лесокультурного характера.

Принимая во внимание, что вопросы регулирования водного баланса и лесомелиоративных мероприятий имеют актуальное значение не только в бассейне верхнего течения реки-Москвы, но и в других районах Московской губернии, Комиссия признала необходимым привлечение местных краеведческих сил к работам по заполнению выработанных анкет-инструкций по всем уездам Московской губернии.

Специальная Комиссия по вопросам выявления на территории Московской губернии запасов ископаемых строительных материалов, заслушав сообщения специалистов о состоянии дела использования соответственных ресурсов в Московской губернии и дела дальнейшего изучения их, признала необходимость возможно более широкого привлечения внимания и сил местных краеведческих организаций к делу дальнейших и возможно более детальных геологических исследований названных полезных ископаемых в дополнение и в помощь к работе специальных организаций, ведающих это дело в лице Геологического Бюро МОЗО и Геологического Комитета В.С.Н.Х. При этом Комиссия отметила правильность направления работы Геологического Бюро при МОЗО и выявленные им достижения за короткий период его деятельности и подчеркнула актуальную необходимость скорейшего завершения производимых Геологическим Комитетом по инициативе и на средства Мосгубплана работ по общей геологической съемке и сводке всех губернских материалов по геологии Московской губернии. Комиссия признала необходимым составление особой инструкции для руководства местных краеведов в сфере геологических исследований строительных полезных ископаемых и дала соответственное срочное поручение особой подкомиссии.

Специальная Комиссия по лекарственным растениям заслушала сообще-

ния специалистов о состоянии дела сбора дикорастущих лекарственных растений и культуры таковых в Московской губернии и о возможном экономическом значении этих отраслей народного хозяйства губернии и признала необходимость составления и издания специальной популярной брошюры с инструктивными указаниями, приуроченной к условиям Московской области и заручилась принципиальным согласием известного специалиста по лекарственным растениям Н. Н. Ворошилова составить подобную брошюру практического характера. На ряду с тем Комиссия признала необходимость принятия мер к выработке типа простой кустарной дешевой сушилки для сушки лекарственных растений, отсутствие каковой является главным тормозом к развитию дела сбора и культуры лекарственных растений.

Комиссия по проблеме водоснабжения города Москвы, заслушав краткую информацию по истории этого вопроса и по выдвинутому варианту его разрешения, признала необходимость организации публичных заседаний для детального обсуждения предлагаемых проектов приучастии их авторов и с привлечением местных работников для освещения возникающих вопросов местного значения.

На ряду с тем Комиссия обратила внимание на первостепенное значение при детальной проработке каждого из выдвигаемых вариантов разрешения проблемы Московского водоснабжения наличия гипсометрических карт и планов по Московской губернии, отсутствие коих препятствует правильному разрешению очень многих вопросов местного хозяйства. Между тем в случае ассигнования необходимых средств вполне возможно получение 4 верстной гипсометрической карты проф. Шокальского (для территории губернии в ее прежних границах), и более детальных плановых материалов Землеустроительного Отдела МОЗО, хотя бы для отдельных частей губернии, отвечающих тем или иным проектам усиления Московского водоснабжения.

Правление Общества Изучения Московской губ. рассчитывает встретить дружную поддержку всех Московских краеведческих организаций для выполнения заданий Московского Губплана, что, несомненно, послужит залогом и началом тесной увязки в работе местных краеведческих организаций с запросами и нуждами местных хозяйственных органов.

Работа краеведа в области изучения геологии в связи с очередными задачами культурно-хозяйственного строительства Московской губернии.

Рациональное ведение хозяйства и подъем общего благосостояния и культурного уровня населения не мыслимы без знания геологических особенностей местного края. Вполне естественно, что всякая краеведческая организация должна включать в свою общую задачу по изучению края и вопросы, касающиеся познания геологического строения и особенностей данного района.

В пределах Московской губ. работает целый ряд ведомственных организаций как центральных, так и местных, преследующих вполне независимые, специальные задачи. Несмотря на наличие указанных специальных задач в работе отдельных учреждений и организаций, их должна связывать общая цель — всестороннее и рациональное изучение производительных сил в связи с геологическими особенностями губернии.

Однако, отсутствие стройности, согласованности и взаимопомощи в работе, взаимная неосведомленность о планах и достижениях, параллелизм в работе сильно сказываются как на результатах исследований, так и на хозяйстве губернии.

Ограниченность средств и персонала, несмотря на многочисленность учреждений, занимающихся изучением тех или иных вопросов по геологии губернии, налагает сугубо ответственную задачу рационального и экономного использования имеющихся средств и сил.

Среди организаций, ведущих исследовательскую, научную работу в Московской губернии, следует выделить две организации, преследующих одну общую цель всестороннего познания геологической основы: „Общество Изучения Московской губернии“ и „Геологическое Бюро при Московском Земельном Отделе“. Вся разница заключается лишь в направлении работы, времени ее выполнения и отчасти в назначении добытых результатов. В то время, как первая есть широкая общественная организация, преследующая: 1) цель первоочередного удовлетворения нужд своих членов, 2) цель широкой информации и популяризации тех или иных знаний вне зависимости от хозяйственных перспектив, Геологическое Бюро МОЗО является организацией ведомственной, и ставит на первый план удовлетворение хозяйственных нужд губернии, часто форсируя свое внимание на мелких хозяйственных вопросах вне зависимости от направления общей работы, иногда, даже в ущерб последней. Поэтому особенную ценность приобретает совместная работа указанных двух организаций, взаимно друг друга дополняющих и нуждающихся в координации своих работ.

В настоящее время в Московской губернии имеется достаточно богатый материал по различного рода систематическим и специальным геологическим изысканиям и исследованиям, но, к сожалению, этот материал в значительной своей части недоступен не только широкой массе населения, но и специалистам-практикам, работающим в той или иной отрасли хозяйства Московской губернии. Эти материалы составляют собственность отдельных ведомств, организаций, частных лиц, часто закрывающих доступ к ни под предлогом различного рода тайн (коммерческих, авторских и пр.). Как известно, всякое новое регистрируемое явление геологического порядка имеет не только чисто практический интерес для организаций, ведущих специальные

изыскания в целях выяснения общего состояния минеральных ресурсов губернии, новые данные по геологии имеют и высоко теоретический культурный интерес, так как сопоставление всех получаемых данных ведет к более углубленному пониманию тех или иных вопросов.

Отсюда вытекает насущная необходимость сбора такого материала, его учета, систематизации, должной обработки и широкого всестороннего освещения со стороны заинтересованных организаций и лиц.

Краевед, изучающий как всю губернию, так и ее отдельные районы, преследует две основные цели: 1) получение новых знаний—моральное самоудовлетворение, 2) распространение и приложение этих знаний в обществе с целью улучшения благосостояния и подъема культурного уровня края—материальное удовлетворение.

В области геологии эти две задачи тесно переплетаются и трудно отличить, где кончается одна и начинается другая. Как известно из истории развития научных знаний, все высоко-теоретические вопросы со временем приобретали реальное практическое значение и определенную ценность. В связи с быстрым прогрессом науки и ростом хозяйственных потребностей, на наших глазах совершается эволюция как в отношении методов изучения, так и в отношении ценности имеющихся материалов. Естественное, что такое поступательное движение знаний возможно лишь на основе учета старых данных (литературных и неопубликованных общедоступных материалов).

Конечно, краевед не может и не будет ограничиваться одним литературным, архивным знакомством с геологическим строением района, а будет стремиться расшифровать геологические явления в поле.

Если существует более или менее исчерпывающее описание для интересующей местности, то проделать это довольно не трудно. Но, к сожалению, несмотря на центральное положение Московской губ., в Союзе для значительных ее частей нет достаточно полных описаний и руководств. Для одних районов имеющийся материал устарел, для других он недоступен, а для некоторых его и совсем нет (части территории вновь присоединенных уездов). Поэтому задача по сбору, систематизации и обработке материала в свете общего освещения геологии края должна послужить основой работы местных краеведов. Принимая во внимание еще очень слабую изученность некоторых районов Московской губернии и отдельных геологических явлений, следует признать, что таким путем могут быть собраны материалы, представляющие ценность и с точки зрения пополнения наших общих научных познаний о губернии. Как бы скромны не были при этом достижения отдельных лиц, они могут в общем и целом оказаться весьма солидными, если краеведческие организации широко развернут сеть таких наблюдений в губернии и если будет уделено достаточное внимание этому делу.

Чрезвычайно обширное поле для деятельности краеведа открывается в области физической геологии и гидрогеологии. Именно в этих отраслях знания стационарные наблюдения местных краеведческих организаций имеют гораздо большее значение, чем периодические летучие исследования специалистов.

Здесь мы кратко остановимся лишь на указании некоторых, наиболее заслуживающих внимания в настоящее время, вопросах, разрешением которых могут заняться местные краеведы, в полной уверенности, что добытые ими результаты послужат не только для

личного самообразования, но принесут ценную услугу местному губернскому хозяйству и составят ценный вклад в науку.

На территории Московской губернии широко распространены некоторые виды минерального сырья, которые играют весьма существенную роль в экономике губернии.

Сюда относятся месторождения полезных ископаемых, строительных материалов, включая добычу известняков, мергелей, идущих на изготовление искусственных строительных материалов, извести, цемента, бутового камня, гравия, песка, горшечных, огнеупорных, фаянсовых глин, гипса, минеральных красок, кварцевых песков для стекольных заводов, жерновых камней, мрамора, фосфоритов, бурых углей, сапропелей, торфа, кирпичных глин, суглинков и пр.

Как видно из этого перечня, особо ценных полезных ископаемых в Московской губернии нет и все перечисленные ископаемые обычно относятся в горном промысле к группе „второстепенных“. Вследствие чего изучению их не уделялось должного внимания и только теперь в связи с широко-развернувшимся городским и сельским огнестойким строительством, вопрос изучения естественных строительных материалов и сырья встал во всей своей широте перед хозяйственными организациями.

В широком масштабе добыча указанных ископаемых ведется населением неорганизованно, кустарным хищническим способом и вследствие этого ускользает как от надзора, так и от учета.

Практика показывает, что не только губернские, но и местные органы, по целому ряду объективных причин, не осведомлены о положении и состоянии разработок.

Краеведы окажут большую услугу, если будут энергично собирать всякого рода сведения, относящиеся к этому предмету. Не касаясь здесь методов и способов получения сведений, их содержания и отсылая читателя к особым имеющимся на этот предмет инструкциям¹⁾, в данном случае укажем, что весьма важно все разработки возможно точнее картировать. Ценность могут представлять не только сведения о разрабатываемых в настоящее время месторождениях полезных ископаемых, но и о таких, добыча которых производилась в прежние времена, но затем по тем или иным причинам прекратилась.

Подобных явлений после периода общей разрухи еще достаточно, и добытые сведения по этому вопросу могут послужить исходным пунктом к возобновлению работ. Наконец, в настоящее время возникающие конфликты из-за земельных угодий, на которых расположены или открываются разработки полезных ископаемых, настоятельно требуют классификации земель с точки зрения естественно исторических факторов, в частности, минеральных ресурсов. Метод подобной классификации, с выделением наиболее ценных участков в особый резервный фонд, дает в заграничной практике весьма ценные положительные результаты.

Переходя к следующему фактору — подземным и поверхностным водам, следует указать на их колоссальную роль в сельском и городском хозяйстве, на сложную зависимость от геологического строения отыскания и добычи подземных вод. Ежегодно, в различ-

¹⁾ Инструкция по производству геологических исследований полезных ископаемых составлена специальной Комиссией О-ва Изучения Моск. губ. (см. выше статью „Очередные задания Губплана к Моск. краеведч. организациям), которая наряду с тем предполагает организовать с осени семинарий для краеведов по вопросам техники геологических исследований.

ных местах губернии, разными организациями и частными лицами производится множество искусственных вскрытий горных пород (путем скважин, колодцев, выемок, расчисток, карьеров и пр.).

Большей частью при таких работах не ведется никаких систематических наблюдений, записей и таким образом добываемые при этом сведения теряются совершенно безрезультатно как для науки, так и для чисто практических целей.

Как известно, во многих частях губернии питьевые воды залегают глубоко, на несколько десятков метров. Местность часто плохо изрезана гидрографической сетью, нет ключей, родников, нет выходов пород и поэтому судить о строении местности и о глубине залегания подземных вод можно только по данным искусственного вскрытия — углубления в грунт. Население же, не зная глубины залегания уровня грунтовых вод, довольно часто бесцельно затрачивает средства, силу и время и нередко бросает работу, не достигнув цели. В связи с этим большое значение приобретают материалы и сведения, получаемые при всякого рода искусственных вскрытиях.

Геологическое Бюро, учитывая насущную необходимость сбора и сохранения подобного рода материалов, поручило уездным гидротехникам организовать это дело в уездах. Вполне естественно, что на местах работ гидротехник поручает выполнение работы по сбору материала лицам, мало интересующимся геологией края (начиная от колодезников до председателей сельсоветов). И в этом отношении краеведы окажут незаменимые услуги как хозяйству и местному населению, так и науке, обогатив новыми данными научные учреждения и музеи.

Злободневный вопрос планового проведения мероприятий по улучшению водоснабжения населенных мест требует предварительных сведений о состоянии водопользования в настоящее время. Еще бывш. Земством этому вопросу уделялось много внимания и за период 1914—1917 г. в старых границах губернии было проведено сплошное обследование в санитарном и гидрогеологическом отношении всех селений. Часть этого материала обработана, часть его за годы разрухи затеряна и необходимая работа должна быть проведена снова. По имеющимся данным достаточно большой процент водоемов уже неиспользуется по тем или иным причинам.

Геологическое Бюро МОЗО в текущем году проводило обследование в части вновь присоединенных территорий, а именно: в Ленинском, Сергиевском, Орехово-Зуевском и Егорьевском уездах. На будущий год обследование будет продолжено.

Таким образом, имеющийся материал, несмотря на кажущееся однообразие, будет для различных районов неравноценен. В новых уездах он будет более или менее полный, в старых он будет или совершенно отсутствовать или в значительной мере явится устаревшим. На краеведах лежит ответственная задача восполнить эти пробелы в смысле пополнения сведений о водопользовании своего края: 1) путем отыскания исчезнувших материалов, которые большей частью находятся на местах и 2) добавления новых сведений к существующим. Довольно близко к этому делу стоят стационарные наблюдения, где это возможно, над режимом грунтовых вод. Только местные краеведы и смогут отметить те сезонные неповторяющиеся явления, как-то: колебания уровня грунтовых вод, зависимость от климатических атмосферных явлений, оползания почвы и пр.

По самому назначению и объему настоящей статьи мы стремились лишь обратить внимание краеведов на те главнейшие вопросы,

которые стоят в порядке „сегодняшнего дня“, в решении которых краеведы могут своими силами в ближайшем будущем принять активное участие и тем принести ценную услугу науке и хозяйству губернии. Кроме проблем, перечисленных выше, разумеется, перед каждым краеведом стоит множество задач по изучению морфологии, гидрографии края, по сбору и систематизации плановых картографических материалов, библиографии, коллекционирования горных пород и окаменелостей, их определения, о чем, в силу ограниченных рамок настоящей статьи, мы не могли распространяться. В процессе работ краевед, углубившись в известную область геологических исследований, сумеет сам или под руководством специалиста, в каждом отдельном случае, должным образом ориентироваться. Вследствие этого могут появиться множество новых частных задач, которые трудно предусмотреть в начале работы.

Наша цель будет вполне достигнута, если нам удалось, хотя бы в общих чертах, показать как велика может быть роль краеведческих местных организаций и отдельных краеведов в деле познания геологии и возрождения благосостояния Московского края.

Взаимная же помощь и тесный контакт в общей работе всех заинтересованных в этом организаций—послужит основным импульсом к всестороннему изучению и рациональному использованию производительных сил губернии.

Н. Луцихин.

Полезные ископаемые Богородского уезда.

Богородский уезд, один из наиболее промышленных уездов Московской губернии, хранит в своих недрах довольно значительные запасы различных полезных ископаемых.

Из них некоторые имеют лишь местное значение, другие, как например белые глины, и в прошлом играли первостепенную роль в русской промышленности, и в настоящее время не утратили своего значения для всей Центральной Промышленной Области.

Предполагая посвятить каждому из упомянутых полезных ископаемых отдельный очерк, мы получим, таким образом, целую серию описания „полезных ископаемых Богородского уезда“.

Богородские сапропели.

Сапропелями¹⁾ называются горючие (органические) отложения на дне стоячих или полустоячих водоемов, образованные остатками вод-

¹⁾ Слово „сапропель“ заимствовано из греческого языка и в буквальном переводе означает ил, происшедший от гниения („гнилой ил“—sargos, гнилой, вонючий и pelos, ил). Ранее подобные образования были известны под шведским названием „гиттии“. Для обозначения сапропелевых отложений Потонье употребляет термин „Сапропелит“. Пелитовыми породами в противоположность псаммитовым (песчанистым) породам, называют, по примеру Наипа, породы тонко-землистого строения, при чем тонкий песок относится также к пелитам. „Сапропелитом“ Потонье предлагает называть как чистый сапропель, так и сапропелевые породы с пелитовыми неорганическими примесями. Термин „сапропелит“, по мнению Потонье, представляет то удобство, что он не указывает на илистую, твердую или студенистую консистенцию породы и, следовательно, не связан с указанием на ее геологический возраст. Так как сапропсаммиты играют среди сапропелевых пород сравнительно незначительную роль, то Потонье находит возможным

ных растений и животных, относящихся, главным образом, к (микро-) планктону. К этим остаткам всегда в большем или меньшем количестве примешаны принесенные, главным образом, с суши ветром или водой: песок, ил, пыльца различных растений, их обломки и т. д. Вся эта смесь перерабатывается под водой без доступа воздуха как путем химического саморазложения, так отчасти и при воздействии микроорганизмов.

Процесс разложения органических остатков, приводящий к образованию сапропеля, отличается от процесса оторфенения. Первичный материал, служащий для образования торфа, состоит преимущественно из наземных растений, содержит на ряду с другими веществами смолы ¹⁾, а в главной своей массе по своему химическому составу относится к углеводам. Первичный материал, служащий для образования сапропеля и состоящий, как было указано выше, преимущественно, из водных организмов, смол ¹⁾ не содержит или содержит их в очень незначительных количествах и по сравнению с исходным материалом торфообразовательного процесса беднее углеводами и богаче жирами ¹⁾ и восками ¹⁾, а также белками и, следовательно, азотом.

Насколько велика разница между первичным материалом процесса оторфенения и планктоном, основным материалом, образующим сапропель, можно видеть из следующих сопоставлений, приводимых, между прочим, у Потонье.

Брандт в своей работе „Beiträge zur Kenntnis der chemischen Zusammensetzung des Planktons“ указывает, что наземные растения содержат следующие количества белков и жиров (при перечислении на беззольное вещество).

	Белки.	Жиры.	Белки+жиры.
Луговое сено неважное	9,23 ⁰ / ₀	1,80 ⁰ / ₀	11,03 ⁰ / ₀
Луговое сено хорошее	14,81 ⁰ / ₀	3,48 ⁰ / ₀	18,29 ⁰ / ₀
Рожь молодая (зеленая)	12,73 ⁰ / ₀	3,51 ⁰ / ₀	16,24 ⁰ / ₀
Кормовая вика очень хорошая	26,60 ⁰ / ₀	3,00 ⁰ / ₀	29,60 ⁰ / ₀
Fettweide	23,00 ⁰ / ₀	5,00 ⁰ / ₀	28,00 ⁰ / ₀
Лупин хороший	25,50 ⁰ / ₀	2,80 ⁰ / ₀	28,30 ⁰ / ₀

Здесь взяты богатые белками и жирами кормовые вещества, для дико растущих наземных растений получается, несомненно, гораздо меньшие цифры.

употреблять термин „сапропелиты“ для всех сапропелевых пород, что логически, конечно, не совсем правильно. Исходя из такого словоупотребления, Потонье в своем прекрасном труде, озаглавленном „Сапропелиты“ описывает, между прочим, и сапропелитовые породы. Между тем, слово „сапропелит“ может быть заменено терминами: „сапропелевая порода“, „сапропелевые отложения“ и т. п. Можно, конечно, пользоваться и словом „сапропель“, которое в таком случае может обозначать: 1) органическую составную часть сапропелевых образований, 2) сапропелевую породу в целом (pars pro toto), взятую как отвлеченно, так и в определенных условиях залегания. То или другое употребление термина „сапропель“ всегда можно установить из контекста.

¹⁾ Что касается до химической характеристики сопоставляемых здесь веществ, то, как известно, жиры представляют нерастворимые в воде соединения трехвалентного жирного спирта глицерина с высшими жирными кислотами; воски соединения одновалентных, жирных спиртов (этилового, морициллового и др.) или одновалентных ароматических спиртов (холестрина, изохолестрина) с высокомолекулярной жирной кислотой; в качестве второстепенных примесей в жирах и восках встречаются, свободные жирные кислоты, углеводороды, красящие вещества и др.; для смол не легко дать однородное определение: они содержат твердые высокомолекулярные кислоты, углеводороды, перекиси и др.; среди них встречаются также жиробразные и воскообразные химические соединения.

Фингерманн определил в сухом веществе более старых растений *Alope curus agrestis* при перечислении на беззольное вещество: белков 7,18%, жиров 2,45%, белков и жиров 9,65%. Что касается до наземных растений, служащих торфообразователями, то они содержат азота гораздо менее, чем другие наземные растения.

Между тем, водоросль *Microcystis flos aquae*, являющаяся одним из образований сапропеля, по исследованию Энглера, содержит не менее 22% веществ, извлекаемых кипящим эфиром из высушенного материала и относящихся, главным образом, к жирам или воскам.

Для 11 планктонных ловов Брандт в упомянутой выше работе приводит следующие данные о процентном содержании белков и жиров (при перечислении на беззольное сухое вещество):

Белки	—	24,25	22,13	24,92	29,04	33,89	40,32	59,70	41,64	33,36	—
Жиры	5,15	2,35	2,47	3,80	6,22	6,49	10,98	2,59	10,82	5,03	8,55
Белки и жиры	—	26,60	24,60	28,72	35,26	40,38	51,30	62,29	52,46	38,39	—

В связи с большим содержанием жиров и белков планктонные растения по своему химическому составу приближаются к животным, что проявляется, между прочим, в тех запахах, которые распространяют разлагающиеся водоросли и которые, резко отличаясь от запаха перегноя, продукта истлевающих наземных растений, напоминают запахи, образующиеся при разложении животных организмов.

Самую возможность быть в воде во взвешенном состоянии и, таким образом, входить в состав планктона, Потонье ставит в связь с содержанием в водорослях жирного масла (*fettes Öl*), имеющего меньший удельный вес, чем крахмал, главный продукт обмена веществ у болотных и наземных растений.

Что касается до содержания углеводов, то Брандт принимает для кормовых, приводившихся выше, растений круглую цифру 70%, для диатомовых же 63,20%. Диатомовые и сине-зеленые водоросли вовсе не содержат крахмала. Да и, вообще, то, что считается углеводами у планктона, по мнению Потонье, наверное отличается от углеводов наземных растений.

Различные по своим переходным материалам, оба сравниваемые между собою процесса отличаются друг от друга и по своей химической сущности. И тот и другой, вообще говоря, носят восстановительный характер, но при оторфенении в первых стадиях процесса происходит довольно интенсивное окисление, затем уже сменяющееся явлениями восстановления. При образовании торфа органическое вещество обуглероживается, обогащается углеродом; при образовании же сапропеля накапливается не только углерод, но и водород, происходит так называемая битуминизация¹⁾.

¹⁾ Битумами называются твердые, жидкие и газообразные углеводородистые вещества: асфальт, горная смола, горный воск, нефть, некоторые газы и др. „Битум“ слово латинского происхождения (*pix tumens*) означает буквально „вздутая“ или „пухлая смола“. По несколько другому толкованию буквального смысла термина „битум“ значит „вскипающая смола“ (*pix tumens*) см. Rinne, *Gesteinkunde*, 2 Auflage, 1905 г. S. 265. По словам проф. д-ра Frans Matthias слово „битум“ встречается еще у архитектора Витрувия, жившего при императоре Августе и у Плиния (в 79 г. по Р. Х.).

Для более конкретного представления о противоположности сравниваемых процессов может служить следующая таблица, приводимая Потонье.

	Сапропелевые породы.			Гумусовые породы.		
	С в ⁰ / ₀	Н в ⁰ / ₀	Н на 100 С.	С в ⁰ / ₀	Н в ⁰ / ₀	Н на 100 С.
Плейстоцен	50—57	6—7	12	50—60	5—6	10
Кайпозой	65	8,5—9	13	60—75	4—6	7,5
Мезозой	69,5—76	8,5—12	14	75—87	4—5	5,5
Палеозой	75—83	7,5—10	11	80—95	1,5—6	4

Впрочем, в природе вряд ли происходят описываемые процессы в чистом виде. Почти всегда они протекают совместно, хотя и с преобладанием того или другого из них. В результате процесса битуминизации в застаивающихся озерах, старицах и даже морских заливах, изолированных от влияния течения или прибоя, из выше описанного материала, главным образом, растительного и животного происхождения, в конце концов, получается сапрпель, большей частью, бурая или зеленоватая кашеобразно-текучая или студенисто-илистая масса, не похожая ни на торф, представляющий, в общем, режущуюся массу, ни на почвенные образования.

В воздушно-сухом состоянии сапрпель необычайно тверд, тогда как торф в таком же состоянии легко ломается.

Если сапрпель подвергнуть перегонке, то продукт, получающийся из сапрпеля, имеет вид густой нефти и при хорошем охлаждении приемника составляет около $\frac{1}{4}$ (от 21,10⁰/₀ до 30,80⁰/₀) веса сапрпеля. Продукт перегонки торфа составляет около $\frac{1}{20}$ (от 1,46⁰/₀ до 11⁰/₀) веса последнего и не имеет консистенции нефти (получается деготь).

Остающийся в результате перегонки сапрпеля кокс составляет от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ (от 25,15⁰/₀ до 33,3⁰/₀) веса сапрпеля, кокс же, твердый остаток при перегонке торфа, составляет около $\frac{1}{3}$ (от 18,97⁰/₀ до 43,88⁰/₀) веса торфа.

Вода, получающаяся при перегонке сапрпеля в количестве около 24⁰/₀ (23,97⁰/₀) имеет щелочную реакцию, а получающаяся при перегонке торфа в количестве от 15,90⁰/₀ до 58,03⁰/₀ имеет кислую реакцию.

Газы, образующиеся при перегонке сапрпеля, в количестве около 20⁰/₀ (18,35⁰/₀) горят хорошо и продолжительно, а образующиеся при перегонке торфа (в количестве от 11,11⁰/₀ до 57,75⁰/₀), горят плохо и с перерывами.

Промышленное значение сапрпеля весьма велико, так как из него возможно приготовление целого ряда веществ, чрезвычайно высоко расцениваемых на техническом рынке.

При помощи сухой перегонки сапрпеля из него готовят: кабельвоск, служащий для электрической изоляции, серноаммониевая соль, являющаяся, по отзывам агрономов, наиболее подходящим удобрением для суглинистых и супесчаных почв Центральной Промышленной Области, параффины, смазочные масла, бензины (между прочим, кипящие при 30°—40° и потому особенно ценные, как имеющие применение в авиации) и другие вещества, служащие в каче-

стве жидкого топлива, лаки, красящие вещества, а также фармацевтические продукты: лизол, гваякол и пирокатехин. Помимо жидкого топлива при сухой перегонке сапропеля получается твердое (кокс), а также газообразное.

Правда, добыча сапропеля, а также, в виду его большой влажности, сушка его, предшествующая процессу перегонки, связана с большими затруднениями.

Однако, опыты по применению к сапропелю методов гидроторфа дали на сапропелевом болоте „Самара“ близ Осташкова весьма удовлетворительные результаты.

Плотные скопления сапропеля здесь размывались брандсбойтами, затем он подавался при помощи сапропелесосов в отстойники, в которых после спуска воды и доводился до состояния, допускающего формовку. Кирпичи сапропеля сушились далее на стелажах. Весь процесс сушки сапропеля до 20% влажности, и при том в осеннее время: при средней температуре воздуха около 12° и средней относительной влажности около 85%, требовал от 4½ до 5 недель.

В летние месяцы при более благоприятных условиях температуры и влажности сушка должна идти скорее.

Стоимость воздушно-сухого торфа на болоте при гидравлическом способе его добычи не выше 10 к. за пуд. Такую же цену можно принять и для сапропеля, добываемого по тому же способу.

Эти опыты дают полную уверенность в благополучном разрешении проблемы добычи и сушки сапропеля.

Можно попробовать также добывать сапропель землечерпалкой или драгой, установленной на понтоне, при этом кирпичи из сапропеля должны будут делаться тут же на понтоне, затем укладываться в этажерочные вагонетки и отвозиться на шамандах на поле сушки.

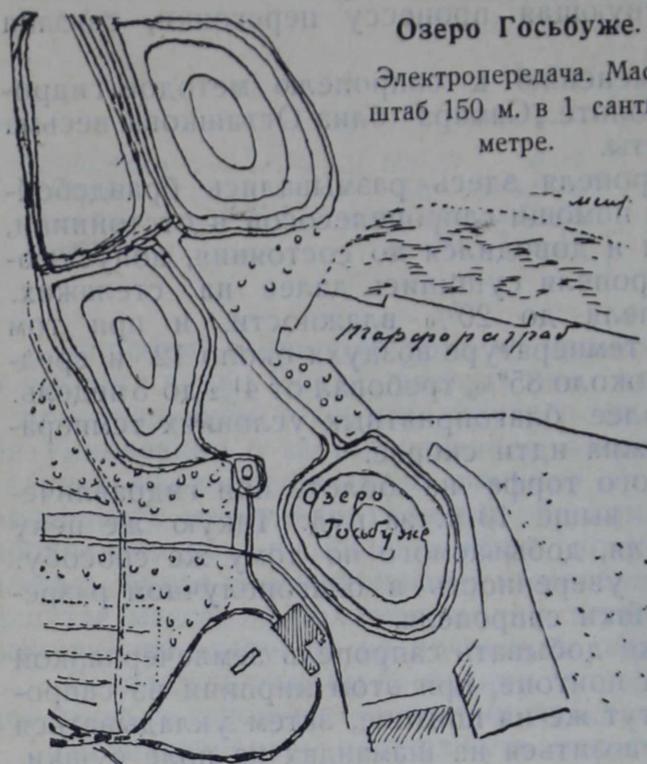
При таком способе добычи сапропель сохнет гораздо энергичнее, чем при гидравлическом способе, однако, расходы на транспорт при черпачном способе несколько увеличиваются.

В Богородском уезде сапропель был обнаружен, с одной стороны, на крайнем востоке уезда в районе „Электропередачи“¹⁾ в озере Госьбуже, с другой, в западной половине уезда в озерах: Чистом, Луковом и Поганом, расположенных в Кудиновском районе. Все эти озера представляют, повидимому, остатки зарастающих более обширных по размерам водоемов.

Озеро Госьбуже лежит в пределах огромного торфяного массива, расположенного на северо-востоке Богородского уезда и относится к системе реки Клязьмы. Небольшое (8,7 гект = 8 дес.) по размерам это озеро у берегов зарастает болотной растительностью,

¹⁾ „Электропередача“ — станция, носящая имя своего выдающегося инженера, недавно умершего, К л а с с о н а, снабжает электрической энергией весь Богородский уезд, а также значительную часть гор. Москвы и Нижегородской жел. дор. Открытие сапропеля в районе „Электропередачи“ не было случайностью. У инженера В. Д. К и р п и ч н и к о в а, сподвижника К л а с с о н а в деле „гидроторфа“, доставившего им обоим мировую известность, а также у Э. Р. У л ь м а н а явилась мысль, нельзя ли открыть сапропель в районе мощной электростанции: электрическая энергия, отсутствовавшая во всех известных тогда местах залегания сапропелей, могла бы, по мысли В. Д. К и р п и ч н и к о в а и Э. Р. У л ь м а н а, значительно облегчить добычу сапропеля. Сапропель и был, действительно, найден секретарем только что возникшего (май—июнь 1919 г.) Сапропелевого Комитета Российской Академии Наук покойным В. Н. Т а г а н ц е в ы м в июне 1919 г. Приводимые ниже не опубликованные материалы, касающиеся Госьбужского сапропеля, были переданы В. Д. К и р п и ч н и к о в ы м автору настоящего очерка для опубликования, за что автор от имени Богородского института краеведения приносит, глубокою благодарность.

образующей широкую прибрежную кайму. Впрочем, благодаря вмешательству человека в этот процесс заболачивания, упомянутая кайма у самого берега почти повсюду снята на протяжении нескольких метров, и, таким образом, получилось зеленое кольцо, окаймляющее

Озеро Госьбуже.

Электропередача. Масштаб 150 м. в 1 сантиметре.

центральную часть озера и отделяющее ее от прибрежной части, искусственно освобожденной от растительности.

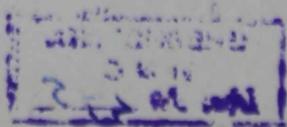
Резкие изменения в жизни озера произошли также и по другой причине. Дело в том, что воды этого озера служат для охлаждения паровых турбин "Электропередачи", расположенной на самом берегу озера Госьбуже. Для этой цели озеро соединено с системой трех озер, образовавшихся из выработанных карьеров и, с одной стороны, принимающих нагретую от паровых турбин воду озера Госьбуже, а, с другой, снабжающих это озеро холодной болотной водой. Таким образом, в озере возникают

постоянные температурные колебания, а гумусовые кислоты, приносимые в озеро болотными водами, по мнению В. Н. Таганцева, вызывают гибель планктона и тем самым препятствуют процессу образования сапропеля, искусственно увеличивая размеры той верхней зоны воды, в которой и при обычных естественных условиях процесс накопления сапропеля прекращается. Температура воды на поверхности озера Госьбуже в июле 1919 года была 20°, а температура сапропеля, выбрасывавшегося насосом с глубины 6—8 метров: 10°.

Кудиновские сапропелевые озера лежат в пределах Маслова болота, расположенного на широком водоразделе речных систем Клязьмы и Москвы. Впрочем, упомянутое болото питает преимущественно притоки р. Клязьмы, которые в виде небольших речек и ручьев берут начало на территории Маслова болота, прокладывая себе путь в промежутках между невысокими, преимущественно песчаными буграми, окаймляющими со всех сторон болотное пространство.

Занимая около 5000 десятин, Маслово болото покрыто местами молодым хвойным или смешанным лесом. Из указанного числа десятин около 3750 дес., занято торфяными разработками.

Самое большое очеро Чистое, расположенное почти в центре Масловского торфяника, имеет площадь около 70 десятин по данным Главземхоза, по обмеру И. С. Маевского—63,48 д. и по обмеру 26 г.—59,76 гект.—59,69 дес. Окружено оно торфом максимальной для Маслова болота мощности от 4—5 до 8—9 метров. В настоящее время Чистое озеро, как и Луково, спущено. обследо-

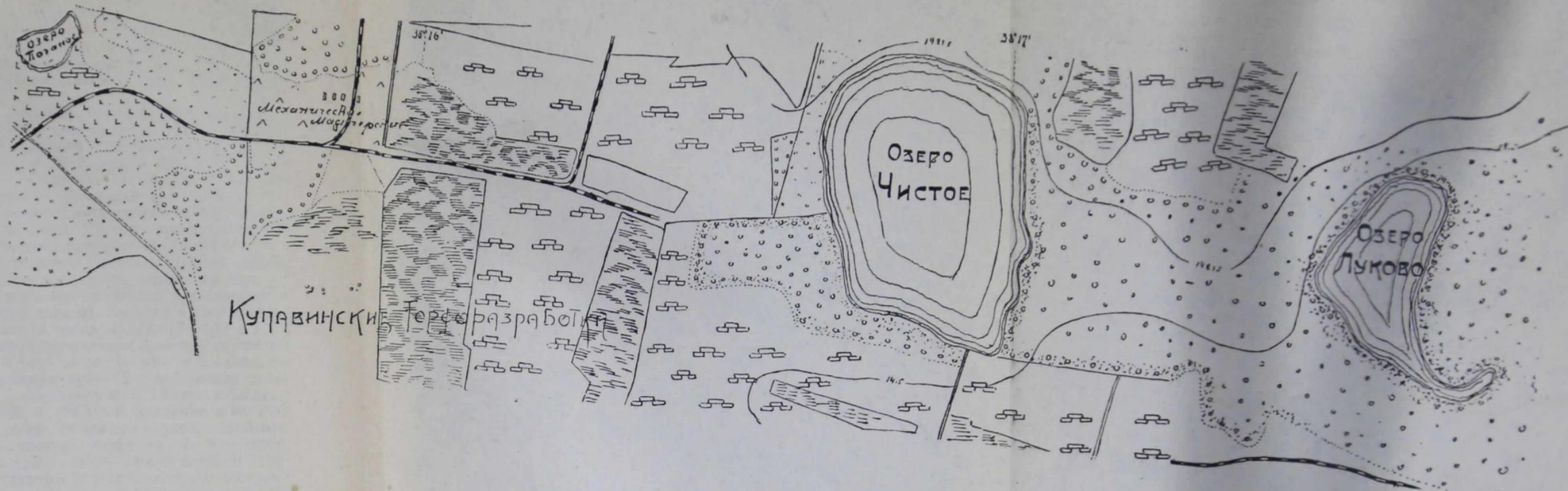

Кудиновские сапропеловые озера.

Масштаб 150 м. в 1 сантиметр.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

- жел. дорога
- проселок
- пашня
- выгон
- выгон забол.
- луг сухой
- луг мокрый
- луг с кустарник.
- болото
- лес
- торфоразработка
- рытвины
- горизонтали

вание 1920—21 года производилось до спуска воды из озера. Тогда оно имело глубину до 8—9 метров. Уже на глубине от 0,2 до 0,7 метра были обнаружены иловатые частицы во взвешенном состоянии, глубже они переходили в довольно плотные скопления желеобразной массы, залегавшей до самого минерального дна. В прибрежной части при глубине в 4—6 метра сапрпель выполнял всю массу воды до верху. Ил сапрпелевого характера залегаёт и под торфом приозерной части.

Такой же характер носит и соседнее озеро Луково, лежащее в 700 метрах к востоку от оз. Чистого. Оно имеет меньшие размеры, чем Чистое: около 20 десятин по данным Главземхоза, по обмеру Маевского—18,67 д. и по обмеру 26 г.—19,03 гек.=17,39 дес. Окаймляющий озеро торф имеет мощность от 4 до 7 метров. До спуска воды из озера сапрпель выполнял всю массу воды до самой поверхности при глубине озера до 4 метров ¹⁾. Скопления сапрпеля более плотные, чем в озере Чистом, простираются и за пределы берегов озера и подстилают прибрежные торфа.

И. С. Маевский считает, что озеро Чистое и Луково „ничем не связаны между собою и являются так сказать, образцами замкнутых бассейнов без стока и притока“. Как показала произведенная зимой 1920 г. нивелировка, уровень льда оз. Чистого в гипсометрическом отношении лежит выше, чем у озера Лукова (7—0,30 м.).

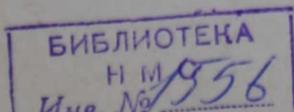
Третье озеро Маслова болота, расположенное к западу от только что описанных озер в 3,5 верстах от озера Чистого и в таком же расстоянии от села Кудинова, занимает всего 2 с небольшим десятины (2,25 д. по данным Главземхоза, по обмеру 26 г. 3,5 гект.=3,2 дес.) и имеет глубину от 7 до 8 метров в северной половине и от 1 до 1,5 метра в южной. Берега южной половины сухие, песчаные, северной же—торфяные с мощностью торфа в 7—8 метров. С суходолов южных берегов озера в озеро приносилось и приносятся минеральные частицы, главным образом, иловато-песчаные и слюдястые. Значительная примесь упомянутых частиц отличает иловатые скопления Поганого озера от сапрпелей двух других озер Чистого и Лукова.

Спокойный характер описываемых водоемов играл, конечно, важную роль в накоплении сапрпеля, предохраняя органическое вещество водоемов от окисления:

Что касается геологической характеристики описываемых районов, то для озера Госьбуже можно привести разрез скважины электрической станции „Электропередача“. Здесь ледниковые пески, а затем черная юрская глина залегают на известняке каменноугольной системы.

Для характеристики геологического строения Куудиновских сапрпелевых озер И. С. Маевский приводит разрез глинокопен в окрестностях Сафоновой и Каменки, заимствованный у С. Н. Никитина, при чем выпускает имеющиеся у С. Н. Никитина данные о мощности юрских отложений (6 м.). Быть может, это игнорирование мощности юрских отложений заставляет И. С. Маевского отождествлять глинистые породы, подстилающие сапрпель с Гжельскими (иначе „Куудиновскими“) глинами, распространенными в Куудиновском районе.

¹⁾ Имеющиеся в литературе несколько разноречивые указания относительно глубины Лукова озера проверить не представляется возможным, в виду спуска воды из озера. В настоящем очерке взяты меньшие цифры.

Как известно, Гжельские глины залегают между карбоном и юрой ¹⁾, между тем, скважина Маслова болота, несравненно более характерная для отложения сапропеля, чем вышеупомянутый разрез глинокопен у Сафоновой и Каменки, свидетельствует о десятиметровых отложениях юрской глины в районе Маслова болота.

Q,al	Песок желтый	9,14 м.
I ₃	Глина черная с колчеданом	10,06 "
C ₃ ?	Глина серая	8,23 "
	Камень	0,51 "
	Глина серая	5,94 "
	Камень	0,46 "
	Глина красная	10,11 "
C ₂	Известняк водоносный	7,37 "

В виду этого, сам собою возникает вопрос, правильно ли отождествлять подстилающие сапропель породы с Гжельскими глинами.

С другой стороны, отсутствие указаний на наличие в породах, извлеченных из под сапропеля юрских ископаемых, не позволяет отнести подстилающие сапропель породы и к юрскому периоду.

Естественнее всего, глинистые и песчаные породы, непосредственно подстилающие сапропелевые отложения, считать по возрасту четвертичными. В оз. Чистом эти породы представлены чистыми пластичными серо-и темно-зелеными глинами, или этими же глинами с примесью песка, иногда над ними залегает тонкий легко пробиваемый пробником прослой песка; в северных и восточных частях оз. Чистого под сапропелем также был встречен песок. В оз. Луковом среди подстилающих пород преобладают те же глины и только в южных и юго-восточных частях озера под сапропелем залегает исключительно песок с малой примесью глины.

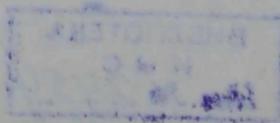
Приведенная петрографическая характеристика также не позволяет относить эти породы к горизонту Гжельско-Кудиновских глин, и, напротив, очень хорошо согласуется с отнесением упомянутых пород к четвертичному периоду. К такому определению возраста подстилающих сапропель пород побуждает также и осмотр пород, извлеченных буром Гиллера из под сапропеля в районе оз. Лукова ²⁾. По своей структуре зеленосерая глина, принесенная буром, не может быть отождествлена с Гжельско-Кудиновской глиной, хотя и можно констатировать некоторое сходство той и другой глины по цвету.

Для определения запасов сапропеля в Кудиновском районе во время исследовательских работ 1920 года были заложены через 100 м. скважины по льду озер и по их берегам. Это дало возможность оконтурить залежи сапропеля в каждом озере.

Нельзя не отметить некоторого противоречия имеющихся в литературе сведений о границах залежей. И. С. Маевский указывает лишь небольшие рукавообразные залежи сапропеля под торфом в южной окраине оз. Чистого; толща сапропеля оз. Лукова ограничивается, по данным Маевского, берегами озера и не простирается под прибрежный торф. Между тем, в труде Главземхоза „Ку-

¹⁾ См. „Гжельские Глины“ (Гжельско-Карповский, Кудиновский и Павловопосадский районы разработок глин). В. И. Успенский в сотрудничестве с Т. С. Дмитриевым. Часть I геологическая под редакцией старшего геолога Геолог. Комитета А. Н. Розанова. С приложением 3 карт. Издание Богородского Института Краеведения. М. 1927.

²⁾ Скважина закладывалась автором 7/VII—27 г. при участии действительных членов Богородского Института Краеведения И. Н. Васильева и Т. С. Дмитриева.

диновский заболоченный район“ имеются указания на наличие сапропелевых залежей под торфяниками для обоих озер.

Так как точное выяснение запасов сапропеля, скрытого под торфом, требовало весьма детальной разведки, то эти запасы не были приняты во внимание при подсчете количества сапропеля в Кудиновских озерах. Разведочные работы 1920 г. путем зондировки и нивелирования позволили составить карту Кудиновских озер с отметками глубин залегания (от поверхности льда) минерального дна для самих озер и их берегов. Ряд горизонталей дал гипсометрическое изображение дна и вместе с тем позволил определить запасы сапропеля, при чем залежь того или иного озера рассматривалась, как ряд горизонтальных слоев, имеющих форму усеченных конусов и образованных воображаемыми параллельными горизонтальными плоскостями, проведенными через 1 метр. Объем сапропелевой массы, таким образом вычислялся при помощи известной формулы объема усеченного конуса: $V = \frac{1}{3}h (B + \sqrt{Bb} + b)$. Площади оснований, являвшиеся одновременно площадями соответствующих горизонталей, определялись помощью планиметра с точностью до 0,015 дес. при масштабе 50 с. в 1".

Таким путем были определены запасы сапропеля в Кудиновских озерах.

Исследованная площадь залежей сапропеля оз. Чистого в 63,48 десятин (688.650 кв. метр.) при средней мощности в 4,1 м. имеет запас сырого сапропеля в 290.000 кб. с. (2.800.000 кб. м.). Площадь тех же залежей оз. Лукова в 18,67 десятин (203.885 кв. м.) при средней мощности в 2,5 м. обладает запасом сырого сапропеля в 53.200 кб. с. (516.130 кб. м.) и, наконец, 2,25 десятин залежей сапропеля оз. Поганого при средней мощности 3,9 м. содержит в себе 9.800 кб. с. (95.360 кб. м.) сырого сапропеля.

Всего в трех озерах имеется, таким образом, около 200 миллионов пудов сапропеля.

По обследованию В. Н. Таганцева, Госьбужский сапропель имеет мощность от 5 и более аршин и, покрывая все дно озера Госьбуже, содержит в переводе на абсолютно сухое вещество сотни тысяч пудов сапропеля.

Разрезы некоторых скважин, обнаруживающих, напр. в оз. Чистом под трех—или четырехметровым слоем торфа слой сапропеля такой же мощности, свидетельствуют о двух сменявших друг друга процессах, которым подвергались органические вещества озер: битуминизации с образованием сапропеля и обуглероживания с образованием торфа. Последний процесс является более молодым и протекает в настоящее время, выражаясь в зыбунах прибрежной части, в пышном развитии болотно-луговой растительности, покрывающей сапропелевые массы, в черной окраске верхних слоев сапропеля, обычно имеющего в описываемых озерах зеленоватый цвет и т. п.

Продукты упомянутых двух процессов, взаимно смешиваясь, образовали разновидности сапропеля, отмеченные И. С. Маевским и под названиями доплеритового сапропеля и гумусового ила.

Доплеритовый сапропель ¹⁾ представляет собою как бы механическую смесь чистого сапропеля и разложившихся торфообразую-

¹⁾ Термин „доплеритовый сапропель“, употребленный в впервые в Zur Frage нас Urmaterialien der Petrolea“ 1905 г. (S. 354), обозначает сапропель в смеси с гумусовым кислотами, а также с намытым и отмученным торфом. Минерал доплерит представляе

ших растений. В одном образце такого доплеритового сапропеля вполне отчетливо можно было заметить и места с зеленоватой окраской чистого сапропеля, и места темно-коричневой окраски торфяного гумуса.

Гумусовым илом И. С. Маевский называет темно-коричневую пластичную иловатую массу, заключающую в себе тоненькие стерженьки; в ней не было заметно даже в слабой степени зеленоватого цвета, хотя проба с указанным илом и бралась вблизи берега. Гумусовый ил покрыт слоем суховатого и легко рассыпающегося перегноя, начинающегося почти с поверхности. Исходя из близкого соседства березняка с отложениями гумусового ила И. С. Маевский высказывает предположение, что этот ил генетически связан с лиственным лесом.

Помимо указанных разновидностей органогенных отложений, И. С. Маевским отмечена сапропелевая глина, весьма мягкая, пластичная, при нагревании дающая буроватое вещество, а также газы со слабым масляным запахом. Цвет Госьбужского сапропеля зеленовато-бурый, на воздухе быстро темнеет. Зеленоватый оттенок сапропель сохраняет и в сухом виде. Подвергнутый сушке, при 80% влажности он начинает сереть; в сухом состоянии он более серый, чем зеленый.

Для основной массы Кудиновского сапропеля как подводного, так и залегающего под слоем торфа, характерен зеленоватый цвет, стоящий очевидно, в связи с хлорофиллом, сохраняющимся без особых изменений в погребенном и защищенном от света состоянии. Согласно указаниям Любименко, пластиды, носители хлорофилла, остаются неповрежденными, сохраняющими нормальную зеленую окраску в то время, как другие ткани подвергаются разрушению.

Упомянутая окраска, встречавшаяся уже на небольшой глубине (ок. 1 м.) от поверхности льда и присущая также чистому сапропелю и под торфяной покрывкой, удерживается до самого дна. Это указывает, что преобладающую роль в образовании описываемых отложений сапропеля играли не столько фауна в виде планктона, разных рыб и червей, сколько хлорофиллоносные представители флоры (фитопланктон).

Что касается до микробиологического анализа, имеющего большое значение для вопроса о генезисе сапропеля, а отчасти и для технического его использования, то в литературе известен фитобиологический анализ сапропеля с оз. Госьбуже, производившийся С. М. Вислоухом.

Анализ сапропеля, взятого на глубине 6,5 мет. у западного берега Госьбуже, дал следующие результаты: ∞ Пустые оболочки диатомовых. 2. Пустые оболочки *Scenedesmus quadricauda* (Turp.) Gréb. 2. Пустые футляры нитчатых синезеленых (*Lyngbya* sp.). 1. Пустые оболочки *Botryococcus Braunii* Ktz. 1. Пустые оболочки спор *Nostocaceae*. 2/3. Пустые оболочки *Pediastrum dupilex* Meyen. 2/3. Пустые оболочки *Pediastrum Boryanum* v. *granulatum* (Ktz.) Br. 3. Пустые оболочки спор хризомонад. 2. Остатки высших растений

собою осажденные гумусовые кислоты и имеет студнеобразную твердую консистенцию и буро-черный цвет.

В противоположность обыкновенному сапропелю доплеритовый сапропель так же, как и торф, благодаря присутствию в них гумусовых кислот, разъедает железо. Чистый сапропель, напротив, освобождает железо от ржавчины, действуя на него раскисляющим образом. В сомнительных случаях доплеритовый сапропель легко отличим от обыкновенного благодаря сильному побурению жидкости после обработки ее аммиаком.

и мхов. 2. Пыльца хвойных (сосны). 2. Иглы пресноводных губок. 2. Песчинки 4—12 μ (макс. 30 μ). ∞! Детрит.

Главную массу сапропеля составляет детрит, на втором месте стоят диатомовые, пользующиеся для образования своего скелета растворимым кремнеземом и предпочитающие чистую прохладную воду.

1. *Melosira italica* Ktz., *M. ital.* v. *crenulata* (E.) Ktz., *M. ital.* v. *tenuissima* (Gr.) O. M., *M. ital.* v. *tenuis* (Ktz.) O. M., *M. ital.* subsp. *subarctica* O. M., *M. lirata* (E.) Gr. et var.? *M. distans* Ktz. (et var. *Pfaffiana* Gr.), *M. ambigua* O. M.

2. *Stauroneis Phoenicenteron* E. v. *amphilepta* (E.) Cl., *Staur.* *Phoen.* v. *genuina* Cl., *Staur.* *anceps* E. v. *amphicephala* Ktz., *Staur.* *anc.* v. *fossilis* Cl., *Pinnularia stauroptera* (Gr.) Cl. v. *interrupta* Cl., *Pinn.* *parva* (E.) Greg., *Pinn.* *interrupta* W. Sm. v. *stauroneiformis* Cl., *Eunotia formica* E., *Eun.* *sudetica* O. M., *Eun.* *robusta.* v. *tetraodon* (E.) Hust., *Eun.* *rob.* v. *octodon* (E.) Hust., *Eun.* *pectinalis* (Ktz.) Rabh., *Eun.* *pect.* v. *ventralis* (E.) Hust., *Eun.* *pect.* v. *undulata* Ralfs, *Eun.* *flexuosa* Ktz.

3. *Gomphonema sphaerophorum* E., *Gomph.* *acuminatum* E. f. *coronata* E., *Gomph.* *constrictum* v. *capitata* E., *Navicula americana* E., *Neidium Iridis* et v. *ampliata* (E.) Cl., *Cymbella cuspidata* Ktz., *Tabellaria fenestrata* (Lyngb.) Ktz., *Fragillaria pinnata* E. v. *elliptica* (Schum.) Hust., *Hantzschia elongata* (Hantz.) Gr.

Преобладающими являются представители рода *Melosira*, диатомовые, перечисленные в пункте 2, встречаются реже, но тоже довольно часто, остальные (пункт 3) встречаются лишь единично.

Данные анализа говорят за то, что рассматриваемый сапропель, как, вообще подавляющее большинство горючих органических отложений, образовался, главным образом, путем автохтонным, т.-е. при помощи накопления его в том же месте, где был первоначально материал, послуживший для его образования (остатки водных растений и животных). Образующие элементы, принесенные в водную среду ветром или водой, как напр., остатки высших растений, пыльца хвойных, песчинки, указывают на то, что попутно с автохтонным накоплением сапропеля шло накопление аллохтонного порядка, хотя и в менее значительных размерах.

В виду того, что сапропель озера Госьбуже богат диатомовыми, он, по мнению С. М. Вислоуха может превратиться в дальнейшем при благоприятных условиях в диатомовый сапропель или даже трепел ¹⁾. Обнаруженные в сапропеле формы *M. italica* и *M. ambigua* представляют типично пелагические формы открытых водоемов, а формы *M. distans* и *M. lirata* встречаются обычно в горных озерах или же в озерах, питающихся холодными ключевыми водами. И действительно, несмотря на свои небольшие размеры оз. Госьбуже обладает, благодаря своей относительно большой глубине, хорошо развитой пелагической частью.

Само собою понятно, что сапропель должен обладать большим содержанием воды. Влажность двух проб Кудиновского сапропеля, по сообщению проф. Зелинского, равна: 92,8% для одной пробы и 95,75% для другой, при чем удельный вес той и другой пробы близок к 1,00. Сапропель, залегающий под слоем торфа, естественно более плотен и менее содержит воды, чем подводный сапропель. Несмотря на громадный процент влажности, желеобразный вид сапропеля сохраняется даже у верхних слоев подводного сапропеля.

¹⁾ И, следовательно, может быть тогда использован технически, как кизельгур.

Сапрпель из оз. Госьбуже имеет, по словам В. Д. К и р-пичникова, кашеобразную, слегка студенистую консистенцию. Влажность Госьбужского сапрпеля равнялась 97,01%, удельный вес при комнатной температуре = 1,04. Скорость истечения сапрпелевой массы через 1½' отверстие железной трубы относилась к скорости истечения воды, как 6:5 или 7:6, в зависимости от степени влажности. Таким образом, трение при движении по железной трубе сравнительно с жидкой торфяной массой невелико. Способность испарять воду при малой поверхности очень незначительна: из мензурки в 200 куб. сан. (д. = 33 м/м, влажность = 97,01) в комнате через 15 дней испарилось всего 20 куб. с. Отжимание сапрпеля прессом давало лепешку с влажностью в 82,71%, которая быстро высыхала (в комнате до 8,40%), не растрескивалась и с большим трудом разламывалась.

Сапрпель из озера Госьбуже летом 1919 года был подвергнут сушке. Она началась во второй половине июля, когда миновал уже самый благоприятный период для сушки (май, июнь и первая половина июля), и когда торфяные работы заканчивались. Тем не менее, при естественной сушке удалось получить сапрпель даже 24% влажности.

Сапрпель наливали как в рамки, разделенные на ячейки, так и сплошной массой, разливали и на суходоле, и на торфяной залежи.

При разливе избыток воды быстро стекал с поверхности сапрпеля, усадка сапрпеля происходила быстро, на второй же день после разлива высота слоя понижалась почти на треть первоначальной высоты. Уменьшение влажности происходило настолько энергично, что на второй день можно было снимать рамки или формовать. На третий день сапрпель трескался, что могло происходить от большой зольности сапрпеля, а также от отсутствия волокон. Цельные кирпичи удавалось получать редко и при этом в том только случае, если величина кирпича не превышала 225 × 130 м.м. при толщине в 125 м.м. Тонко разлитый слой растрескивался на мелкие кусочки.

В отношении сушки имело значение, был ли налит сапрпель на большую площадь сплошной массой или разлит в рамки, разделенные на ячейки; во втором случае падение влажности идет, конечно, быстрее, чем в первом. При сушке сапрпель перевертывали, т. к. разница во влажности верхнего и нижнего слоя часто громадна. В то время, как верхний слой имеет 35% влажности, нижний имеет 70%, хотя влажность почвы всего 17%¹⁾.

Кроме перевертывания кирпичи сапрпеля клались в клетки и т. д.—соблюдалась та же последовательность, как и при сушке торфа.

Усадка сапрпеля значительна. При 97% исходной влажности налитый слоем высотой в 125 м.м. сапрпель при 24% влажности имел высоту всего 30 м.м. Что касается до влияния метеорологических условий, то выпадение дождя не так удлиняет процесс сушки сапрпеля как торфа.

Сопоставление усадки и высыхания торфа и сапрпеля проводилось на торфе и сапрпеле, разливавшихся на торфяной залежи, после снятия очеса, на площадях, соответственно 1100 × 1300 м.м. и 1100 × 1100 м.м.

В то время, как количество влаги в торфе и сапрпеле, в зависимости от атмосферических влияний, то падает, то опять несколько

1) Влажность сапрпеля определялась не взвешиванием кирпича, а пробами, которые брались в небольшом количестве.

возрастает, высота слоя торфа и сапропеля неуклонно уменьшается каждый день и, самое большое, задерживается два—три дня подряд на одном и том же уровне; впрочем, однажды за все время наблюдения № 5 для сапропеля отмечается, после непрерывного уменьшения высоты слоя на продолжении нескольких дней, ее увеличение на 2 м/м. на один или два дня.

Несмотря на то, что начальная влажность торфа и сапропеля была почти одинакова и у торфа даже несколько меньше, чем у сапропеля (97,53% у сапропеля и 96,56% у торфа) влажность торфа понизилась лишь до 75,8%, тогда как влажность сапропеля за тот же промежуток времени упала до 44,79%.

Что касается до усадки, то высота слоя и торфа, и сапропеля уменьшилась на одну и ту же величину: 90 м/м (начальная высота слоя сапропеля 140, торфа 130 м/м).

Еще резче проявляется разница между процессами усадки и сушки сапропеля в наблюдении № 2: понижения влажности чередуются временами с ее повышениями, между тем, как высота слоя сапропеля непрерывно падает, иногда только задерживаясь на одном и том же уровне более суток.

Разницу между сушкой верхнего и нижнего слоев сапропеля характеризует наблюдение № 3.

Высыхание нижнего слоя идет, естественно, медленнее, чем высыхание верхнего и, начинаясь с более низкой влажности останавливается по сравнению с верхним слоем на более высокой влажности. Колебания в величине влажности, в зависимости от атмосферических влияний, для нижнего слоя сапропеля, конечно, менее значительны, чем для верхнего.

Влияние разлива в рамки, разделенные на ячейки, отражается, напр., на процессе усадки: высота слоя сапропеля, разлитого в рамки, падает более стремительно и, несмотря на большую начальную высоту, останавливается на меньшей величине (за такой же промежуток времени), чем в том случае, когда сапропель разлит сплошным слоем на суходоле (наблюдения № 3 и № 4). (См. табл. на стр. 25).

С нижним и верхним слоями сапропеля сравнивался также и средний: в наблюдении № 7 мы имеем для сапропеля, налитого на песке в деревянную рамку—влажность верхнего слоя 35,76%, среднего 74,21% и нижнего 70,15% при влажности песка 17,36%.

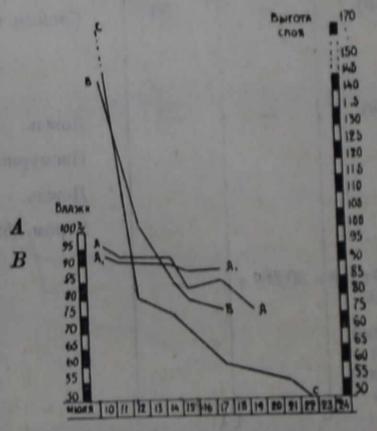
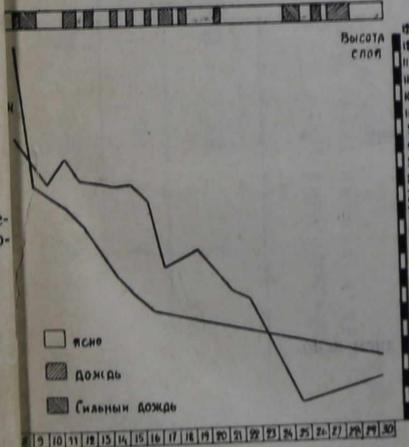
Помещенные ниже таблицы наблюдений позволяют также провести сопоставление между сушкой сапропеля на болоте и сушкой его же на суходоле.

Под руководством инженера В. Розанова были поставлены наблюдения над высыханием четырех образцов: 1) сапропеля из Осташкова (из болота „Самара“) с начальной влажностью в 81,25%, 2) сапропеля из Осташкова, размешанного с 1½ объемами артезианской воды с начальной влажностью 92,10%, 3) сапропеля из озера Госьбуже с начальной влажностью 97,04% и 4) гидравлического торфа с начальной влажностью 94,80%.

Образцы в рамках с полотняным дном помещались на песке с толщиной слоя в 7 см. Для характеристики сушки отмечались следующие факторы: температура, относительная влажность, сила ветра и осадки. Последние два фактора создавались искусственно: ветер—вентиляцией, осадки—поливкой водой. (Сушка производилась в лаборатории). Степень высыхания образцов определялась их взвешиванием.

Наблюдения над сушкой на суходоле — сапропеля, добытого на озере Госьбуже Г.Э.С. „Электропередача“.

Месяц и числ.	Состояние погоды.	№ 1.			№ 2.			№ 3.					№ 4.								
		Влажн.	Зольн.	Состояние сапропеля.	Влажн. ность.	Зольн.	Плошадь.	Выс. раз-лит. слое.	Состояние сапропеля.	Влаж. верхн. слоя.	Влажн. нижн. слоя.	Зольн.	Площадь разлива.	Выс. раз-лит. слое.	Состояние сапропеля.	Влажн.	Площ. верх. основ.	Площ. нижн. основ.	Выс. раз-лит. слое.	Состояние сапропеля.	
																					Влажн.
Июль																					
8	Ясно. Ночью дождь .	97,11	28,66	Со мхом	97,08	225×130	125	Без мха при разливе в рам-ки, вода быстро отделяется и уровень ячеек кирпич понижается.	—	—	—	—	—	—	Без мха. Добыто черпаком, начало разлива 9-го. Конец разлива 10-го. Начал растрескиваться. Растрескался во многих местах до земли. 12-го отформов.	—	—	—	—	—	—
9	Сильн. дождь. Град.	—	—	Разлит.	—	190×110	83		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
10	Ясно	90,09	—	в рамки	83,75	190×110	83		96,03	93,21	—	2150.2150	145		—	227×150	227×150	170	Налит в желез. рамки.		
11	Ясно. Ноч. дождь .	90,85	—	Добыт желонкой.	90,69	177×97	76	Рамка снята кирпич начал трескаться пост. на ребро.	93,92	92,28	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
12	Ясно	80,32	—		84,92	170×85	70		—	—	—	—	102		—	173×110	220×140	80			
13	Утро дождь. День ясно	—	—		—	—	—	Слож. в тройн.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Рамка снята.	
14	Ясно. Веч. неб. дождь	79,32	—		82,32	160×85	55	в клетки.	92,33	90,47	—	—	85		—	165×105	210×130	75			
15	Ясно. Веч. дождь .	—	—	Слож. в рамки.	83,25	130×85	50		83,25	88,30	—	—	80	Перевернут.	—	150×95	210×130	70	Перевернут.		
16	Ясно. Веч. дождь .	74,99	—		77,56	80 шир.	45		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
17	Ясно. Ночью буря дождь	49,40	—		57,90	80	45		85,97	89,14	31,20	—	76		—	150×95	—	60			
18	Ясно. Веч. бур. дождь	—	—		—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
19	Ясно	54,19	—		63,03	—	—		76,64	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
20	Ясно. Ночью дождь .	—	—		—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	145×95	168.115	55			
21	Ясно	—	—		50,26	—	—		—	—	—	—	—	—	—	140×90	150×100	50			
22	41,02	—		48,02	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
23	—	—		—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
24	—	—	проба из нескольких кирпичей.	—	—	—	Проба из нескольких кирпичей.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
25	Сильный дождь . .	19,28	—		17,38	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
26	Дождь ночью . . .	—	—		—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
27	Пасмурно дождь .	—	—		—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
28	Дождь весь день .	—	—		—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
29	—	—		—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
30	—	—		24,02	—	70	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		

Усадка и усадка сапропеля, налитого на суходоле. Набл. № 2.
— высота слоя.
— влажность.

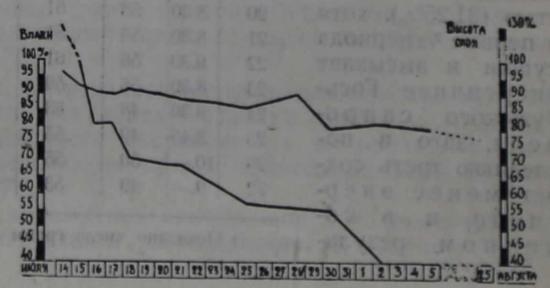
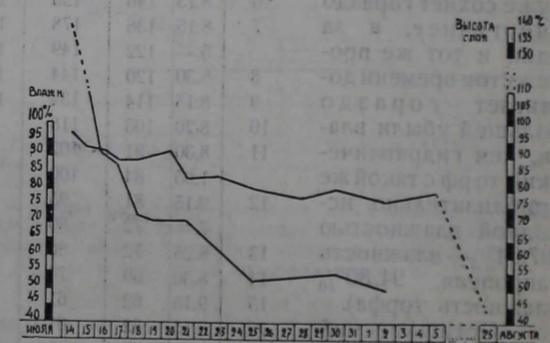
Набл. № 3 и 4.
А — влажность верхнего слоя, А1 — влажность нижнего слоя, В — усадка площ. 21×2 м. (набл. № 3).
С — усадка сапропеля, налитого в железн. рамки кирпич. 222×150 м/м. (набл. № 4).

Наблюдения над сушкой сапропеля из оз. Госьбуже и торфа, добытого гидравлич. способом на участке № 4.

№ 5. Сапрпель налит на площадь 1100.1100 м.м.					
Мес. и число.	Влажность.	Зольн.	Высота слоя.	Состояние сапропеля.	
					Июль
	15	93,91	—	110	Дал уже трещины разрезан на прямоуго.
	16	92,61	—	91	Цвет все еще зеленоватый. Наружный слой 4 м./м. плотнее чем внутренний, который цвета коричневатого.
	17	89,24	—	88	
	18	89,7	—	73	
	19	—	—	71	
	20	92,25	—	—	
	21	83,97	—	71	
	22	—	—	—	
	23	84,30	—	—	
	24	—	—	—	
	25	81,07	—	53	Начал сереть.
	26	—	—	—	Сапрпель перевернут.
	27	—	—	—	
	28	78,29 ⁰	—	—	
	29	—	—	—	
	30	80,47	—	55	
Авг.	1	—	—	—	
	2	77,40	—	50	Сложен в клетку.
	3	—	—	—	
	4	—	—	—	
	5	79,80	—	—	Дождь.
	6	—	—	—	Пасмурно.
	7	—	—	—	Дождь.
	8	—	—	—	Утром дождь, днем ясно.
авг.	25	Верхний слой 44,79	30,56 ⁰	—	
		Нижний слой (у земли) 60,75	—	—	

№ 6. Торф налит на площадь 1100.1310 м.м.				№ 7. Сапрпель налит на пексе в дерев. рамку.					
Влаж-ность.	Зольн.	Высота слоя.	Состояние торфа.	Мес. и число.	Влажность				Вы-сота.
					вер. сл.	сред.	ниж.	Почвы (песка).	
96,56	—	130	Торф с № VI волокни- стый, цвет коричневат.	Авг.					
92,81	—	100,5	Часть разрезана на прямоугольник.	1	97	—	—	—	125
90,63	—	81		16	35,76	74,21	70,15	17,36	45
90,18	—	81							
91,52	—	70							
—	—	69							
89,27	—	—							
87,75	—	69							
88,09	—	—							
86,07	—	57	Торф разрезан						
81,51	—	55							
82,68	—	40							
80,03	—	—							
77,41	5,71	—							

Наблюдения № 5 и 6.
Диаграммы сушки и усадки торфа сапропеля.
Набл. № 5.

Сушка сапропеля и гидроторфа.

Приводимая ниже (стр. 29) диаграмма высухания сапропеля и гидравлического торфа наглядно изображает результаты наблюдений, проводя сравнение в отношении процесса сушки, с одной стороны, между Осташковским и Госьбужским сапропелями, а с другой между гидравлическим торфом и указанными сапропелями.

Та же диаграмма позволяет проследить зависимость кривых убывания влаги (в торфе и сапропелях) от метеорологических условий.

Диаграмма показывает, что сапрпель из озера Госьбуже сохнет гораздо энергичнее, и за один и тот же промежуток времени достигает гораздо большей убыли влаги, чем гидравлический торф с такой же приблизительно исходной влажностью (97,04% — влажность сапропеля, 94,80% влажность торфа).

Осташковский сапрпель с меньшей исходной влажностью (81,25%) хотя в первые 2/3 периода сушки и высыхает энергичнее Госьбужского сапропеля, зато в последнюю треть сохнет менее энергично и в конечном резуль-

Число.	Часы.	Сапрпель из Осташкова Вл. — 81,25 ⁰ /о ¹ .	Сапрпель из Осташк. + 1,5 об. арт. воды.	Сапрпель из оз. Госьбуже Вл. — 97,04 ⁰ /о.	Гидроторф Вл. 94,80 ⁰ /о.	Температура.	Относит. влажность.	Сила ветра.	Осадки.																		
		Гр.	Гр.	Гр.	Гр.																						
Октябрь.	2	8.15	241	612	648	645	14,5	80	—	—																	
		9.15	241	379	320	437	16	80	—	—																	
		10.15	240	359	302	398	16	80	—	—																	
		11.15	240	345	294	381	17,5	77	—	—																	
		12.15	239	335	287	372	18,5	77	—	—																	
		1.20	239	327	282	362	17,5	81	—	—																	
		2.15	235	321	278	349	17,5	81	1,66	—																	
		4.15	221	298	265	328	18	77	1,66	—																	
		6.15	216	289	260	322	17,5	81	1,66	—																	
		8.15	208	281	253	315	17 ^o	81	1,66	—																	
		11.15	207	277	250	313	17 ^o	81	—	—																	
3	2.—	205	274	247	310	17 ^o	81	—	—																		
		8.20	205	269	240	307	15 ^o	80	—	—																	
		2.—	176	240	209	287	17,5	81	1,66	—																	
		4	8.15	171	229	191	269	13,5	79	—	—																
				5	9.15	165	216	177	256	14	83	—	—														
						6.—	148	195	152	235	14	83	1,2	—													
						6	8.15	146	190	147	227	13	83	—	—												
								7	8.15	136	178	131	215	14	83	—	—										
										5.—	122	149	118	195	17	81	1,2	—									
										8	8.30	120	144	112	190	14	79	—	—								
												9	8.15	114	134	101	180	14	79	—	—						
10	8.20													103	118	85	165	19	82	—	—						
														11	8.30	91	102	71	148	14	79	—	—				
																1.05	84	100	67	151	18	81	1,2	мм			
		12	9.15													81	95	61	148	13	78	—	—				
				7.—	72											80	53	131	11,5	82	1,2	—					
				13	8.25											72	80	51	129	10	82	—	—				
						14	8.30									69	74	45	122	12	78	—	—				
								15	9.15							62	61	34	102	13	83	1,2	—				
																16	8.15	62	61	32	95	14,5	83	—	—		
										17	8.30							59	61	26	69	11,5	82	1,2	—		
												18	8.15					56	61	26	66	12,5	82	—	—		
20	8.30																	56	61	26	61	10	82	—	—		
														21	8.30			56	61	26	59	10	84	—	—		
																		22	9.30	56	61	26	57	10	82	—	—
		23	8.30																	55	59	25	53	15,5	78	—	—
																				24	9.30	48	53	20	40	20,5	82
				25	8.45																	49	55	20	41	16,0	80
						26	10.—															50	55	20	41	14,0	80
								72	9.—													49	53	20	40	13,0	78

1) Показано число грамм соответ. продукта без рамки.

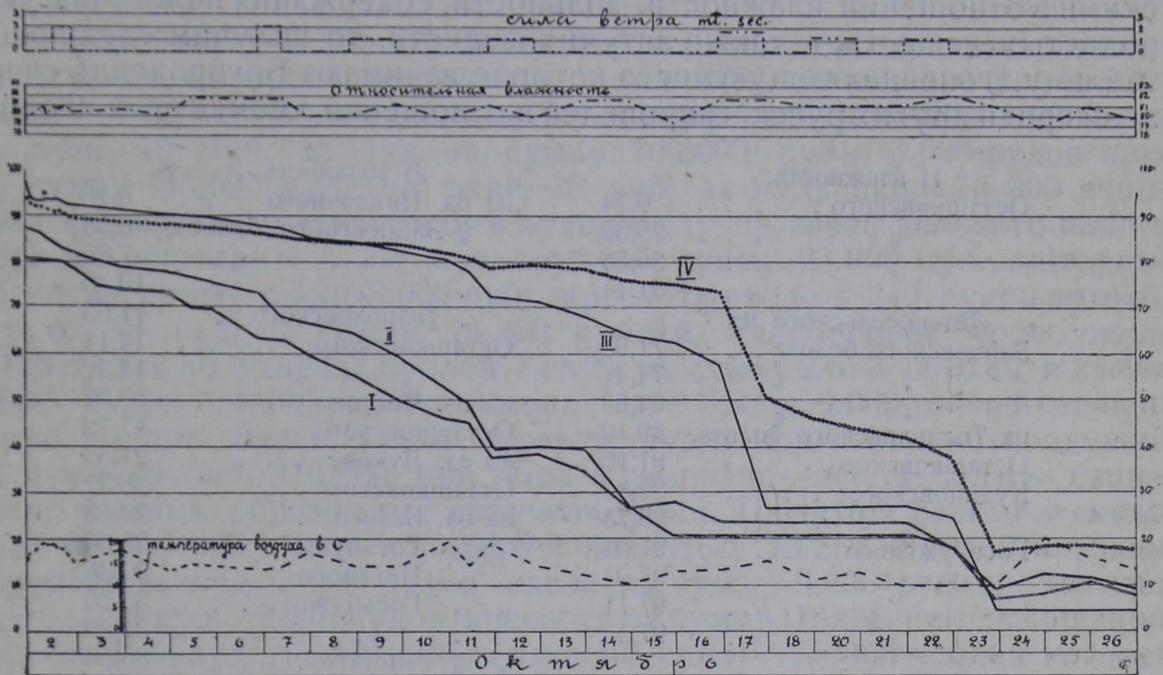
тате содержит несколько более влаги, чем Госьбужский сапропель.

Подъемы температурной кривой, а также усиление ветра отражаются соответствующим образом на кривых высыхающих веществ.

Менее заметна связь между последними кривыми и кривой относительной влажности воздуха.

Осадки не отразились заметно на высыхании сапропелей и заметно задержали высыхание торфа.

Временами понижение температуры приводило к повышению влажности высушивавшихся образцов, очевидно, за счет конденсировавшихся водяных паров атмосферы. Так 25/X вес Осташковского сапропеля увеличился с 48 до 49 гр., Осташковского сапропеля, смешанного с водой — с 53 до 55 гр., гидравлического торфа — с 40 до 41; вес Госьбужского сапропеля оставался неизменным (20 гр.). Температура по сравнению с температурой предшествующего дня упала на $4,5^{\circ}$.

Условные знаки: I — кривая высыхания сапропеля из Осташкова; начальная влажность $81,25\%$; II — кривая высыхания сапропеля из Осташкова, смешанного с артезианск. водой; III — кривая высыхания сапропеля из оз. Госьбуже; IV — кривая высыхания гидравлического торфа; начальная влажность — $97,04\%$.

Под руководством того же инженера В. Розанова был поставлен опыт отжатия воды из сапропеля. Последний размещался с артезианской водой до влажности 96% . Затем часть воды удалялась отжатием ее в полотняной тряпке руками и после этого полученная масса помещалась в рычажный пресс с дырчатым дном покрытым медной сеткой.

При этом, так как наблюдалось почти полное прохождение сапропеля через сетку, то для успеха отжатия пришлось применить тройную сетку, при чем часть сапропеля все же проходила сквозь нее. В результате прессования при 6 атмосферах была получена масса влажностью в 87% .

Все эти опыты и наблюдения значительно дополняют тот материал, который имеется в нашем распоряжении по вопросу о сушке

сапропеля и тем самым содействуют решению этого вопроса, составляющего наиболее важную часть проблемы технического использования сапропеля.

Зольность сапропеля из оз. Госьбуже характеризуется для разных образцов следующими цифрами: 28,66%, 30,56% и 31,20%. Опыты с сухой перегонкой Госьбужского сапропеля и перегонкой продуктов ее, не доведенные до конца, обнаружили, что зольность остатка в реторте (кокс) = 42,12%.

По данным проф. Зелинского сапропель озера Чистого, взятый с глубины 1 м. (от поверхности льда) содержит золы 17,37% нелетучих веществ 21,84%, летучих веществ 60,79%, а с глубины 2 м. (от поверхности льда)—золы 35,56%, нелетучих веществ—19,32%, летучих веществ 45,12%. Сапропель озера Лукова взятый с глубины 1,3 метр. имеет золы—21,52%, нелетучих веществ 21,25%, летучих веществ—57,23%. Сапропель озера Поганого, с глубины 3 м. содержит золы—30,36%, нелетучих веществ—28,33%, летучих веществ—41,31%.

Если мы сопоставим известные русские сапропели с Богородскими в отношении влажности, зольности, содержания нелетучих углеродистых веществ, а также летучих веществ, то получим следующую таблицу, ¹⁾ определяющую место которое занимают Богородские сапропели среди других русск. сапропелей в отношении упомянутых свойств:

1) влажность:		2) зольность:	
Осташковского	9,74	из оз. Пиявочного	6,16
" " " " " "	25,52	" Зайцевого болота.	6,53
" " " " " "	26,56	" " " " "	7,86
" " " " " "	31,11	" " " " "	10,40
Детскосельского из		" Толполовского "	11,65
Зайцевого болота	71,95	Осташковского	14,14
" " " " " "	74,45	" " " " "	14,32
" " " " " "	74,68	из оз. Чистого	17,37
из Толполовского болота.	89,16	Осташковского	17,72
Осташковского	91,16	из оз. Лукова	21,52
Кудиновского	92,80	Осташковского	26,32
" " " " " "	95,75	из оз. Белого	27,53
Госьбужского	97,01	" " Госьбуже	28,66
" " " " " "	97,04	" " Поганого	30,36
" " " " " "	97,11	" " Госьбуже	30,56
" " " " " "	97,53	" " " " " "	31,20
		" " Чистого	35,56
		" " Коломенского	45,39
		Осташковского	45,63
3) содержание нелетучих углеродистых веществ:		4) содержание летучих веществ:	
Осташковском	14,50	из оз. Коломенского	38,63
из оз. Коломенского	15,98	Осташковском	38,75
" " Белого	16,24	из оз. Поганого	41,31
" " Толполовского болота.	19,13	" " Чистого	45,12
" оз. Чистого	19,32	Осташковском	54,31
Осташковском	19,35	из оз. Белого	56,23
из Зайцевого болота	21,09	" " Лукова	57,23
" оз. Лукова	21,25	Осташковском	57,68
" Зайцевого болота	21,41	из Зайцевого болота	57,80
" оз. Чистого	21,84	Осташковском	60,74
" " Пиявочного	21,96	из оз. Чистого	60,79
Осташковском	22,60	Осташковском	61,51
" " " " " "	23,72	из Зайцевого болота	68,19
" " " " " "	24,32	" Толполовского болота.	69,22
из оз. Поганого	28,33	" оз. Пиявочного	71,38
" Зайцевого болота	34,34	" Зайцевого болота	72,38

¹⁾ Цифры означают процентное содержание.

Приведенные данные говорят за хорошее качество исследованных образцов Кудиновского сапропеля.

До революции Кудиновский сапропель, известный местным предпринимателям под названием „синики“, по словам десятника Купавинских торфоразработок Куликова, находил себе применение, как примесь к торфу, связывавшая его рыхлую массу. Учитывая улучшение качеств торфа благодаря „синике“, предприниматели платили на 10 коп. дороже за каждую тысячу кирпичей торфа, приготовленного с примесью „синики“.

Этим и ограничивалось техническое использование Кудиновского сапропеля. Само собой разумеется, что оно не может служить даже намеком на возможное техническое применение сапропеля.

В статье Цванцигера „Русские сапропели“ приводятся данные, на основании которых можно приблизительно определить стоимость тех продуктов, которые получатся, если подвергнуть весь запас Кудиновского сапропеля перегонке. Согласно указаниям упомянутой статьи из 320.000 пудов сапропеля выгоняется 32.000 пудов смолы,

Если смола будет перерабатываться на воск, главным образом, на церезин, которого получается около 30% от общего количества смолы, то из указанного ее количества получится: церезина 10.000 пуд. по цене 10 руб. за пуд на сумму 100.000 руб., 3.000 пудов лаку на сумму 45.000 руб., по цене 15 руб. за пуд, около 5.000 пудов трансформаторных масел или в худшем случае параффинового машинного не дешевле 4 р. 50 к. за пуд на сумму 23.000 руб., моторных масел на сумму около 5.000 руб., креозота около 2.240 пудов по цене 7 руб. за пуд на сумму 15.680 рублей, глауберовой соли около 4.100 пудов по цене 0,7 рублей за пуд на сумму 2.870 рублей и около 3.000 пудов сернокислого аммония¹⁾ на сумму 9.000 рублей по цене 3 руб. за пуд. Всего, таким образом, будет приготовлено продуктов на сумму около 210.000 руб. Более выгодно—использовать сапропель, главным образом, на получение лака. Тогда при разгонке смолы получится 1.920 пудов парафина на сумму 15.360 рублей по цене 8 рублей за пуд, 9.600 пудов масла на сумму 9.600 рублей по цене 1 рубль за пуд., 2.240 пудов креозота на сумму 15.680 рублей по цене 7 рублей за пуд., 11.840 пудов лака на сумму 236.800 рублей по цене 20 рублей за пуд., 4.100 пудов глауберовой соли на сумму 2.870 рублей по цене 0,7 рублей за пуд., 3.000 пудов сернокислого аммония на сумму 9.000 рублей по цене 3 рубля за пуд.—Всего готовых продуктов из 320.000 пудов сапропеля получится на сумму 289.310 рублей.

200.000.000 пудов Кудиновского сапропеля дадут, таким образом, продуктов перегонки на сумму 180.818.750 рублей.

Чистая доходность предприятия по переработке сапропеля на лак Цванцигером определяется в 35%.

При этом нужно иметь в виду, что приведенные расчеты сделаны из предположения, что сапропель даст всего 10% смолы вместо 15%, доказанных опытом. При 15% выходе смолы стоимость продуктов, могущих получиться из Кудиновского сапропеля, возрастает при добыче лака до 270 миллионов рублей.

¹⁾ При помощи перегонки с паром не менее 60% азота сапропеля можно перевести в аммиак. Некоторые заграничные производства аммиака и натросоединений построены исключительно на использовании сапропеля.

Еще более широкие перспективы открываются при организации добычи из сапропеля желтого синь-кали¹⁾ чрезвычайно высоко котирующегося на рынке (100 р. за пуд). Ее можно вести и как самостоятельное производство и попутно со смологонным процессом. И в том, и в другом случае сапропель накаливается в реторте с поташом и железом, образуя цианистый кали в ретортном остатке.

Этим, однако, не исчерпываются все возможности технического использования сапропелевых залежей.

В 1925 году проф. Н. Д. Зелинскому и Б. В. Максорову путем отгонки от сапропелевой смолы более легких масс, удалось получить от 19,8 до 56,5% твердого воскоподобного вещества.

В состав его входили не только углеводороды, но и эфиры, а также высокомолекулярные кислоты. Содержание в нем *H* колебалось от 9,25 до 9,61%, *C* от 84,37 до 85,4%, отношение: *C:H* равнялось от 8,8 до 9,0. Помимо кислорода оно содержало некоторое количество азота и серы.

Эти данные анализа сближают полученное вещество с восками и, потому, оно было названо проф. Зелинским сапровоском или, по возможному техническому применению, сапрокомпаундом.

Испытание сапровоска в лаборатории Государственного Электротехнического Экспериментального Института показало полное соответствие изолирующих свойств сапровоска весьма строгим техническим требованиям ЦЭС'а.

Был, правда, обнаружен один недостаток сапровоска; низкая t° вспышки, а, именно 176°, вместо требуемых 220°. Но, в виду того, что, низкая t° вспышки стоит в связи с присутствием в сапровоске легких масел, этот недостаток может быть устранен при помощи отгонки.

Зато в некоторых и при том в главнейших свойствах сапрокомпаунд превысил даже нормы, установленные ЦЭС'ом. В то время как, согласно последним, пластинка в 2^{1/2} м./м. толщины должна пробиваться напряжением не ниже 37.500 вольт, пластинка из сапрокомпаунда упомянутой толщины выдерживала напряжение в 45.000 вольт.

По мнению проф. Зелинского, сапрокомпаунды по своим свойствам, а также по дешевизне получения смогут заменить лучшие заграничные компаунды.

Сапровоск может, таким образом, служить хорошим электроизоляционным материалом для кабелей, муфт и др. электротехнических надобностей.

При получении сапровоска отгоняется, кроме того, около 40—80% масла.

Оно, по заключению Б. В. Цванцигера²⁾, основывающегося на не напечатанной еще работе Б. В. Максорова: „О химической природе сапропелевых масел“, может быть также использовано для получения красителей: хинолина и его гомологов хинальдина и лепидина, а также индола и др. азотистых соединений. Ценный и сам по себе индол имеет еще больший интерес в связи с получением краски индиго. Из масла, отогнанного при получении сапровоска проф. Зелинскому удалось получить превосходные образцы „сернистой черной“.

Всего на производство красителей может быть употреблено около 37% отогнанного масла. Около 15% его может быть перера-

¹⁾ См. протокол сапропелевого комитета от 3 апреля 1924 г. по докладу Б. К. Климова

²⁾ Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность Б. В. Цванцигеру за сделанные указания и за любезное предоставление в рукописи статьи „Сапропели в С.С.С.Р.“.

ботано на креозот или в сыром виде может быть употреблено на пропитку шпал. Непредельные углеводороды, полученные из того же масла, путем полимеризации могут быть использованы в лаковом деле. Параффиновые и нафтеновые фракции масла могут быть употреблены на получение высокоплавких параффинов с точкой плавления до 63°, тогда как среди нефтяных продуктов нельзя найти параффинов с точкой плавления выше 58°.

Б. В. Цванцигер в своей статье „Сапропели С.С.С.Р.“ приводит некоторые данные, характеризующие с экономической стороны организацию выработки сапрокомпаунда. При этом Б. В. Цванцигер берет самый простой из возможных вариантов: сапровоск в качестве основного товара, масло—побочный продукт, не подлежащий переработке, и сульфат аммония, продукт бесприбыльный, распространяемый по себе стоимости (1 р. за пуд) для повышения общего уровня сельского хозяйства. Но и, при таком упрощенном способе технического использования сапропеля, заводская себестоимость сапрокомпаунда определяется Б. В. Цванцигером в 7 р. 89 коп.; продажная цена может быть, по его мнению, установлена в размере 10—12 руб. за пуд. Между тем, электроизоляционные мастики в настоящее время расцениваются около 20 рублей за пуд.

Предприятие по добыче сапровоска становится несравненно выгоднее, если его соединить с переработкой отгоняемого масла на красители типа хинолина, индиго, „сернистой черной“ и пр., на высокоплавкие парафины и церезины, креозот и лаки.

В той же статье „Сапропели в С.С.С.Р.“ Б. В. Цванцигер намечает дальнейшие пути максимального использования сапропеля.

При получении сапровоска по способу проф. Н. Д. Зелинского и Б. В. Максорова часть воскоподобных веществ сапропеля разлагается в перегонной реторте: за счет их образуются в составе жидких масел кислородные соединения как кислотного, так и спиртового характера.

Поэтому, одной из ближайших задач сапропелевого дела является предотвращение такого разложения восков, заключающихся в смоле сапропеля.

Разрешение этой задачи Б. В. Цванцигер видит прежде всего в применении усовершенствованных способов перегонки, практикующихся уже в Германии в озокеритовом деле и осуществляемых путем водяного отопления кубов, перегретой под сильным давлением водой.

Кроме того, т. к., по мнению Б. В. Цванцигера, в процессе разложения восков сапропеля может играть известную роль каталитическое действие железа перегонной реторты, то, быть может, придется его заменить другим материалом.

Другим необходимым, по мысли Б. В. Цванцигера, нововведением в технике переработки сапропеля является комбинирование методов экстракции с методами прогрева.

Основанием для этого служат исследования Ме Кее и Lyder, установивших, что первичные битумы сапропеля не жидки, а тверды, а потому нуждаются для наиболее продуктивной их обработки в иных ее методах, чем те, которые до сих пор применялись.

Таким образом, в виде сапропелевых залежей, Богородский край обладает значительными богатствами, истинную ценность которых трудно в данный момент учесть, т. к., по мере развития научных исследований в области сапропелевого дела, возникают все новые и новые пути возможного технического использования сапропеля.

Финансовые затруднения Республики вряд ли позволят в ближайшее время реализовать ценности, заключенные в описанном полезном ископаемом Богородского уезда.

Однако, теперь же должны найтись скромные суммы, необходимые для той исследовательской работы, которая предшествует промышленной эксплуатации всякого полезного ископаемого, и которая заключается в изучении условий его залегания, а также способов его технического использования ¹⁾.

В организации такой исследовательской работы по сапропелю большую поддержку Богородскому Институту Краеведения может оказать Сапропелевый Комитет при Академии Наук, в своем отношении на имя Института выразивший готовность бесплатно произвести анализ сапропеля. Дело местных организаций дать хотя бы небольшую сумму для оплаты работ по взятию проб для анализа, а также по изучению условий залегания и эксплуатации сапропеля. В частности, вопрос об обследовании и использовании Кудиновского сапропеля приобретает особенно срочный характер в виду того, что самые большие сапропелевые озера Богородского уезда: Чистое и Луково в настоящее время спущены.

Это обстоятельство, с одной стороны, облегчает добычу сапропеля, а также его обезвоживания, а, с другой, создает непосредственную опасность заболачивания, промерзания и оторфенения верхнего слоя сапропелевой массы, усложняющих добычу и понижающих качество этого слоя ²⁾.

Вл. Успенский.

Литература.

1. Вислоух, С. М. Фито-биологический анализ сапропеля с озера Госьбуже Московской губ. Известия Сапропелевого Комитета. Вып. III. Комиссия по изучению естественных производительных сил С.С.С.Р. при Академии Наук.

2. Кудиновский заболоченный район. Работа Главторфа и Главземхоза В.С.Н.Х. М. 1921 г.

¹⁾ Хотя известно, что Богородские сапропелевые породы относятся к воскообразующим разновидностям сапропеля, тем не менее техническое их использование может представить известные особенности в силу того, что в зависимости от характера первичного материала (планктона) и особенностей процесса битуминизации, послужившего для образования сапропелевых масс, последние имеют различные свойства и в технической переработке дают различные вещества. Так, напр., известен ряд сапропелей, не дающих при термической обработке обычными методами, парафинов, восков и др. твердых компонентов.

²⁾ Вполне возможно, что в некоторых озерах, других открытых водоемах и болотах, столь характерных для Богородского уезда, окажутся также отложения сапропеля.

Произвести для отыскания их предварительные ориентировочные обследования силами краеведов представляется весьма важным.

Но нужно иметь в виду, что подобные обследования, как это может подтвердить автор настоящего очерка по собственному небольшому опыту, сопряжены с большим риском.

Заслуживают, поэтому, внимания те довольно простые и достаточно безопасные приемы обследования, которые были применены на озере Госьбуже в июле 1919 года: на бочках устраивался плот, с которого сапропель добывался сначала трехдюймовой желонкой (с 8 метров глубины от поверхности воды), затем трехведерным черпаком и, наконец, ручным двусторонним насосом („лягушкой“), вычерпывавшим массу при помощи четырехдюймовой трубы из самой гущи сапропеля (12 метров от поверхности воды).

При обследовательских работах на трясины, которые, как говорят легенды, способны похоронить в своих предательских недрах целые легионы, целесообразно применять систему толстых и широких досок, перекидываемых с места на место, а иногда пользоваться и обыкновенными лыжами.

Удобно производить такие обследования зимой, пользуясь ледяным покровом водоемов, как это было, напр., при обследовании Кудиновских сапропелевых озер.

Во всяком случае, всякий, отправляющийся на подобные обследования, должен предварительно практически усвоить приемы подачи „первой помощи“ при несчастных случаях на трясины и открытых водоемах в зимних и летних условиях.

3. Маевский, И. С. Кудиновские сапропелевые озера „Нефтяное и сланцевое хозяйство“ 1921 г.

4. Потонье, Г. Сапропелиты. Перевод с немецкого К. П. Калицкого и П. Ф. Погребова. В.С.Н.Х. Серия редакции журнала „Нефтяное и сланцевое хозяйство“ П. 1920 г.

5. Таганцев, В. Н. „Проблема сапропеля“ Нефтяное и сланцевое хозяйство“, №№ 4/8, 73—90. 1920 г.

6. Хименков, В. Т. Гидрогеологический очерк. Богородский Научно-Педагогический Институт Краеведения. Недра и воды, вып. 1. М. 1925 г.

7. Цванцигер, Б. В. Русские сапропели. Труды госплана. Кн. V. Производительные силы центрально-промышленной области. Труды областной конференции по изучению естественно-производительных сил Ц.П.О. 2—11 февраля 1924 г. М. 1925 г.

8. О н же. Сапропели в С.С.С.Р. Труды горнотехнического съезда (рукопись).

К вопросу о значении фенологических наблюдений в деле изучения местного края.

Разработка фенологических материалов по Московской губ. привела меня к выводам, определяющим значение фенологических наблюдений со стороны, которая до сих пор мало затрагивалась при общей оценке таких наблюдений. В моем распоряжении были сведения по 35 фенологическим пунктам, разбросанным в разных частях губернии; наблюдения велись там над объектами из растительного и животного мира по однородной программе ¹⁾.

Изучение этих материалов позволяет мне установить между прочим такие основные положения:

1. На территории Московской губ. фенологические явления весеннего периода продвигаются не только по меридиану с юга на север, но и в широтном направлении с запада на восток в северо-западной части губ., что не вполне соответствует господствующему взгляду на продвижение фено-явлений с юго-запада на северо-восток. Если такой взгляд и справедлив, как общая схема для обширной территории, то местные явления вносят в нее, видимо, существенные изменения, которые учитываются лишь местными, более детальными наблюдениями. Наши наблюдения, устанавливая указанные пути продвижения фено-явлений, в то же время говорят о том, что пункты нашего юго-западного сектора в отношении развития фенологических явлений весной выявляют некоторое отставание по сравнению с южным и северо-западным секторами.

2. На территории губернии намечаются районы, где фено-явления в жизни растений протекают или с опозданием (части Дмитровского и Сергиевского у.у.), или с ускорением по сравнению с общим в губернии ходом (Звенигородский район), причем эти отклонения от нормального хода явлений сказываются в развитии, то травянистой (Дмитровский район), то древесной растительности (Сергиевский район, с. Алешино). Это дает основание наметить в губернии районы депрессивные (задержанное развитие) и экспрессивные (ускоренное развитие).

3. Эти основные выводы из изучения фенологических материалов находят подтверждение и в общем ходе климатических факторов, как я убедился в этом, сопоставляя свои выводы с материа-

¹⁾ И. А. Здановский. „Наблюдение периодических явлений природы“. 2-е издание. М. 1926 г.

лами по климатологии Центральной области. (Московская сельскохозяйственная область. Вып. 1. Физико-географический атлас. Составил С. И. Небольсин. Госуд. Изд. Москва, 1922 г.).

В этом труде я нашел очень четкие указания, что часть Дмитровского у. вокруг г. Дмитрова и его окрестностей, в широком их понимании, и часть Сергиевского у. к югу от г. Александрова по многим данным являются депрессивными в отношении температуры воздуха. На ряде карт атласа эти районы очерчиваются или соответствующими изгибами изолиний¹⁾, пересекающих территорию губернии, или совершенно замкнутыми изолиниями, причем площади районов в разные сроки вегетационного периода и по различным признакам изменяются в очертаниях и размерах, занимая в среднем от 30 до 100 килом. в диаметре каждая. Размеры настоящей статьи не позволяют остановиться на подробном рассмотрении всех указаний атласа, а потому я ограничусь лишь ссылкой на листы 6, 12, 13 (изотермы части вегетационного периода—июня и июля); 21 и 22 (вероятность заморозков в мае, июне) и особо отмечу лишь более наглядный и понятный признак—количества дней с заморозками. Наибольшее число таких дней в году в пределах Московской губ. 190 наблюдается в районах: а) между гор. Дмитровом и Волгой и б) к юго-востоку от гор. Александрова; оба района очерчиваются замкнутыми изолиниями; такое же количество дней с заморозками характерно в Центральной области для ее северо-восточной части в пределах Костромской, Ивано-Вознесенской и Нижегородской г.г. (лист 19). Наибольшее число дней с заморозками в течение вегетационного периода 12, и замкнутая изолиния с этим показателем очерчивает еще более тесный район между г. Дмитровом и Волгой; он распространяется пределами замкнутой же изолинии с показателем 9 охватывающей первую; с таким же показателем 9 изолиния охватывает район к юго-востоку от г. Александрова. Сплошная развернутая изолиния с показателем 9 проходит значительно севернее—В.-Волочек, Красный Холм, Рыбинск, Ярославль, Кострома, Макарьев (лист 20). Все эти указания определяют Дмитровский и отчасти Сергиевский районы как своего рода „полюсы холода“ не только нашей губернии, но и значительной части области.

Несколько парадоксальное, на первый взгляд, положение о продвижении фено-явлений весной не только с юга на север, но и с запада на восток в северо-западной части губернии находит также подтверждение в ходе изотерм марта и апреля. Интересно, что в этот период и юг и северо-запад губернии характеризуются изотермами с одними и теми же показателями (листы 9 и 10 атласа).

О чем говорят все эти выводы? Прежде всего, они наглядно подтверждают положение, что органическая природа в своем развитии в течение вегетационного периода отражает влияние местных условий, что ход этого развития является показателем их; таким образом, определяется связь, причинная зависимость в ходе явлений органической и неорганической природы.

В нашем случае эта связь выражается в том, что, напр., в Дмитровском у., или в части Сергиевского у. целый ряд растений из года в год запаздывают в своем развитии на несколько дней, а этому

1) Изолиния — линия, соединяющая на карте пункты, характеризующиеся в каком-либо отношении одним и тем же показателем.

запаздыванию соответствует известное понижение температур в течение вегетационного периода, в другом случае весеннему ускорению в ходе фенологических явлений в северо-западной части губернии соответствует то обстоятельство, что в отношении теплового режима в этот период эта часть губернии находится в условиях, однородных с южной.

Связь явлений, отмечаемая нами, имеет и известное числовое выражение: стольким-то дням запаздывания в развитии организмов соответствует такое-то понижение средних температур в известный период. Конечно, в настоящий момент это цифровое выражение очень схематично, грубо отражает такие взаимоотношения; в направлении дальнейшего изучения и уточнения их должна быть проделана еще большая работа, но для нас ценно то, что фенологические наблюдения в этой работе играют роль не меньшую, чем и инструментальные метеорологические. Если путем длительных метеорологических наблюдений устанавливается на территории губернии наличие известного разнообразия в климатическом, в частности — тепловом режиме, то путем фенологических наблюдений, даже сравнительно краткосрочных, мы без труда нащупываем это разнообразие, намечаем известные районы в полном согласии с выводами климатологического изучения. Говоря это, я не хотел бы быть понятым в том смысле, что считаю фенологические наблюдения способными заменить метеорологические; об этом не может быть речи, но для меня несомненно одно, что густая сеть фенологических пунктов даст материал, который сослужит огромную службу в деле изучения местного края.

При широком содействии местных краеведческих организаций создание такой сети фенологических пунктов не представит больших затруднений. Сколько мне известно, недостатка в работниках для таких пунктов не может быть, а одним из разрезов, откуда может пополняться кадр таких работников, является сельская школа с ее учащими и учащимися. Во многих школах подобные наблюдения ведутся, но, к сожалению, материалы наблюдений остаются под спудом, не собираются, не систематизируются и бесследно исчезают, а вместе с тем теряется, гложет интерес к наблюдениям, поскольку они не находят целесообразного использования и применения. Необходимо краеведческим организациям организовать сбор всех таких наблюдений и их использование, учитывая, что даже и краткосрочные и очень неполные, но добросовестные наблюдения могут быть очень полезны в ряду других наблюдений. В частности очень заманчивой является организация возможно густой сети фенопунктов в Дмитровском и Сергиевском у.у., где и фенологическими и метеорологическими наблюдениями намечаются депрессивные районы. Сеть фенопунктов в области этих районов дала бы материалы для более точного выяснения их границ, для установления зависимости этих границ от других местных условий: относительной высоты пункта, микрорельефа местности, почвенного покрова, степени облесения и т. п. Таким образом, от общих и схематических соотношений между развитием органической жизни и климатом, в частности, средними температурами, мы постепенно подойдем к более детальному познанию условий существования местного края. В сознании этого, каждый скромный работник-наблюдатель будет почерпать силу для продолжения своей работы и уверенность в необходимости ее для широкого и всестороннего исследования родной природы. В то же время из года в год будет накапливаться

материал, который послужит не только к дальнейшему уточнению уже установленных выводов, но и к решению других вопросов и задач, решение которых ставит себе фенология, как научная дисциплина, изучающая периодичность явлений в ходе развития местной природы.

Н. Кузнецов.

Гельтишево.

Чайки под Москвой.

Всякий москвич знает этих белокрылых птиц, без усталости носящихся над Москвой со времени вскрытия реки Москвы и до позднего лета. Но не только над рекою увидите вы чаек; стайками кочуют они над городом, повидимому, все больше в одном и обратном направлении. Правда, бывают в этих кочевках и периоды ослабления, но интересно то, что кочевки и налет чаек на Москву — явление сравнительно недавнего порядка. Так, на нашей памяти они появились в больших количествах приблизительно с 1910 года, когда впервые в Петровско-Разумовском 12—15 IV было отмечено, что над фермскими прудами с криком носятся большие стаи черноголовых чаек, что с тех пор стало повторяться ежегодно; регулярные же кочевки над Москвой отмечены были мною лишь с 20-х годов. Таким образом, мы можем говорить здесь о случае обогащения московской (в узком смысле) фауны, если не новым видом, то новым количеством птиц.

Когда следишь за ловкими, изящными движениями чаек в воздухе, то невольно задаешь себе вопрос: на каком же водоеме размножаются эти птицы, откуда, они налетают на Москву. Должны же об этом знать московские зоологи? Обратившись к ним с таким вопросом, мы узнали, что чайки гнездятся на отдаленном Сенежском озере, расположенном у ст. Подсолнечная в 64 км. по Октябрьской жел. дор. Однако, короткая экскурсия на это озеро в 1925 году не обнаружила там большого количества чаек, хотя довоенные воспоминания, подкрепленные фотографиями и говорят о том, что раньше множество чаек гнезилось на Малиновом острове, среди обширного Сенежского озера.

Между тем, в том же направлении, с которого прилетают в Москву чайки, на северо-западе, расположены, ближе к Москве, и другие озера — Круглое, Долгое, Нерское и др. Обследуя эти озера, Кружок Юных Биологов Зоопарка обратил внимание на одно из них у ст. Лобня, Савеловск. жел. дор. в 27 км. от Москвы, нанесенное, но не названное даже в „Каталоге рек и озер Московской губ.“ И. А. Здановского. Небольшое (дл. 1 км., шир. до 1½ км.), неглубокое (не глубже 3-х метров), подпертое плотиной, озерцо это, известное у местного населения под именем „Киево“, расположено в небольшой низинке, среди слегка волнистой местности, в низких берегах, между деревней того же имени и ст. Лобня, в 5 минутах ходьбы от последней. Озеро поросло густой зарослью, преимущественно из хвоща, белокрыльника и рогоза, занимающих большую часть его поверхности, следовательно, относится к типу сильно заболоченных. Эти заросли, получившие от нас название „плавней“, трудно проходимы, так как хотя и занимают кое-где всю толщу воды, но тяжести человека не выдерживают, и в то же время настолько густы, что передвигать по ним плоскодонку при помощи шеста почти невозможно, приходится лезть

в воду и протаскивать ее с огромными усилиями через лес „хвоща“, напоминающий в миниатюре заросли каменно-угольного леса. Понятно, что эти заросли доставляют гнездящимся среди них чайкам довольно действительную защиту от случайных посетителей.

Ряд экскурсий на это озеро, проведенных Кружком Юных Биологов Зоопарка и Биостанцией Юных натуралистов в Сокольниках, непосредственной целью которых было мечение молодых чаек кольцами Б. Ю. Н., потребовал затраты огромной энергии и времени, в результате которой за лето 1927 г. на озере окольцовано около 1.000 штук чаек. Для этого лодка затаскивалась возможно дальше в плавни, метров на 100 от края, и здесь, в зарослях рогоза, раздвигавшиеся ребята, вооруженные жердями и сачками, кое-как ловили чайковых птенцов и преследуемые взрослыми, оглушительно кричащими чайками, приносили их в лодку, где им накладывали легкие алюминиевые кольца серии Е указанной марки и сейчас же снова отпускали их в плавни. При этом птенцы нередко отпрыгают из рта только что скормленную им родителями пищу и эти отпрыжки (погадки) могут служить прекрасным материалом для суждения о пище чаек. Анализ их показал, что главнейшей пищей птенцов чайки Ю. VI—27 г. были: ручейники, личинки майских хрущей, хлебных щелкунов (т. н. „проволочные черви“), дождевые или земляные черви и ряд жуков-жужелиц и долгоносиков, частью тоже относящихся к вредителям сельского хозяйства, в особенности, полеводства. Последнее обстоятельство хорошо согласуется с столь обычной в последние годы картиной вспаханного весной поля, над которым летают на-ряду с черными степными грачами и стаи белых ловких и подвижных чаек.

Это дает право считать чаек полезными окружающему населению птицами, охрана которых преследует далеко не одни эстетические цели.

Еще в прошлом году, учитывая легкую доступность озера для московских охотников, а также неоднократно сообщенные нам случаи собирания чайковых яиц мальчишками, Кружок Юных Биологов обращался в Комиссию по охране природы при О-ве Изучения Московской губ. с просьбой объявить озеро Киево заповедником. Ходатайство Кружка было передано Об-вом в Моссовет, который постановлением от 2/III—27 г. объявил озеро Киево заказным на 5 лет. На изданной Транспечатью в этом году карте окрестностей Москвы, под редакцией Батенина, озеро Киево отмечено как „заказник“.

Во время своих экскурсий мы неоднократно имели возможность убеждаться, что это постановление проводится местной милицией в жизнь, так как на усиливавшийся при приближении нашей лодки крик чаек, на берегу появлялись вооруженные револьверами милиционеры, требовавшие от нас объяснения, зачем мы беспокоим птицу, а также и разрешение на ее кольцевание. Нечего и говорить, как радовались при этом наши натуралистические сердца.

Таким образом, работами двух названных организаций осуществляется попытка охраны и изучения подмосковной чайки, а в случае, если бы принятые меры оказались недостаточными, придется вторично поднять вопрос о полном заповедании озера Киево со всем его богатым растительным и животным населением.

В. Карпов.

Участок леса Северного типа в Московском уезде.

(Сел. Лобаново-Акатово бл. ст. Салтыковки, Ниж. ж. д.).

В виду того, что растительные сообщества Московского уезда в настоящее время изучены еще очень не полно, было бы не бесполезно, в ожидании более детального исследования уезда, давать хотя бы краткие описания отдельных, наиболее интересных в ботаническом отношении уголков нашего края¹⁾. А такие уголки, несмотря на сильнейшую заселенность Московского уезда, правда не часто, но все же встречаются в подмосковном районе. И естественно, с ростом населения, с расширением Москвы, с захватом городом большей территории, наконец, с расселением части горожан по уезду (что особенно наблюдается в последние годы в связи с жилищным кризисом), все эти ценные для ботаников уголки природы обречены на верную гибель. Поэтому учет и фиксация этих остатков, отголосков первобытной подмосковной природы имеет двойное значение: во-первых, часть из них можно было бы оградить от уничтожения, объявив их охраняемыми памятниками природы; а во-вторых, интересно сохранить хотя бы описание подмосковной растительности, если уже нельзя сохранить ее, как таковую.

Как известно, вся Московская губерния лежит в полосе сплошных хвойных лесов, являющихся „основным зональным сообществом для Московского края“²⁾. Мелколиственные же леса, всюду встречающиеся в Московск. губернии, появились в результате деятельности человека, именно: после вырубki хвойных лесов. Однако, и сохранившиеся хвойные леса не всегда являются первобытными, не затронутыми человеком. Большинство из них подверглось частичным рубкам, отчего в состав хвойного леса часто входят многие светлюбивые лиственные породы; в соответствии же с этим меняется и первобытный наземный растительный покров хвойного леса. Многие растения, являющиеся неразлучными спутниками сосны и ели таежных лесов, совершенно исчезают в подмосковных хвойных лесах, сильно измененных, главным образом осветленных человеком. Место же их занимают обычные растения вторичных мелколиственных лесов нашего края, или же просто представители сорной флоры. Поэтому особенно интересны в ботаническом отношении для Московского уезда участки хвойных лесов, которые своим флористическим составом в большей или меньшей степени соответствуют первобытным нетронутым лесам далекого Севера. Такие уголки являются отголоском прошлого нашего края, когда не затронутые человеком леса Московской губернии являлись непосредственным продолжением Архангельских и Вологодских таежных лесов.

Один такой участок, имеющий много общего с лесами Севера, уцелел среди населенной дачной местности в очень недалеком расстоянии от Москвы,—всего верстах в пятнадцати; находится он в Разинской волости (бывшей Пехорской) Московского уезда, около поселка Лобаново-Акатово (близ платф. Салтыковской Московско-Нижегород. ж. д.).

¹⁾ Редакция „Московского Краеведа“ обращает внимание читателей на настоящую заметку, как на чрезвычайно интересный образец местной краеведческой работы по выявлению таких деталей природных условий, кои по своему незначительному размеру могут легко ускользнуть из поля зрения исследователей большого масштаба работ.

²⁾ В. В. Алехин: „Флора и растительность Московского края“. Сборник „Московский Край“. 1925 г., 111 стр.

Располагаясь на небольшом и очень пологом склоне берега ручья Растовки у дороги в Лобаново, этот участок хвойного леса занимает всего лишь около семи десятин. И однако, несмотря на незначительную площадь, занятую этим мшистым хвойным лесом, мы встречаем в нем сравнительно много для Московского уезда северных элементов флоры; благодаря чему вполне возможно признать его за хорошо сохранившийся в подмосковном районе участок леса Северного типа.

Лес этот является смешанным, сосново-еловым, при чем есть основания предполагать, что много лет тому назад он был почти чистым сосновым. Затем, в силу ли наступления каких-то неблагоприятных условий для сосны, или же в силу необычайной тенивости ели, эта последняя сменила сосну. Только старые столетние, а единично и полуторастолетние экземпляры сосен с диаметром на уровне груди в 50—70 сантиметров, еще красуются в первом ярусе; весь же второй ярус сплошь занят елью; также ель и в очень высоком подросте. Молодой же подрост не только сосен, но и елей в этом лесу почти совершенно отсутствует. Изредка встречается очень молоденький подрост дуба—в шесть или десять листьев, который, повидимому, не плохо себя чувствует у корней елей; однако более высокий дубняк встречается очень редко. Единично во втором ярусе попадаются березы сильно угнетенного вида. Из кустарников на несколько разреженных осветленных местах особенно пышно развития достигает малина (*Rubus idaeus*), кроме того, часто встречаются крушина (*Rhamnus Frangula*), жимолость (*Lonicera Xylosteum*), бересклет (*Evonymus verrucosus*), изредка рябина (*Sorbus Aucuparia*), можжевельник (*Juniperus communis*) и волчье лыко (*Daphne Mezereum*). В более темных частях леса кустарники совершенно отсутствуют и травяной покров представлен главным образом почти сплошным ковром кислицы (*Oxalis Acetosella*),—этого типичного спутника ели; местами попадаются участки с таким же густым низким ковром стелющейся по земле линнеи (*Linnea borealis*), так характерной для таежных лесов Севера. Большая же часть площади покрыта мхами с богатым развитием главных представителей хвойных лесов—грушанок и некоторых орхидных. Так, здесь встречены в большом количестве: гудиера (*Goodyera repens*), грушанка однобокая (*Pirola secunda*), грушанка круглолистная (*Pirola rotundifolia*), грушанка малая (*Pirola minor*) и в небольшом числе экземпляров редкие в Московском уезде, но очень типичные для еловых лесов грушанка зонтичная (*Pirola umbellata*) и грушанка одноцветковая (*Pirola uniflora*); эта последняя была найдена несколько лет тому назад, после же не попадалась.

Кроме того, здесь часто встречаются следующие растения, типичные для хвойных лесов: папоротники (*Aspidium Dryopteris*, *Aspidium filix mas* и др.), седмичник (*Trientalis europea*), майник (*Majanthemum bifolium*) и др. Также очень большого развития достигают ягодники—костяника, брусника и черника, при чем особенно мощно развивается эта последняя.

Там же, где полог елей плотно смыкается, травяной покров совершенно отсутствует и почва устлана опавшей хвоей.

Общий список растений, найденных в этом лесу, дает понятие об их встречаемости (по Drude).

Первый ярус. *Pinus silvestris*—Сосна—sp. cop; *Picea excelsa*—Ель—sp; Второй ярус. *Picea excelsa*—Ель—cop; *Betula verrucosa*—Береза—sol. unig; Подрост и подлесок. *Picea excelsa*—Ель—sol; *Quercus robur*—Дуб—sp; *Juniperus communis*—

Можжевельник—sp; *Daphne Mezereum*—Волчье лыко—sol; *Evonymus verrucosus*—Бересклет бородавчатый—cop. sp; *Rubus idaeus*—Малина—cop; *Rhamnus Frangula*—Крушина ломкая—cop. sp; *Lonicera Xylosteum*—Жимолость—sp. cop; Травяной покров. *Melica nutans*—Перловник поникший—sp; *Calamagrostis arundinacea*—Вейник—sp. cop; *Poa nemoralis*—Мятлик лесной—sp; *Milium effusum*—Бор развесистый—sp. sol; *Carex digitata*—Осока пальчатая—sp. sol; *Carex pilosa*—Осока волосистая—sp. *Carex leporina*—Осока заячья—sol. cop; *Luzula pilosa*—Ожика волосистая—sp; *Pirola rotundifolia*—Грушанка круглолистная—cop. sp; *Pirola secunda*—Грушанка однобокая—cop; *Pirola minor*—Грушанка малая—cop. sp; *Pirola umbellata*—Грушанка зонтичная—sol; *Pirola uniflora*—Грушанка одноцветная—sol; *Goodyera repens*—Гудьера ползучая—cop; *Coralliorrhiza innata*—Ладьян коралловидный—sol; *Monotropa Hypopitys*—Подъельник многоцветковый—sol; *Linnaea borealis*—Линнея северная—sp. cop., местами cop. soc; *Oxalis Asetosella*—Кислица—cop., местами soc; *Vaccinium Myrtillus*—Черника—cop., местами cop. soc; *Vaccinium Vitis idaea*—Брусника—sp; *Rubus saxatilis*—Костяника—sp. cop; *Fragaria vesca*—Земляника—cop; *Majanthemum bifolium*—Майник двулистный—sp; *Paris quadrifolia*—Вороний глаз—gr. sp; *Trientalis europea*—Седмичник—sp; *Convallaria majalis*—Ландыш—sol. sp; *Veronica officinalis*—Вероника лекарственная—sp; *Veronica Chamaedrys*—Вероника-Дубровка—sp. sol; *Asarum europaeum*—Копытень—sp. sol; *Viola canina*—Фиалка собачья—sp. sol; *Brunella vulgaris*—Черноголовка обыкновенная—sp. sol; *Samolus persicifolia*—Колокольчик персиколистный—sol; *Melampyrum pratense*—Марьянник луговой—sol; *Hieracium pilosella*—Ястребинка волосистая—sol; *Stellaria Holostea*—Звездчатка—sp; *Aspidium Dryopteris*—Щитник тройчатый—sp. cop; *Aspidium filix mas*—Многокучник большой—cop. sp; *Clavaria Botrytis*—sol, на гниющей хвое сильно затененных мест, под пологом елей; мхи—*Hypnum Schreberi*, *Hylacomium splendens*, *Dicranum undulatum*, *Plagiochila asplenoides*, *Polytrichum* sp. и др.

Итак, в данном лесу преобладающими растениями являются: в I ярусе—сосна, во II ярусе—ель, из кустарников—малина, из полукустарников—черника, в травяном покрове—кислица. Такими образом, перед нами определенно выражено сообщество *Pineto—Piceetum Myrtilloso—Oxalidosum*; при чем в этом сообществе можно выделить отдельные ассоциации с линнеей, грушанками, гудьерой, мхами, папоротниками, сплошной кислицей и разнотравием. Все они, слагаясь вместе, дают довольно разнообразный наземный покров.

В заключение надо добавить, что в окрестностях сельца Лобаново-Акатово не редок сходный тип старого сосново-елового леса, правда значительно обедненного северными элементами флоры. На этом же участке, на небольшой площади сосредоточились растения, типичные для еловой тайги, в виду чего он был бы особенно удобен, если не для выделения его в маленький заповедник, то хотя бы для ограждения его от прогона скота (что наблюдается в настоящее время), а главным образом от неизбежной в дачной местности вырубki.

В. Силина.

Положение дела экспедиционных естественно-научных исследований в Московской губернии в 1927 году.

Уже в течение целого ряда лет как в центральных, так и в местных плановых органах и в других заинтересованных учреждениях ведутся, к сожалению, пока довольно бесплодные разговоры о необходимости установления порядка своевременного осведомления их по принадлежности об экспедиционных исследованиях, предпринимаемых различными центральными и местными научно-исследовательскими организациями в пределах той или иной губернии СССР.

Несмотря на то, что в этом деле до очевидности заинтересованы как в центре, так и на местах, поскольку речь идет не о регламентировании или опеке из центра над местной самодеятельностью и инициативой, а лишь об осведомлении в интересах взаимного,

координирования научных работ — это дело попрежнему остается совсем неорганизованным.

Ни в Госпланах СССР и РСФСР, ни в Губпланах, поскольку можно судить о том по данным Московского Гублана, не имеется сколько нибудь исчерпывающих сведений об экспедициях, проводимых в 1927 г. на территории данной губернии целым рядом организаций.

Заслуживает приветствия и поддержки почин в этом направлении Центрального Бюро Краеведения, которое бессильно, однако, преодолеть инерцию некоторых, причастных к исследовательскому делу, организаций и потому также не в состоянии дать достаточно полные информационные справки, кои рассылаются им по соответствующим учреждениям, а потому таковые носят весьма отрывочный и случайный характер.

Следует отметить, что из числа центральных научно-исследовательских организаций лишь Геодезический и Геологический Комитеты ВСНХ являют образец отзывчивости на призыв ЦБК, но, к сожалению, даваемые ими сведения по своей лаконичности часто не могут удовлетворить практических интересов местных работников.

Несмотря на заведомую неполноту имеющихся материалов, решаемся дать краткий перечень экспедиционных исследований, ведущихся на территории Московской губернии в 1927 г. по тем отрывочным сведениям, кои имеются у Общества изучения Московской губернии и у Бюро по Изучению Производительных Сил при Мосгублане.

Основное комплексное обследование природных условий Московской губернии, проводимое с 1925 г. на средства, отпускаемые Моссоветом¹⁾, в текущем году продолжается в части общей геологической съемки, выполняемой Геолкомом под руководством проф. А. Н. Розанова в уездах: Каширском (*Швецов и Яблоков*), Ленинском (*Молдавская*), Сергиевском (*Добров*). На этом будет закончена полевая часть исследований на территории новых уездов Московской губернии, а планом работ 1927—28 г. предусматривается камеральная обработка материалов полевых исследований 1927 г. и полная сводка всего имеющегося материала по геологии губернии в целях представления к концу 1928 г. десятиверстных геологических карт и очерков по геологии Московской губернии.

В части изучения почвенного покрова полевые исследования были закончены в 1926 г., а в текущем году ведется окончательная проработка всех материалов, результаты которых будут представлены к концу 1928 г.

В части геоботанических исследований в текущем году заканчиваются работы по Коломенскому и Сергиевскому уездам, после чего ботаниками будут даны законченные геоботанические очерки по двум резко различающимся полярным районам губернии — южному в составе Каширского, Серпуховского и Коломенского уездов и северному в составе Ленинского, Дмитровского и Сергиевского уездов.

В части геоморфологических исследований, охвативших в предшествующие годы девять западных уездов губернии, ведется камеральная разработка материалов в целях составления соответственного очерка по западной половине губернии. Планом работ 1927—28 г. намечается продолжение геоморфологических и геоботанических исследований в пределах восточной части Московской губернии.

¹⁾ См. „Московский Краевед“ вып. I, стр. 10—17.

По геологической части в пределах Московской губернии сверх указанной общей съемки проводится ряд разведочных работ Геологического Бюро при Москгубземуправлении, подробные сведения о которых приводятся в заметке инж. Н. Н. Лушихина (см. ниже).

В числе справок, сообщенных ЦБК, имеется справка об экспедиции Геолкома под руководством Н. П. Малюкова в пределах Центр. Пром. Района РСФСР со сроком работ на 5 лет в целях „геологич. обследований с расчистками и легкой расшурфовкой, оконтурив. отдельн. месторожд., взятия проб и испытания образцов“, при чем не известно, будут ли эти работы распространяться на Московскую губернию и каково конкретное назначение их.

Работы Геодезического Комитета ВСНХ в 1927 г. будут касаться Московской губернии в следующих частях: 1) техническое нивелирование повышенной точности по линиям жел. дорог: от ст. Куровская—Егорьевск—Воскресенск, Голутвин—Озеры, Озеры—Кашира (по берегу реки Оки), 2) точная топографическая съемка в масштабе $\frac{1}{50000}$ в юго-восточных уездах Московской губернии, 3) рекогносцировка пунктов и постройка знаков для триангуляции второго и третьего классов по основному Егорьевскому ряду и заполняющей сети между второклассным рядом Малоярославец—Москва—Рязань.

Государственным Луговым Институтом (Качалкинским) в сфере изучения болот, по сообщению Д. П. Мещерякова, в 1927 г. произведено повторное геоботаническое обследование Кузьевского лугово-болотного массива Волоколамского уезда для учета изменения растительности после проведения магистральных осушительных канав, производится геоботаническое обследование долины реки Цны от города Егорьевска до села Деднова Зарайского уезда, при чем будет произведено картирование всей площади лугов и болот в масштабе 100 м. в 1 сант.; это обследование ведется на средства МОЗО и предпринято для учета современной природой обстановки начавшихся мелиоративных работ по реке Цне. На 1928 г. предполагается обследование лугово-болотного массива по рекам Вьюлке и Пеше Ленинского уезда, также на средства МОЗО¹⁾.

Воскресенским Госуд. Краевым Музеем по сообщению В. О. Глиндзича ведется работа по комплексному изучению шести озер (Тростенское, Чудцево, Голубое, Баево-болото и др.) находящихся в разных стадиях заболачивания. Эти озера обследуются со стороны а) залежей торфа, сапропеля и пр., выяснения строения древней кюветты и коренных берегов; б) геоботанической с точным учетом озерно-болотных ассоциаций и их экологии; в) зоологической—изучение биоценозов, приуроченных к коренному берегу, кольцам заторфования, водному зеркалу с параллельным описанием соответствующих станций, главным образом, в отношении позвоночных, но попутно и некоторых беспозвоночных.

В ряде уездов (Сергиевский, Серпуховский, Бронницкий, Егорьевский, Можайский и др.) местными краеведческими организациями ведутся работы по изучению речной и озерной сети в целях исправления гидрографической карты И. А. Здановского.

План работ Госуд. Музея Центр. Пром. области 1927 г. по Московской губернии по сообщению Н. А. Дорогутина предусматривает следующее:

¹⁾ Сведения о работах экспедиции по изучению болот Госуд. Лугов. Института за период 1919—1926 г.г. см. в „Известиях Госуд. Лугов. Института“ № 4 (изд. 1926г.).

1. Работы комплексной экспедиции Музея по изучению естественных районов Ц. П. О. коснутся территории Московской губернии, частично входящей в состав Мещерской низменности, а именно уездов Егорьевского и Орехово-Зуевского.

Геологические работы будут производиться на указанной территории геологами Ю. П. Карпинским и О. Д. Бончковской; задача исследований—разрешение ряда специальных геологических вопросов, не затронутых при общей геологической съемке на указанной территории.

Исследование фауны позвоночных в пределах Орехово-Зуевского уезда будет производиться зоологом Музея Н. В. Шибановым. Зоологические наблюдения и коллектирование будут производиться в районе озер системы р. Сеньги и в долине р. Поли. Помимо чисто фаунистических исследований будет также произведено обследование существующего в указанном районе охотничьего промысла.

В геоботанических обследованиях Орехово-Зуевского и Егорьевского уезда будут принимать участие ботаники Музея И. Г. Белов и А. А. Уранов.

Все указанные работы производятся по плану, утвержденному ученым Советом Музея Ц. П. О., и имеют в виду комплексное всестороннее изучение Мещерской низменности, входящей в состав 3-х губерний: Московской, Рязанской и Владимирской.

2. Помимо названных работ полевые работы музея Ц. П. О. по изучению природы Московской губернии будут продолжены:

1) Геологом Ю. П. Карпинским в районе Клинско-Дмитровской гряды; им будет собираться музейный материал по меловой системе.

2) Зоологами музея Л. Г. Капановым и В. В. Раевским—в пределах Московского и Подольского уездов; за два прошедших года названными лицами собраны весьма интересные коллекции по фауне млекопитающих Московской губернии. В результате систематической обработки этой коллекции, хранящейся в Госуд. Музее Центр. Пром. Области, ими подготовлена к печати рукопись. Намеченные исследования и коллектирование млекопитающих Московской губернии в этом году является продолжением работ предыдущих двух лет.

А. Левицкий.

Работы геологического бюро.

Геологическое Бюро при Московском Губернском Земельном Отделе в текущий полевой период, кроме обследований, носящих консультативный характер по отдельным пунктам (количество заявок, на которые более сотни)¹⁾, приступает к плановому, систематическому проведению детальных гидрогеологических и геологических съемок 2-х верстного и большого масштаба. В первую очередь будут изучены территории наиболее сложные по своим гидрогеологическим условиям, территории наиболее ну-

ждающиеся в разрешении целого ряда практических вопросов и территории наименее изученные.

К числу таковых прежде всего относятся, с одной стороны северные уезды (район Клинско-Дмитровской гряды) с другой стороны, южные уезды: Серпуховской, Коломенский, Каширский и др.

Силами Бюро в текущем сезоне будут выполнены следующие детальные гидрогеологические съемки:

1) В Сергиевском у.—Еременская и Рогачевская вол. на площади около 475 кв. кл.; 2) в Дмитровском у.—Рогачевская волость на площади около 300 кв. кл.; 3) в Серпуховском у.—Туровская и Хатунская вол.; 4) в Коломенском у.—Куртинская, Верховлянская и часть Суховской вол.; 5) в Ка-

¹⁾ Весьма характерным является, то обстоятельство, что со стороны местных организаций Бюро получило целый ряд заявок на обследование крупных районов, большая часть которых падает на указанные ниже районы.

ширском у.—Жилевская вол. с общей площадью 1100 кв. кл.; 6) в Подольском у.—Домодедовская вол. на площади около 150 кв. кл.

В Сергиевском и Подольском у.у. гидрогеологическая съемка сопровождается одновременно и обследованием водоснабжения населенных пунктов с углубленным изучением в сторону гидрогеологии, санитарной оценки и химизма вод. Кроме того, Геологическое Бюро продолжает начатое в прошлом году систематическое обследование водоснабжения населенных пунктов во вновь присоединенных к губернии районах (по особым карточкам) с более углубленным изучением в сторону санитарной оценки и химизма вод.

В этом направлении обследованием будут охвачены (кроме двух уже указанных волостей Сергиевского у.) Константиновская и Шараповская волости, при чем обследование водоснабжения здесь будет проводиться совместно с Мосздравотделом.

В Зайцевской волости Ленинского уезда обследование вновь присоединенной части окончено уже в мае с. г.

В Егорьевском уезде намечены к обследованию 298 селений за исключением Красновской и Егорьевской вол., обследованных в прошлом году.

Детальными геологическими съемками и разведкой будут охвачены районы, играющие наибольшую роль в деле добычи полезных ископаемых и так или иначе, заслуживающие особого внимания. Так, изысканиями и съемкой, на гравелистые и прочие минеральные строительные материалы будут охвачены районы Дмитровского, Бронницкого, Серпуховского, Коломенского, Каширского у.у. (на сопредельных участках с гидрогеологическими съемками). Фосфоритные разведки будут организованы в Бронницком у. (бассейн р. Москвы), и предположительно намечается продолжение изысканий к северу от уже разведанных участков в Звенигородском у.

Кроме того, будет обследовано более 50 разработок — карьеров полезных ископаемых в различных районах губернии.

Горный инженер *Н. Луцких*.

По подмосковным камнеломням.

В районе Московско - Казанской ж. д. имеются камнеломни как к югу, так и к северу от дороги. Из них разрабатываются теперь большими карьерами только южные. Эти камнеломни заложены в более возвышенных частях рельефа окружающей местности в тех останцах, которые в немногих местах уцелели еще от древних геологических эпох. Ближайшая к Москве камнеломня находится у деревни Котельники в 4-х верстах к югу от ст. Люберцы. Пройдя деревню Нижние Котельники, вы круто поднимаетесь на возвышенное плато, уже с краю сплошь изрытое ямами, но до больших карьеров нужно еще пройти около $\frac{1}{2}$ —1 клм. Здесь вы найдете большие разрабатываемые карьеры, из которых берется или белоснежный, слепящий на солнце глаза, верхне-юрский песок с заметным слоистым напластованием, или в других карьерах глубиной метров 10—12 ломается Верхне-Юрский песчаник, очень бедный ископаемыми. Отсюда, если вы пойдете к р. Москве, у д. Гремячевой, вы будете идти все по тому же возвышенному плато, превращенному долготлетними старыми выемками песка и камня в холмистую местность. Выходы тех же Юрских песков и камня можно видеть и далее в карьерах у д. Лыткоринной, жители которой и являются рабочими в камнеломнях. Далее Юрские пески небольшими островами выходят на другом, правом берегу р. Москвы так же по краю возвышенного плато у д. Каменной-Тяжиной. Ближе к деревне Верхнему Мячику по обоим берегам реки Москвы открываются каменноугольные известняки, находящиеся по положению ниже Юрских

песков, но здесь эти пески размыты. Лучше всего рассматривать породы здесь в большом карьере глубиной 10—12 м., расположенному у правого берега реки и здесь можно собрать ископаемых. К северу от Казанской ж. д. в этом районе в настоящее время нет больших разработок и только изрытые большие площади в разных местах вдоль реки Черновки свидетельствуют, что они еще недавно заброшены. Так, например, у д. Русавкиной-Поповщины, находящейся в 8 верстах к северу от ст. Малаховки, и давшей когда-то Университету много каменноугольных ископаемых форм, теперь крестьяне в мелких ямах берут для своих нужд мелкоплитчатый известняк совершенно мертвый, „грамотника“ же нет, как говорят крестьяне. Также и близ д. Марусиной заброшены камнеломни того же известняка, и их ямы, засыпанные щебнем и с обвалившимися краями дают плохой геологический профиль, но когда-то они были углублены до цветных слоев глины и известняки давали много ископаемых. Эти камнеломни интересны как сохранившиеся образцы выхода морских пород среди обширной полосы делювиальных наносов.

В качестве пособий при экскурсиях по подмосковным камнеломням можно указать труды: С. Н. Никитина „Общая геологическая карта России“. Труды Геол. Комитет. т. 5. № 1, 1890 г. и А. П. Иванова „Средне и верхнекаменноугольные отложения Моск. губ. Бюлл. М. О-ва Испытателей природы. 1906 г.

П. Дьяконов.

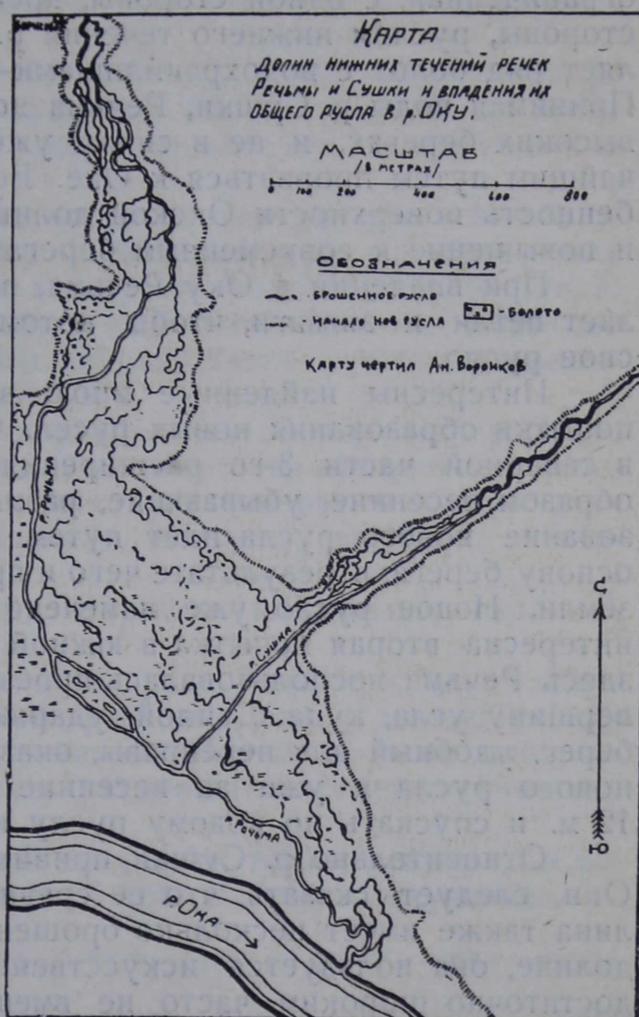
Геоморфологические наблюдения долин речек Речьмы и Сушки.

Название речки „Речьма“—будто бы финское, и это, пожалуй, говорит о ее древности и, вероятно, о некотором значении ее в отдаленные времена. Речка „Сушка“, впадающая в Речьму в районе окской поймы, получила свое название у местного населения благодаря усыханию в летние месяцы ¹⁾.

Наблюдения за долинами нижних течений этих речек велись мною в мае месяце, в период еще неполного развития растительного покрова и во время обильных дождей, заполнивших все водоемы, так что эти благоприятные условия позволили ясно установить, с одной стороны, богатое по работе прошлое р. Речьмы и более бедное — р. Сушки.

Долины этих речек (особенно Речьмы) сплошь изрезаны канавами, иногда длинными и извилистыми, грядами и ямами. Иногда по краям канав растут чахлые кусты, как бы указывая на места бывших протоков, брошенных в более или менее давнее время речкой, прорывшей себе русло в новом месте. Иногда эти старые протоки сохранились в форме слабо выраженных, удлинённых или овальных ям, так что по ним трудно бывает проследить направление бывшего русла протока; это — самые старые русла. Они сильно заилены отложениями полых вод.

Вторые, менее древние протоки, прослеживаются почти без труда и, наконец, третьи, так сравнительно свежи, что удерживают иногда воду все лето и помогают речке спускать водные избытки. Долина р. Речьмы от с. Борисова (см. карту) крайнего пункта стояния весенних вод Окского разлива — и до выхода речки в окскую пойму имеет четыре долинных расширения (см. карту). Если первое из них имеет только одно брошенное русло, то второе так богато ими (7—8 русел), что поверхность долины походит на огород с гигантскими грядами, причем некоторые западины между грядами глубоки — недавни, другие менее заметны—стары.

¹⁾ Работами Л. И. Семихатовой в 1925 г. выяснено, что усыхание происходит по причине развитых в русле р. Сушки явлений карстового характера.

Довольно свежие, капризно извивающиеся иногда замкнутыми петлями, брошенные русла в правой стороне 3-го и 4-го расширений долины удерживают воду все лето и под сенью растущего по берегу высокоствольного хвойного леса, способствуют сильному заболачиванию местности.

При выходе в окскую пойму Речьма, имея три основных брошенных русла, течет уже в искусственно вырытом для нее ложе, имея направление на юг. Вот здесь то, в силу низменного характера средней части окской долины, уровень ее, имея разницу в 8—10 вер. над уровнем вод речки, при весенних и даже летних ливнях легко затопляется избытками вод, не вмещающимися в искусственном русле речки. Вероятно, было бы целесообразнее прорытие более широкого русла и ежегодная расчистка его, ибо существующее узкое русло способствует в итоге своей работы неэкономному использованию обширных луговых пространств. Почти вся площадь окской долины, ограниченная, с одной стороны, древним берегом Оки и, с другой стороны, руслом нижнего течения р. Речьмы до ее устья, представляет ряд болот с водохранилищами—теми же брошенными руслами. Принимая воды р. Сушки, Речьма до впадения в Оку течет в более высоких берегах, и не в силах уже размыть долину, чтобы кратчайшим путем прорваться к Оке. Вот тут-то и прослеживается особенность поверхности Окской долины—низина от коренных берегов и повышение к современным берегам.

При впадении в Оку Речьма, все еще как бы капризная, делает петли и зигзаги, чтобы потом снова, прорвав их, выпрямить свое русло.

Интересны найденные мною в долине Речьмы в двух местах попытки образования новых русел. Одна попытка делается Речьмой в северной части 3-го расширения долины. Воды речки, главным образом весенние, убывающие, размывают под углом берег и образование нового русла идет путем постепенного подкапывания под основу берега, в результате чего и происходит отрыв больших кусков земли. Новое русло уже намечено речкой на 8 метров. Но особенно интересна вторая попытка в южной части 4-го расширения долины: здесь Речьма воспользовалась проезжей дорогой, проложенной через вершину угла, куда с силой ударяют воды. Разрезанный колесами берег, удобный для переправы, оказался очень удобным местом для нового русла и уже за весенние месяцы речка сумела прорыть 12 м. и спускаться по новому руслу воды майских дождей.

Относительно р. Сушки, принимающей на 1 км. весенние воды Оки, следует сказать, что ее сравнительно слабо выработанная долина также имеет несколько брошенных русел. Протекая по окской долине, она пользуется искусственным руслом, как и у Речьмы недостаточно широким, часто не вмещает дождевых вод и пополняет их избытками болота.

Итак, при взгляде на карту, поверхность долин р. Речьмы и Сушки, а также и связанная с их течением часть окской долины, не кажется уже ровной, образованной равномерными отложениями речных насосов. Обе речки, из коих Речьма имеет более богатое прошлое, капризно рыли себе русла во всех доступных направлениях и этим сыграли большую роль при выработке характера своих долин.

А. Н. Воронков.

Река Речьма.

Река Речьма протекает по Пригородной волости Серлуховского уезда. Длина реки около 22 верст.

Вытекает р. Речьма из болотистых мест близ д. Новинки. До указанной деревни берега реки низки, течение медленно, русло реки заросло осокой и в иные годы совершенно пересыхает. От д. Новинки и почти до д. Арнеево бьют мощные ключи¹⁾, поддерживающие уровень воды даже в очень засушливые годы. Встречаются здесь глубокие омуты, из которых один глубиной до 2,5 саж.

Берега реки круты за исключением района впадения речки Сушки. Здесь берега настолько низки, что незначительное повышение уровня воды заливают местность площадью около 5—6 десят. и луга примыкающие к данным речкам покрылись растительностью болотистого характера.

Дно Речьмы суглинистое, редко каменистое и в большинстве случаев илистое.

Берега реки покрыты ветлой, особенно в низовьи, благодаря этому незаметно оползней и разрушения берега. Речьма не поросает осокой, желтой кубышкой и водорослями, как это наблюдается на р. Каширке и на р. Наре.

Речьма образует бесконечное число мелких извилин. Наибольшая поверхностная скорость реки наблюдается на участке между Мартьяновым и Сараксеевым и между д. Борисово и р. Окой. В местах быстрин образуются мели и перекаты. Ниже д. Борисово имеется несколько стариц и следы заброшенного русла, примыкавшего к Посадскому лесу.

По р. Речьме имеется 16 деревень на 21 вер., по р. Наре имеется всего лишь 18 селений на 60 верст. Что привлекало человека к Речьме? Ответить трудно. Крестьяне говорят, что вода реки хорошо „настаивает чай“. Привлекала человека, вероятно, значительная рыбность этой реки.

В голодные годы крестьяне д. Борисово и Палихово питались главным образом этой рыбой.

Из искусственных сооружений по реке Речьме следует отметить плотину Палихово-Мышенской ф-ки и плотину мельницы при дер. Мартьяново. Около дер. Кончаково когда-то была плотина, образовавшая Карачаровский пруд, славившийся своей рыбностью. Пруд этот прорвало в 1910 году.

По собранным данным удалось выяснить время вскрытия и замерзания реки Речьмы за последние 7 лет. Данные следующие:

	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Вскрытие	3/IV	1/IV	10/IV	22/IV	7/IV	1/IV	17/IV
Замерзание	29/X	15/XI	—	8/XII	14/XI	24/XI	6/XII

Продолжительность ледостава на р. Речьме, таким образом, равна 144 дням.

Во многих местах река Речьма не замерзает, а в остальных местах замерзание ее по сравнению с Окой ничтожно. В 1926 г. р. Ока имела толщину льда (чистого)—26 сант., Речьма только 11 сант., в 1927 г. Ока — 32 сант., Речьма — 14 сант.

¹⁾ Данные геологического исследования р. Речьмы имеются у проф. А. П. Иванова.

Наибольшее число паводков падает на июль и наименьшее на май, из опроса крестьян выяснилось, что за последнее 10-летие было паводков: в мае—1; в июне—4; в июле—6; в августе—4; в сентябре—3; в октябре—4.

Только июльские паводки носят затяжной характер, остальные паводки стремительны и обычно происходят на 2-й день после сильного дождя.

Средняя годовая поверхностная скорость реки Речьмы равна 0,35 метр. При чем при глубине 105 сант. поверхностная скорость равна 0,354 м. с понижением или повышением уровня на 25 сант., поверхностная скорость изменяется на 5 сант.

Измерение поверхностной скорости производилось путем пускания по течению в районе исследования сосновых поплавок диаметром 10 сант. и толщиной в 3 сант. Время прохождения поплавок между створами отмечающими расстояние в 40 метр., проверялось по секундомеру.

По данным глубины, ширины и поверхностной скорости реки был подсчитан расход воды ¹⁾, который равен:

	Средний.		Максимальный.		Минимальный.	
	ведер	ведер	год	ведер	год	
В мае	28,8	41,3	1922	19,3	1919	
„ июне	25,6	61,0	1919	17,0	1921	
„ июле	34,8	159,0	1923	17,0	1921	
„ августе	29,2	61,0	1919	17,0	1921	
„ сентябре	26,4	28,7	1918	18,5	1920	
„ октябре	24,3	34,7	1926	19,3	1921	

Притоки р. Речьмы следующие:—р. Раменка; длина 4 версты. Вытекает из низких мест и осоковых болот. Течет в крутых берегах. Расход воды в мае 1926 г. был равен 8—7 ведрам в секунду, при поверхностной скорости 32 сантим. Берега поростают осокой. Р. Батаровка—протекает по песку. В сухие годы пересыхает. Находится в низких берегах. Р. Каменка—вытекает из болот проходит через пруды в самом истоке. Дно сильно каменистое, откуда и наввание. Запружена плотиной ф-ки Ногина. Принимает часто пересыхающую р. Нюньгу. Длина реки—5,5 версты. Нюньга—1½ версты. Р. Сутка—самый большой приток р. Речьмы; длина 9 верст. Вытекает из осоковых болот. Берега крутые, к устью берега очень низкие. Запружена плотиной в самом начале. Расход воды: в июле 1926 г.—16,4 ведра, в августе—20,7. Поверхностная скорость выше, чем у р. Речьмы.

С. Батуев.

1) Расход показан в ведрах в секунду.

Поправки и дополнения к „Гидрографической карте Московской губернии“, изданной Обществом.

Работа по изучению гидрографической сети губернии начатая Обществом изданием „Каталога рек и озер Московской губернии“ и гидрографической карты И. А. Здановского встретила на местах живой отклик. В Общество поступают материалы как от отдельных исследователей губернии, так и от краеведческих организаций. Эту работу кое-где проводили целые коллективы (школьных и музейных работников). Ниже помещаются некоторые из присланных заметок, данные которых освещают более или менее значительные площади губернии. Остальной материал по этому вопросу, не напечатанный в настоящем выпуске, будет помещен в одном из следующих выпусков.

В виду крайне ограниченного объема нашего органа, Редакционная комиссия просит участников настоящей работы в дальнейшем давать материал хотя бы в сокращенном виде по образцу заметки С. С. Батуева.

1. Река Москва в пределах Бронницкого уезда.

Первым притоком реки Москвы после пересечения ею границы Бронницкого уезда является река Пахра с притоками Ракиткой и Ушанкой. Второй приток - Пехорка. Притоки Пехорки: Криста, р. № 361, Чечора и Сатовка впадают в Пехорку вне пределов Бронницкого уезда. Р. № 370, впадающая в Пехорку после Сатовки, на планах Быковской волости Бронницкого у. называется Мокродонкой (среди ее течения озерко Малаховское), у местных жителей она называется Македонкой. Р. Мокродонка или Македонка совпадает с северо-западной границей между Бронницким и Московским уездами (у пос. Малаховка). После Мокродонки в Пехорку впадает р. Кобыленка. Далее р. Пехорка протекает сквозь озеро, не имеющее на карте названия. В Быковской волости это озеро называется Михневским. К Ю. З. от него (у автора не обозначено) имеется маленькое озерко под названием Студеная Лужа. Далее на карте к С. от озера Нов. Мостищи имеется у Москвы реки озерко без названия. На карте Военно-Топографического управления это озеро называется Прорва.

Далее на карте под надписью „Плешкурка“ обозначена цепь озер с обрывом на западном конце. На самом деле тут обрыва нет и эта цепь озер соединяется с р. Пехоркой. Цепь озер состоит из ряда озер, имеющих следующие названия (начиная от р. Пехорки): 1) Быковка; 2) Плешкурка; 3) Перекольское; 4) Алитово; 5) Низовец; 6) Осиновка; 7) озеро Осиновка и Москва река соединены узким протоком, носящим название „Филатов Исток“ (см. план Раменского имения кн. Прозорского-Голицына 1860 г. и „Межевую книгу станов Обарнич и Раменейце“ центраархив Р.С.Ф.С.Р.—Девичье поле). На правом берегу р. Москвы, там где она имеет излучину, почти против устья Пехорки обозначены 3 озера и немного южнее (выше по реке) на том же берегу еще озеро. Название нижнего из 3-х озер—Пирово. Название озера выше по реке—Чернява. На левом берегу р. Москвы между устьем Осиновки и Хрипанки имеются необозначенные на карте озера Глушица II-я, Перемыть и Дальнее.

Реки, обозначенные на карте, „Нижняя Храпинка“ и „Верхняя Хропинка“ на самом деле являются одной и той же рекой под на-

званием „Хрипанка“, а не Храпинка с притоками № № 371, 372 и следующий слева (по течению) Куниловка.

Далее—на правом берегу на карте обозначено озеро Игумново—на самом деле оно называется Игубнево.

Озеро Борисоглебское никоим образом не следует включать ни в бассейн реки Гжелки, ни в бассейн р. Хрипанки. Оно—ледникового происхождения и ни с Москвой-рекой, ни с ее притоками не связано. Находится оно среди высокой местности—на водоразделе Хрипанки и Гжелки.

У р. Гжелки имеется обозначенный на карте приток—Донинка. Притоки Донинки носят название: 1) Зеленинка (не обозначенный на карте); 2) Дементьевка (№ 378); 3) Черная (№ 377); 4) Гладня (не обозначена); 5) Ревенька (№ 379); приток Ревеньки—Гостичка (№ 381); приток Гостички—Фофанка (№ 379); приток Фофанки—Каменка (№ 380).

Приток Гжелки, обозначенный № 373, называется—Речица.

Приблизительно в середине между устьем реки Дорки и озером Шинчевым находится не обозначенное на карте озерко Грязливец. Немного южнее и ближе к реке Гжелке имеется озеро Плоучее.

Следующий приток реки Москвы носит название—Велинка, а не Вилинка.

Приток реки Дьяковой выше устья р. № 616 называется не Босачка, а Богачка. Лежащие здесь в стороне ручьи—Бусарков, Литовский (а не Литонский), Лудкой (а не Липкой) впадают в р. Богачку. Река № 621, впадающая в Москву-реку, имеет название Кожурновка или Деденка.

Выше озера Росланова на карте не отмечены озера Калуга и Куловское. Следующее после озера Глыбоцкого на карте автора озеро названо Пироцким. Настоящее название его—Широцкое. К северо-западу от озера Широцкого у автора не отмечены озера Мелкое и Клинское. Выше озера Студенец не отмечены мелкие озерки Влатынское и Мининское. К юго-востоку от озера Страдного на карте имеется значительное озеро без названия, оно имеет название—Белое.

Не отмечены: 1) выше озера Косьмо-Демьянского—озеро Банное; 2) выше озера Заводь (а не Зевод)—озеро Пенечное.

Задевает границу Бронницкого уезда р. № 369 (приток р. Вьюнки в бассейне Пехорки) на местных картах имеет название—Береговая.

Б. Белокуров.

2. К картографии речной сети Сергиевского уезда.

Сергиевский уезд составил из частей прежнего Дмитровского уезда Московской губернии и уездов Александровского и Переяславского Владимирской губ. Благодаря этому, по части карт дело у нас обстоит особенно неблагоприятно, хуже, вероятно, чем в центральных уездах губернии.

В 1924 году Сергиевским Уиком издана 2-х верстная карта уезда, составленная на основе прежних двухверсток Московской и Владимирской губ., но в ней много ошибок как в направлении, так и в названиях рек. Гидрографическая карта И. А. Здановского также имеет ряд неточностей, повторяя ошибки первоисточников, которые были им использованы.

Сергиевское Об-во краеведения впервые подошло к изучению речной сети уезда во время работы по краеведной переподготовке школьных работников в августе 1925 года. Тогда удалось зафиксировать ряд ошибок на карте Серг. Уика и в некоторых случаях получить вполне надежный материал для уточнения того представления о реках, которое дает карта. Особенно ценный вклад в изучение края представляет схематическая „карта“ района Заболотского озера, составленная школьным работником Автономовым.

После окончания августовской компании (1925 г.) общество продолжило работу над изучением речной сети, путем собирания сведений о названиях рек и о их водном режиме. Весной 1927 года с этой целью была разослана по школам уезда анкета о половодье, давшая интересный материал по главным речным артериям.

Изучение речной сети еще далеко не закончено, и ряд вопросов, связанных с речной сетью, ждет специалистов для своего разрешения.

Пока поправки и дополнения к гидрографической карте И. А. Здановского сводятся к следующему:

Бассейн р. Клязьмы. На карте обозначена р. Воря, впадающая, в виде маленькой речки в Белое озеро и р. Прокошева, теряющаяся в болоте, окружающем озеро. В действительности же исток Вори находится севернее верст на 6—8 (по словам местных жителей, она начинается близ дер. Думино), а р. Прокошева впадает в Вору выше озера и начинается значительно западнее.

Загадочный перерыв р. Вори ниже Белого озера и новый ее исток объясняется тем, что озеро сильно заболочено и река, вытекающая из него, течет под моховым покровом, который можно пробить шестом и обнаружить воду. (Сведения получены от Шк. раб. А. Н. Суворова).

Речка № 1176, слепо заканчивающаяся на карте—приток Вори „Черменка“; близ ее истока начинаются мелкие ручьи бассейна Вели, этим и объясняется то, что на карте ей дано неверное направление.

Рондушка также слепо заканчивающаяся на карте (или Рондобежка)—впадает в Вору, делая крутой изгиб по направлению к ней и принимает небольшой приток—„Быки“.

В бассейне Торгоши: Кошура—следует Кончура принимает в городе Сергиеве два незначительных притока: Вондюгу и Копнинку; древнее название по летописи—Бутырка.

№ 1032—Афонасовский ручей № 1033—Сизениха (жители объясняют это название тем, что тут на большой Московской дороге „подсиживали“ проезжих—соседний овраг носит название „Убитик“); № 1029—Козелка; № 1041—Сумерь (могла бы считаться главной речкой, а не притоком Талицы, т. к. при слиянии Талица принимает направление Сумери; по количеству воды они здесь равноценны); Сумрак—Махра.

Бассейн р. Молокчи, притока Шерны (Серои); № 1056 дл. 58 км.—Вондиха; длина ее преувеличена, она начинается южнее истока Молокчи; в верховье ее лежит Тарбеевское озеро, не указанное на карте. Она впадает в Молокчу при крутом повороте последней на восток, т. ч. общая длина ее около 30 верст; № 1064—Карповка; № 1064—Звенигородка; № 1066—Каменка.

Бассейн р. Дубны. № 1302—исток Дубны; № 1295—Росоловка (впадает в Дубну за пределами Моск. губ.); № 1030—Исток Куньи (древнее название по летописи—Куньема).

Не указана М. Кунья, протекающая Бужаниновское озеро.

№ 1029—Кочерги—приток Куньи; неверно ее направление.
№ 1153—Махрка; № 1154—Сухинская, при устье Сидоровка;
№ 1157—Здериноги; № 1159—Исток р. Перемойки; № 1166—Кубжа (очень сильно заболоченная); № 1167—Корешовка; она же в истоке Шелемовка, в устье Чирковка; № 1169—Старая Шихахта (Уванда)—старое русло р. Шихахты, кот. раньше впадала в Дубну, но крестьянами несколько десятков лет тому назад была отведена в Велго в целях улучшения сенокосов.

Бассейн р. Вели, притока Дубны. № 1173—Плоска; № 1177—Инбушка; надо думать, что древнее название Инобожка, т. к. здесь известен „Инобожский стан“; в этой части река непостоянна—очень широкая ложбина идет от дер. Новинок, но воды так мало, что летом остаются только бочаги.

Иснушка—та же Инбушка; протекая через озерную котловину около Ярыгина и принимая несколько ручьев, а ниже котловины массу ключей, она делается значительной речкой.

№ 1181—Киселевка; № 1182—Кучерба; она делает большой изгиб, непоказанный на карте. № 1184—Пильбеж; № 1185—Арша; № 1187 (она же Веля II)—Шихахта; Веля II (исток)—приток Шихахты—Мельницкая.

Бассейн Заболотского озера и р. Сулоти. Вздерножка—Вздерниножка, Сухман, Сухманка; № 1221—исток ее; № 1221 а—Вышкарга (восточнее 1221); № 1222—Крестница; № 1223—Кудрявка; № 1224—Веза; № 1225—Журавлиха.

Имяна—Ильма, она же—Матьяска, Вахта, Базанов бочаг, Илемка, Москва-река (рукав). № 1128—Парфенов ручей.

Не указаны—р. Сулотка, р. Ярня, она же Алтынниха.

Контуры Заболотского озера и р. Сулоти переданы очень схематично, на самом деле это целый лабиринт „плесов“ и протоков, очень сильно заросших водной растительностью.

Не указаны озера:—1) Батьковское на правом берегу Сулоти, очень сильно заболоченное; 2) Тарбеевское в бассейне Вондихи; 3) Рогачевское в бассейне р. Куньи.

А. Шаховская.

3. Поправки к Гидрографической карте И. А. Здановского.

Реки:—№ 659—Грачевня; № 772—Лихунька; № 775—Безымянка; № 779—Родовка; № 781—Алтуровка; № 782—Лощуха; № 783—Савна; № 784—Теменка; № 792—Белявка; № 811—Терехунка; № 812—Осетринка; № 816—Рождественка; № 817—Благуша; № 818—Татарьевка; № 820—Терепунь; № 821—Чавра; № 842—Буланая; № 854—Бортневка; № 858—Лисинка, в нее впадает Смородинка; № 859—Дубечная; № 861—Сосенка; № 864—Глубокий; № 869—Сляновка; № 873—Уноковка; № 875—Воскресенка; № 880—Воробьевка; № 882—Жесенка; № 883—Родинка; № 891—Головлиха; № 893—Вихоренка; № 894—Кундюковка; № 896—Кримиченка; № 899—Ишетка; № 911—Безымянка; № 914—Ситинка; № 917—Кримиченка.

С. Батуев.

Об изучении г. Москвы.

(К организации при Об-ве Изучения Московской губернии секции „Новая Москва“).

Необходимость изучать местный край широкими коллективными силами проживающих в нем и лишь на этом изучении строить конкретные практические мероприятия—административные, общественно-экономические, культурно-просветительные и проч.—в настоящее время общепризнана и не требует особых доказательств.

Но чрезвычайно характерно и показательно, что в Москве, административном и интеллектуальном центре государства, это признание вылилось в конкретные формы гораздо позже, чем в соседних губерниях и даже в уездных городах Московской губернии; тогда как там существуют краеведческие организации десятки лет, Об-во изучения Московской губернии возникло только в самые последние годы.

Показательно и то, что до прошлого года наше Об-во занималось исключительно изучением губернии без города Москвы, и только вхождение в Об-во секции „Старая Москва“, богатой своим историческим прошлым и исключительной налаженностью работы вовлекло в орбиту внимания Об-ва и город Москву; в pendant к „Старой Москве“ с осени текущего года при Об-ве открывает работу секция „Новая Москва“, которая будет заниматься краеведением современной и будущей Москвы.

Не буду останавливаться на причинах отмеченного запоздания краеведческой работы по Московской губернии и по г. Москве. Они многообразны, но в настоящее время изживаются. Остановлюсь на необходимости в нашей краеведческой работе изучения г. Москвы.

Если бы даже Москва не была Москвой, а обыкновенным населенным пунктом губернии, то и тогда краеведы не могли бы не интересоваться территорией в двести слишком квадратных верст с населением свыше двух миллионов. Но Москва, ведь, столица республики, центр административной, торгово - промышленной и научной жизни С.С.С.Р., единственный по величине узел железных дорог, идущих со всех концов государства; население Москвы—квинт-эссенция всего активного, даровитого, общественно-полезного, что есть в нашей стране и что стекается в столицу из всех близких и далеких уголков провинции.

Своей жизнью, своей работой, своими достижениями Москва влияет на жизнь и работу всей республики и, конечно, не может не влиять прежде всего и больше всего на жизнь Московской губернии в целом. В противоположность другим губерниям, где состав территории и населения, национальность и промыслы последнего, уровень достигнутой им культуры и проч. накладывают характерную печать и дают физиономию губернскому городу, Москва почти не зависима от влияний губернии и, наоборот, своей жизнью и работой определяет занятия и культуру почти всех своих уездов, многие из коих работают в значительной степени на Москву, а другие—благодаря близости от них Москвы и возможностей, с нею связанных. Архитектура и внутреннее убранство жилищ, одежда, культурные потребности, увеселения и т. п.—все это находится в уездах под большим влиянием Москвы и с каждым годом все более утрачивает свой самобытный характер. Как после этого не изучать Москвы, когда от нее „все качества“ губернии.

Сама по себе, независимо от губернии, Москва для краеведа также исключительно интересный объект изучения. Я не буду говорить о „Старой Москве“, сокровищнице быта и культуры всего русского народа, так замечательно выявляемой работами секции Об-ва Изучения с тем же названием. Москва современная привлекает прежде всего разнообразием своих естественных и культурных ландшафтов. В ней имеются и леса, и поля, и пашни, и огороды, и реки, и пруды и проч. виды территории—вплоть до пустырей и негодных к использованию земель. Ботаник найдет на этих землях и природные и завезенные растения и определит влияние последних на природу Москвы. Экономист и агроном выявят экономические и технические условия существования в Москве засаженных и засеянных земель. Урбанист и архитектор увидят в них фонд для расширения города в определенном направлении; общественник и врач—гарантии притока к городу свежего воздуха и т. д. Культурные ландшафты еще разнообразнее. Уже давно говорилось, что Москва в черте бульваров—столица, между бульварами и Садовой—губернский город, за Садовой же—уездный город, превращающийся к окраинам в уездное зтхолустье. Действительно, в современной Москве не трудно встретить и пейзаж средневекового города (Кремль и уголки Китай-города), пейзаж XVIII века (быв. дворцы-усадыбы екатерининских и елизаветинских вельмож), дворянского простора и тихого соседства с мелкими людишками первой половины XIX века (уголки в переулках Арбата, ул. Крапоткина и др.), капиталистического строительства конца XIX и начала XX века; пейзаж фабричных и рабочих районов (на Красной Пресне, в Замоскворечье, на Балчуге и в других местах); пейзаж железнодорожный (Перово, товарные станции М.-Курской и М.-Нижегородской жел. дор., Каланчевская площадь с 3 вокзалами); дачный пейзаж (Покровское-Стрешнево и др.). Это разнообразие пейзажей характеризует не только природу и внешнее устройство различных частей Москвы, но и их экономику, и культурный быт населения, и даже его состав.

Население Москвы большей частью пришлое. Статистика в годы переписей дает нам общие сведения об его численности, поле, возрасте, занятиях, образовании, национальности, но именно в общем для всей Москвы разрезе, меж тем как для краеведа как раз интересно расселение населения по городской территории, его локализация. Есть признаки, что известные группы населения предпочитают селиться в определенных местностях и более или менее продолжительное время сохраняют здесь лицо и быт своей родины, нивелируясь лишь в течение многих лет. Краеведу необходимо разыскать и изучать эти очаги поселения и выявить живое лицо современной Москвы, чрезвычайно нужное для различных практических мероприятий благоустройства, просвещения, даже группировки производств.

Промышленность Москвы—не менее важный и интересный предмет для краеведческого изучения. Замечено, что фабрики и заводы Москвы разбросаны по ее территории не хаотически, а с известной долей закономерности. Так, металлургическая промышленность устроилась б. ч. в южной части Москвы (Замоскворечьи, в Симоновском районе); текстильная—на востоке (Черкизово—Благуша) и на западе (Красная Пресня). Местонахождение определенных групп промышленности в известном районе кладет отпечаток на его благоустройство, на состав и здоровье населения, на его экономическую мощь, на быт, времяпрепровождение и проч. Выяснить все

эти зависимости, историческую и современную связь известных видов промышленности с районами города — насущная задача краеведа.

Торговля Москвы до революции тоже была районирована. Мясницкая улица с ее окружением и Китай-город были центрами оптовой торговли; первая—главным образом, металлическими изделиями, второй—мануфактурой. Кузнецкий Мост, Петровка, Тверская улица—были центром розничной торговли—мануфактурой, галантереей, готовым платьем и т. п. Пищевые продукты продавались б. ч. на рынках, развернутых на площадях. Дрова и лесные материалы—на складах, помещавшихся, главным образом—у вокзалов и т. д., и т. д. Торговля тем или иным товаром накладывала значительный отпечаток на физиономию района, внешнее его благоустройство и быт населения. После революции торговые центры переместились. Например, Китай-город из центра мануфактурной торговли превратился ныне в административный центр. Но многие виды торговли удержались в известных районах или возвращаются в них. Вскрыть логику этого явления, а также связь известных видов торговли с теми или иными особенностями районов—немаловажная задача для краеведа.

Наконец, благоустройство города Москвы в смысле распределения по городу и насыщенности определенных районов школами, больницами, амбулаториями, спортивными площадками, общественными садами и проч., а также снабжения их водою, газом, электричеством, оборудования канализацией, мостовыми, трамваем, телефоном, радио и т. п.—здесь мы имеем неисчерпаемый запас тем и заданий для краеведа. М.К.Х. и другие ведомства, работающие по благоустройству города, далеко не всегда имеют для своих мероприятий числа—показатели и общие ориентировочные сведения даже в отношении всего города в целом, и, конечно, уж почти совсем не имеют всесторонних показателей благоустройства отдельных небольших районов города. Меж тем всякая мера благоустройства района должна быть тесно увязана с его благоустройством в целом. Школьный и больничный радиус тесно связан с замощенностью улиц, развитием трамвайных и других средств сообщения; ширина и характер замощения—с жилым, промышленным или торговым характером района и т. д. Краеведу необходимо связать воедино все виды благоустройства отдельных районов Москвы, установить их зависимость друг от друга и дать для практических мероприятий ведомств живые, а не схематические, описания и цифры—показатели их очередных потребностей.

Я не буду касаться других отраслей, в которых считаю необходимым приложение рук краеведа г. Москвы. Их, конечно, не исчерпать в небольшой журнальной статье. Но уже из сказанного видно, что работе краеведа я придаю большое значение в разностороннем изучении отдельных районов Москвы, а не всего города в целом. Почему? спросят меня. Потому что, как я указал в начале статьи, Москва—многолика и многообразна, и общий ее облик должен вырисоваться лишь после глубокого и всестороннего изучения ее частей, с последующим затем их синтезом. Попытку изучать Москву в целом без такого предварительного изучения отдельных ее частей я считаю в настоящее время попыткой с негодными средствами, которая ничего, кроме общих схем, дать не сможет. Правда, ведомствам иногда нужны хотя бы эти общие схемы, ибо у них зачастую ничего нет для разрешения того или иного вопроса; но пусть они

и занимаются их построением. Широкая общественная краеведческая работа должна идти по глубокому руслу всестороннего изучения отдельных, я бы сказал—„органических“ частей города.

Работа трудная, но для нее в Москве исключительно благоприятные условия. К услугам краеведов богатые архивы с разнообразными описаниями московских земель, угодий, усадеб, домов, фабрик и проч., охватывающие период с XVII века, а иногда даже ранее: богатые библиотеки—Ленинская, Исторического Музея, Коммунального Музея и др., отдельных наркоматов и ведомств; многообразные ведомственные и частные исследования отдельных сторон московской жизни. Наконец, зачастую—ведомственная заинтересованность в изучении районов города и постоянное содействие Московского Совета и Губплана при постановке серьезных краеведческих исследований. С такими данными не страшно браться за трудную работу и я надеюсь, что она московскими краеведами будет с честью выполнена.

П. Сютин.

Музей города Москвы.

Жизнь большого города можно до известной степени сравнить с жизнью великого человека. Как последняя, жизнь города имеет младенческий период, когда город только что зачинался, отроческий и юношеский периоды, когда он рос и накапливал силы, период зрелости, когда была ключом политическая, экономическая и общественная жизнь и, наконец, период старости, дряхлости, когда в силу тех или иных причин, жизнь замирала, население уменьшалось, затихала бывшая ключом общественная жизнь. Мы знаем великие города древнего Востока, Греции и Рима, пережившие все вышеуказанные периоды жизни и ныне мертвые—только история и археология говорят нам об их могучей жизни и творчестве в былые века. Знаем старые города, донныне живущие полной и все развивающейся жизнью—Париж, Лондон и др., знаем молодые американские города, еще сто лет назад переживавшие младенческий возраст, а ныне выросшие в могучие общественные организмы и своей культурой и экономикой частично перегоняющие даже старые центры западноевропейской культуры и цивилизации. Мы считаем твердо установленным положение, что для познания творчества великого мыслителя, художника, литератора, нам недостаточно их произведений—нам нужно знать всю эволюцию их творчества, неразрывно связанную с их биографией. С этой целью мы не только изучаем их жизнь и творчество—мы собираем в особых музеях их имени, все документы, письма, фотографии, картины, обстановку и проч., касающиеся того или иного великого человека. Как на западе имеются специальные Музеи Шекспира, Шиллера, Гете и др., так и у нас имеются Музеи Толстого, Чехова, Скрябина и др. Если жизнь и творчество отдельных людей требует изучения и создания музеев их имени, то сколь более нужно знать историю развития великого города, его младенчество, юность, зрелые и старческие годы. Жизнь отдельного человека, как бы велик он ни был, не может идти в сравнение с жизнью целого города, великого общественного организма, своей индивидуальностью отражающего целые этапы жизни народа, его создавшего. Если великого человека можно сравнить с метеором,

пронесшимся над землей и внезапно озарившим ее невиданным светом, то великий город надо сравнить с солнцем, своей культурой и цивилизацией согревающим и одухотворяющим целую страну в течение столетий и тысячелетий. Город надо изучать, жизнь его—прошлую, современную и будущую—надо популяризировать, чтобы лучи его тепла проникали в самые толщи населения и научали творчеству жизни и любви к общественному труду.

Как это однако ни странно, городам в этом отношении менее повезло, чем отдельным великим людям. Изучение городов, как таковых, в их развитии и индивидуальных особенностях возникло, очень недавно; музеев, посвященных специально определенному городу, очень мало. Если так обстоит дело за границей, то можно не удивляться, что у нас даже столицы—Ленинград и Москва—еще далеко не изучены и не описаны, и ни тот, ни другой не имеют музеев, специально посвященных каждому из этих городов.

Ленинград имеет Музей города в бывш. Аничковом дворце, имеющий в своем составе архитектурный отдел, отдел коммунальной гигиены, музей старого Петербурга, особняк быв. графини Карловой и быв. комнаты Александра III. Первые два отдела имеют своей задачей отразить эволюцию архитектуры и коммунального хозяйства городов вообще—от первобытного города африканских дикарей до города—сада будущего; Ленинград имеет в этих отделах чрезвычайно слабое отражение. Музей старого Петербурга является чрезвычайно узким по своим задачам—он выявляет домашний быт вельмож XVII—XVIII в. в., их мебель, утварь, картины и проч. Особняк графини Карловой тоже рисует домашний быт вельможи начала XIX в., комнаты Александра III—домашнюю жизнь предпоследнего из императоров. Как видим, Ленинград, как живой общественный организм, чрезвычайно слабо и разрозненно представлен в Музее города и, отдавая должное почтенным задачам последнего, можно говорить, что музея г. Ленинграда в Ленинграде пока нет,

Между тем именно в Ленинграде имеется полная возможность сравнительно легко и в недолгий срок организовать, вполне отвечающий достоинству города, музей г. Ленинграда, собрав в б. Аничковом дворце из других музеев и учреждений коллекции, характеризующие общественно-экономическую жизнь города (которых множество), пополнив их экспонатами Музея города и разбив все их по определенному плану, выявляющему развитие и современное состояние города Ленинграда.

Москва несколько счастливее Ленинграда. В ней с 1913 года живет и развивается Московский Коммунальный Музей (с 1896 по 1920 год известный под именем Музея Московского городского хозяйства), посвященный специально г. Москве и представляющий если не все, то главнейшие элементы жизни города—в прошлом, настоящем и будущем. Организован был и Музей старой Москвы, прекрасно вскрывающий, главным образом, ее домашний и общественный быт XVII—XIX веков. К сожалению, из-за недостатка помещений, первый Музей не имеет возможности правильно развиваться и естественно расширяться, а второй со времени своего основания (1916 г.) до настоящего момента еще не открыт—за отсутствием помещения, и только перемещается из одного складочного помещения в другое. Между тем, если бы объединить в одном помещении или в двух соседних только эти два Музея, мы уже имели бы Музей г. Москвы, достаточно отражающий прошлое и современное состояние городской общественной жизни. В дальнейшем необходимо

было бы развить в Музее отделы, бывшие в нем до Революции— здравоохранения, народного просвещения и социального обеспечения—и открыть новые, рисующие до Революции не представленные в нем отрасли — отдел охраны безопасности жизни и имущества (милиция, угол. розыск, пожарное дело), отдел общественного питания и др. В 1920 г., когда Музей Моск. городского хозяйства преобразовывался в Московский Коммунальный Музей, в последнем было предположено открыть все вышеуказанные отделы, были выработаны соответствующие для них программы, утверждено Президиумом Моссовета 12 ноября 1920 г. соответствующее „Положение“ о Музее, но затем отсутствие надлежащего помещения и средств заставили временно сузить программу Музея до отражения в нем только коммунального хозяйства. Теперь трудные времена прошли, и нам кажется, необходимо воскресить проекты 1920 г. Москва— красная столица, первый город в Союзе, должен имет соответствующий своему достоинству Музей, всецело посвященный городу. Как и в Ленинграде, многое для этого Музея можно было бы получить из других Музеев, где изображения и пр. экспонаты г. Москвы тонут в море других экспонатов и, не являясь зачастую предметом перво-классного искусства, не останавливают на себе должного внимания. В Музее же города Москвы, связанные с определенной эпохой и общественностью, они имели бы гораздо больший интерес и значение. В сущности для Музея г. Москвы у нас есть все, кроме надлежащего помещения. Московский Совет, сумевший найти помещение для Музея Революции, для Дома Крестьянина и для др. учреждений, надеемся, сумеет найти надлежащее помещение и для Музея г. Москвы, коль скоро признает его необходимость и важность. Остальное—лишь дело переговоров с Главмузеем и др. учреждениями, в ведении которых находятся в настоящее время экспонаты, нужные для Музея г. Москвы, и дружной работы всех отделов Моссовета по систематическому отражению в Музее их деятельности. Последняя неперриодически проявляется и в настоящее время— в подготовке отделов к выставкам на пленумах и съездах Моссовета; в будущем она сделается, наверное, систематичнее и полнее. Ядром Музея г. Москвы явится Московский Коммунальный Музей, через расширение которого естественно и планомерно только и может в настоящее время, без больших затрат сил и средств, организоваться новый Музей. Сознвая назревшую потребность для современной Москвы в Музее, охватывающем всесторонне жизнь и деятельность города, Общество изучения Моск. губерн. должно добиться, чтобы Президиум Моссовета разделил его мысль, поручил ему взяться за это дело и отпустил для него минимальные средства.

П. Сытин.

Изучение быта деревни, как основное условие просветительной работы среди населения.

Попытки систематизировать накаплиющийся в работе Воскресенского Музея материал в области быта современной деревни в ряду прочих намечающихся выводов приводят к сознанию самой настоятельной необходимости культурному работнику вмешаться в жизнь деревни, чтобы помочь ей поскорее вырваться из обстановки, все еще сохраняющей в значительной мере неизжитые традиции и пред-

рассудки, привычную атмосферу невежества, держащегося инертностью населения. Анализ ряда элементов, как материальной, так и духовной культуры деревни обнаруживает обширное поле для деятельности именно просветительных учреждений.

Эта необходимость вмешаться ощущается тем настойчивее, чем ближе всматриваешься в отношение как самого населения, так и культурных работников деревни к вопросу об изменении быта деревни: „нам ни к чему“, „у нас достатку нет иначе жить“, „у нас все так живут“ — с одной стороны; с другой — упрощенное вульгаризированное понимание положения, что в основе всех явлений лежат экономические отношения, а потому, мол, явления быта и не подлежат никакому специальному воздействию — вот та ширма, которой само население, а иногда и просвет-работники деревни огораживаются от огромной работы над бытом, работы — борьбы, забывая, что новые формы быта не придут сами, что даже, когда почва для них создана хозяйственными отношениями, они должны пройти через сознание населения, и даже больше того, не замечая, что в целом ряде случаев именно новые экономические условия властно требуют изменения форм быта, замены прежнего крестьянина гражданином с гораздо более высоким уровнем потребностей, точно так же, как условия современного политического строя рассчитывают на гражданина, сознающего свои интересы и активно пользующегося своими правами.

Вот эти-то соображения и создали у нас желание поделиться нашими далеко еще не исчерпывающими материалами, рисующими некоторые из сторон быта современной деревни, попытаться на отдельных взятых моментах показать, что далеко не одни экономические отношения и в частности материальные условия являются препятствием для создания иных условий — жизни деревни.

Думается, что ознакомление с таким материалом может сослужить службу всякому культурному работнику деревни, ибо покажет ему, что первым условием успешности культурно-просветительной работы в деревне является внимательное изучение сложного организма человеческого общества со всеми переплетающимися в нем наслоениями, что только понимание настроений, интересов и нужд этой среды подскажет правильный подход к поднятию культурного уровня деревни и удовлетворению ее истинных нужд.

Таким образом, еще и еще раз научно-исследовательская работа краеведа становится необходимой предпосылкой одной из актуальнейших задач современности.

Итак, что же дает нам изучение быта деревни.

Оговорюсь еще раз, что в задачи доклада абсолютно не входит исчерпывающее ознакомление с картиной быта современной деревни, но только лишь анализ некоторых элементов. Из области материальной обстановки останавлюсь прежде всего на жилище.

Конечно, деревня даже в рамках одного уезда не представляет собою чего-либо совершенно однородного: даже в границах уезда могут быть намечены свои географические районы, объединяемые какими-нибудь общими особенностями; разные в хозяйственном смысле слои деревни имеют свои отличия.

Все данные, которые я буду приводить в докладе, будут характеризовать типичную для уезда полосу „равновесия“ между сельским хозяйством и промыслом, причем я постараюсь в каждом из затрагиваемых явлений отмечать тип и отклонения от него, т.-е. минимум и максимум достижений современности.

Таким минимумом в области жилища для нашего населения является курная изба, бытующая в Воскресенском у. в качестве „пережитка“ до наших дней.

Обстоятельства ее бытования не оставляют сомнений в том, что она доживает свои дни; в количестве не более 10 она гнездится в районе уезда мало промысловом, далеко от железной дороги и шоссе; в большинстве случаев эта постройка до 1900 г., находящаяся ныне во владении лиц, не могущих заменить ее ничем другим; безземельная старуха, одинокая вдова, вековуша, пастух, в одном лишь случае—сапожник с семьей.

Общее мнение населения считает курную избу более дешевой (не нужно кирпича на трубу) и экономной (больше тепла остается в избе), но грязной и душной. В остальных районах уезда она сменилась белой избой в период 1860—1880 годов, задержавшись лишь в районе горшечного промысла до 1900-х г. (последняя в 1922 г.).

Жилищем типичным для нашего района следует считать бревенчатую избу 8×8 арш., высотой $3\frac{1}{2}$ аршина; с тремя окнами по фасаду и одним в боковой стене; с прирубленными сенями (мост) и непосредственно примыкающим к ним крытым двором для скота. Изба эта строится без подклети на высоких столбах, или пнях, по углам, между которыми идет стоячий „подбор“.

Под избой обычно вырывается „подпол“—прямоугольная яма аршина в $1\frac{1}{2}$ глубиной (для ссыпания картофеля); подпол имеет отдушины „продухи“ в подборе, кот. на зиму тщательно замазываются, весь подбор обычно приваливается землей, а иногда еще и стены окутываются соломой—изба „запилеживается“. Пол в избах досчатый, часто настланный прямо на переводы. Внутри избы значительную часть пространства занимает русская печь ($4 \times 3 \times 2$). Пространство между печью и передней стеной забирается досчатой „переборкой“ не доверху с прорезом для двери и образует кухню, носящую название „чулана“. Остающееся между печью и задней стеной пространство тоже забирается досками и образует „запечек“ или „заулок“. Дверь в избе—одна, в середине задней стены, ведущая на мост. Таким образом, площадь пола дает в среднем 52 кв. арш., кубатура 182 куб. арш., световая поверхность 3 кв. арш., или на человека приходится площади 8,6 кв. арш., или 0,95 кв. саж., воздуху 30 куб. арш., или 1,1 к. с. а соотношение световой поверхности и поверхности пола 1 : 14. Форточек в 90% изб не имеется и единственной вентиляцией служит топка русской печи. Обогревается изба русской печью, топящейся один раз в сутки—с утра; а зимой обязательно устанавливается небольшая железная (или складывается временная кирпичная) печка с подвижными железными трубами; топится она по мере надобности и уже обязательно на ночь. Таковы типичные жилищные условия Воскресенской деревни. Характерно отношение самого населения к своему жилищу: даже при такой убогости жилища в него вложена большая часть капиталов крестьянского хозяйства, и первое движение поднимающегося хозяйства направлено в сторону расширения жилища. Показательны в этом отношении попытки наиболее зажиточных и сознательных слоев по иному расположить свой дом; „застрельщиками“ в этом отношении являются обычно граждане, пожившие в городе, или даже побывшие в чужих краях (Москва, Ленинград, Австрия, Германия).

В первую очередь, конечно, идет общее увеличение площади, что достигается увеличением размеров (10×12), устройством пятистенки или в худшем случае прируба.

Увеличивается световая поверхность не только абсолютно, но и относительно, попутно с этим идет стремление разделить внутренность избы на отдельные помещения, каждое со своим назначением. В первую очередь выделяется „кухня“, в противовес „чистой половине“, реже выделяется из чистой половины спальня, при чем ей отводится обычно лишь $\frac{1}{4}$ чистой половины.

Если господствующие размеры избы являются тем пределом вложения капиталов в постройку, которого не может перешагнуть в массе наше крестьянство, то внутреннее размещение, использование помещения, конечно, отражает культурные навыки населения.

Прежде всего здесь следует отметить сохраняющуюся еще живучесть традиции. Так, например, обращение устья печи к фасаду, чем предопределяется расположение „чулана“ и, следовательно, необходимость разносить всю грязь, неизбежно сопровождающую возню у печки—где готовится пойло и резка скоту, чистятся овощи, выгребается уголь и т. п.—по всей избе, такое расположение, характерное для традиции великорусской избы, не находит себе рационального объяснения и при соответствующей инициативе вполне могло быть изменено, что и делают уже хозяева „затейники“, „самостоятельные“, не останавливающиеся на привычном объяснении у нас все так строят“, „нам и ни к чему“.

Вопрос о вентиляции избы, конечно, очень сложен: ценят в избе прежде всего тепло—и это понятно. Намерзнув за день где-нибудь в лесу за дровами, иззябши в дороге (обычное зимнее дело—подвозка грузов), хозяин прежде всего хочет отогреться; одежда семьи и, главным образом, детей такова, что теплая изба необходима (ребята в избе босиком всю зиму в ситцевых платьях); в погоне за этим теплом тщательно закупориваются все щели; прорезать сознательно форточку кажется совершенной бессмыслицей—„и так холодно“. И действительно—что значит форточка, когда изба, одна общая изба, зимой единственное теплое место и где следовательно сушатся детские мокрые подстилки, валенки и портянки взрослых, стоит лохань с помоями, в весенние месяцы обязательно недели 3—4 живут то теленок, то ягненок, то поросенок; а у кустика к тому же сохнет лес, а у кожевника—киснет в тесте овчина.

Очевидно здесь перед нами случай, когда и материальные условия и традиция и понимание „полезности“ сплетаются в один противодействующий клубок. Однако в распутывании его и культурной работе принадлежит не последнее место.

Гораздо больше возможности в этом отношении представляет материальная обстановка внутри избы и весь повседневный жизненный обиход. Типичная обстановка избы состоит из стола, неизменно стоящего в переднем углу под иконами, двух скамеек (а кое-где еще лавок) вдоль стен, образующих этот угол, обычно одной самодельной деревянной кровати, лубяной люльки на оцепе—если в семье есть ребенок до 2-х лет, небольшого шкафчика для посуды, вделанного в перегородку чулана, деревянной скамьи и полки в чулане, нескольких табуретов или коротких переносимых скамеек; часы и дешевое, косящее зеркало почти неизменное украшение стен.

Следующим „этапом“ являются: стулья, комод, увеличение числа столов и кроватей—появление кроватей металлических.

Набор посуды чрезвычайно однообразен: для приготовления пищи служат не политые чугуны от 2-х ведерного до $\frac{1}{4}$ ведерного (4—5 штук); глиняные горшки (2—3 шт.); кринки для молока (10—12 шт.); чугунная сковорода на трех высоких ножках (1) для

картофеля; хлеба „творят“ в деревянной (бондарной работы) квашенке, помои сливают в деревянные лохани (окаренки). Самовар (нередко 2) обязательная принадлежность каждого хозяйства. Едят:—щи из „блюда“, т. е. эмалированной или алюминиевой миски, картофель со сковороды; пьют из стаканов и чашек, ложек имеют обычно по числу членов семьи, вилок и ножей значительно меньше. Непременными принадлежностями домашнего обихода являются:—2 ведра для носки воды, „бадейка“ для лошади, деревянное корыто для стирки, почти всегда жестяная полденка для доения. Особые корчаги применяются при варке пива.

Одежда составляется из белья, платья и верхней одежды. Белье мужское шьется обычно из бязи и цветного ситца в количестве 3—4 перемен; женское из миткаля, а у пожилых женщин из домотканной холстины, при чем число рубах колеблется от 6—12; нижних юбок 4—6; детское белье из ситца не более 2-х перемен. Что касается платьев, то прежде всего все платье (так же как и верхняя одежда) разделяется на праздничное и будничное. Праздничное накапливается постепенно, держится в „сельнике“ и вынимается только к празднику. Будничное шьется из расчета на 2—3 перемены и носится до полного износу. Покрой платьев пожилых женщин кое-где носят следы старины (казак и даже сарафанчики, шубка), но в общем преобладают городские покрой. Верхней одеждой служат:—„пиджак“ на вате и овчинная шуба или полушубок. Женский „рубчиковый сачок“ и такой же полушубок в дорогу тулуп или халат. Обувь будничная: сапоги холодные у мужчин, яловочные полусапожки у женщин, валенки зимой; нередкость увидеть рваные валенки летом на пахоте. Праздничная обувь—штиблеты с галошами у мужчин, гетры, румынки и проч. виды башмаков у женщин.

Совершенно особо следует остановиться на одежде молодежи. С 14—15 лет парень, а особенно девушка начинают требовать „справы“, „сряды“ т. е. нарядов так, чтобы получая по обнове к каждому празднику (Пасха, Рождество, Троица, местный приходский праздник), к 18—20 годам (к свадьбе) накопить примерно следующий средний ассортимент:

Для парня. Белья нижнего смен 4; Рубах верхних 6; Брюк суконных 2 пары; Брюк бумажных 2 пары; Френч суконный 1; Пиджак суконный 1; Пальто осеннее 1; Шуба суконная 1; Сапоги холодные 1; Штиблеты с галошами 1; Кубанка зимняя 1; Фуражка 1; для девицы. Рубах миткалевых 10—12; Нижних юбок 5; Платьев 15—25; Пальто летнее шерстяное 1; Пальто осеннее суконное 1; Рубчиковый сачок 1; Шуба суконная на меху 1; Шуба овчинная 1; Шалей вязаных 3—4; Шаль покрывальная 1; Румынки 1; Гетры 1; Ботинки (туфли) 1; Ботинки зимние 1; Полсапожки 1.

В число девичьей сряды входят и постельные принадлежности, а также и „столовое белье“:

Полотенец 10—15; Скатертей 3—4; Постельник 1; Одеяла 2; Подушек 4 Простыни 2—4; Занавес к кровати 1; Полог 1.

Уже в перечислении всех этих предметов обстановки встает и картина повседневного обихода.

На ночь семья размещается так: хозяйева на постели вместе с ребенком 2—3 лет; грудной ребенок в люльке (притягиваемой на оцепе к самой кровати); старики на печке; часть ребят иногда на нарах, устроенных в заулке, в непосредственном соседстве с содержимыми в этом же заулке под нарами теленком или поросенком. Молодежь обычно—на полу.

Летом семья расселяется—кто идет спать в сельник, большинство же перемещается на мост, на особую широкую кровать наглухо укрытую от мух плотным домотканым пологом.

„Постель“ представляет собою „постельник“, т. е. мешок из домотканного холста или плотного тика, набитый соломой и покрытый „дерюжкой“—домотканными сшитыми дорожками; употребление простынь является совершенным исключением (простыней с подзорами покрывается кровать на день); укрываются „ватными“ стеганными одеялами из ситца с проложенной бумажной ватой или льняными оческами (хлопком). Одеяла обычно делаются по числу мест для сна, при нехватке одеял укрываются верхней одеждой. Под головы кладут перьевые подушки в ситцевых наволочках, сменяемых 1—2 раза в год. На день постели с полу убираются—подушки и одеяла кладутся на кровать, на печь, а постельник засовывается под кровать или под лавку. Выносить его на мост избегают, чтобы он не очень охладился.

Спят разное—раздеваясь до белья и прямо в платье (особенно девушки). Умываются утром над лоханью, поливая себе из ковша или набирая в рот и изо рта поливая на руки. Утираются общим полотенцем, моются обычно 1 раз в месяц в печке:—истопивши с утра русскую печь пожарче, к вечеру настилают в нее соломы, лезут туда по очереди, „мылятся“ и „хлещутся“ веником, а затем вылезши—обмываются в корыте; любители бегают окачиваться холодной водой на мост (в любую погоду). Летом в печку не лезят, а моются в корыте, молодежь же и зимой обычно моется только в корыте. Белье сменяют 2—3 раза в месяц (девушки, женщины, мужчины). Пол моется в большинстве случаев каждую субботу. Вся изба моется 1 раз к Пасхе. Белье стирают после смены; стирают мылом и щелоком, но не кипятят, а только парят „в вольном духу“. Едят из общего блюда, посуду моют после каждой еды.

Этот повседневный обиход, конечно, включает в себе ряд моментов, свидетельствующих об уровне культурных привычек нашего населения. Нарботавшись за день человек к вечеру валится спать, засыпая в любой позе и обстановке. Мысль о том, что те же часы сна принесли бы больший отдых телу на чистой отдельной постели, приходит в голову лишь в форме мечтательных рассказов о городе, где мягко спать и успокаиваются на утверждении: „где уж нам так“.

Место, которое занимает постельное белье в приданом невесты, обнаруживает преграду вовсе не материального характера (при 15 минимум платьях—3 простыни), а тот удельный вес, который имеют эти невидные, употребляющиеся ночью простыни сравнительно с платьями, одеваемыми „на люди“ и определяющими красоту и привлекательность невесты.

При всем внимании к тяжелым материальным условиям деревни приходится констатировать, что далеко не все черты ее убогого быта вызываются материальной нуждой. И в том же вопросе об условиях сна характерным является, что в первую очередь при разросшихся возможностях заводятся „городские“ стулья, комод, даже трюмо, а потом уже вторая кровать, при чем на этом дело и останавливается, независимо от размеров семьи. Характерен и такой пример: в подавляющем большинстве домов имеется рукомоЙник, висит он на мосту или во дворе и употребляется летом. Зимой же почти ни одна семья не вносит его в избу, умываясь из ковша или изо рта над лоханью. Насколько чужды еще населению примитивные требования чистоты, можно судить из следующего небольшого эпизода. Мать говорит о девочке 8 лет, начавшей ходить в школу: „уж вот моется, моется и за ушами все промывает, инда наплещет всюду,—уж я ее намеднись ругала. Ну, а по воскресеньям уж

не моется“. Что же так? „Да ведь в школу не итти“.—Итак—чистое лицо и уши нужны школе, учительнице.

Такая нетребовательность к повседневной обстановке уживается однако с твердыми неписанными законами, категорически устанавливающими необходимые принадлежности „порядочной“ семьи особенно в области костюма.

В праздник деревня совершенно преобразуется: меховые шубы и шапки, ботинки и галоши (не узнаешь знакомых лиц) как бы испускают будничную убогость. И этот облик от праздника до праздника; „у нас носится лежамши“, т. е. изнашивается лежа; Это стремление оказаться в праздник „не хуже городских“ особенно среди девиц, ценящих даже не столько качество платья, как новизну фасона, его близость к „последнему крику“ городской моды—является прямым отражением отношения к городу; „городские дармоеды, бездельники“, но высший идеал обихода—быть „как городские“, („чисто ходить“).

Если вполне понятно, что деревня в эволюции своих отношений (как экономических, так и бытовых) идет за городом, перенимая главным образом формы индивидуализированного, буржуазного быта, то стоит призадуматься над тем, что берет она прежде всего их чисто внешнюю, показную сторону, что, конечно, быстро вызывает разочарование более сознательной части крестьянства.

Из области духовной культуры я остановлюсь также лишь на нескольких отдельных моментах, хотя бы на семейных отношениях взаимоотношениях и развлечениях молодежи.

Современная крестьянская семья представляет собою в подавляющем большинстве семью одной пары. Воспоминания о большой „неразделенной“ семье накрепко спаяны с представлением о „злой доле“ не только женщины - снохи, но и женатого сына, вполне подчиненного указке отца. Современное законодательство дает простор этому назревшему стремлению быть „самому хозяином“, и семьи быстро дробятся, иногда даже в ущерб материальной мощи хозяйства. „Хозяином“ в семье считается ее главный „добытчик“, но при этом принимается во внимание и организационное руководство; так при зарабатывающих детях - подростках хозяином считается отец, хотя бы инвалид.

„Принятый в дом“ (т.-е. муж, вошедший в семью жены) становится на положение сына при „самостоятельном“ тесте и выдвигается на роль хозяина, если в доме хозяйствовала одна теща.

Таким образом можно констатировать, что патриархальная идея старшинства уступила место буржуазному толкованию, при котором роль хозяина достается тому, чей труд является основным источником существования семьи. Однако это понимание не распространяется на женщину. Несущие на себе не менее 75% всех работ по хозяйству, женщины все же в большинстве случаев остаются на положении подчиненных членов семьи. Подчиненность эта имеет совершенно конкретное содержание: без согласия мужа жена не может распорядиться ни имуществом, ни распорядком работ, ни даже своим временем, „не пускает на собрания“ столь же частое явление, как „не велит продать“.

Ярко выраженное в семьях, сложившихся до революции, это начало как-будто не так незыблемо в молодых; однако и здесь оно скрыто до первого конфликта, когда таившаяся под личной „равноправия“ власть хозяина встает в прежней силе. Случаи, когда жена по индивидуальному складу характера оказывается тверже мужа, служат предметом постоянных насмешек и пересудов.

Отношение к детям определяется двумя моментами: стремление к продолжению рода (не в фигуральном, а в буквальном смысле) очень крепко в крестьянской среде — и это понятно; это не отвлеченная идея какой-либо вымирающей дворянской семьи, а насущная необходимость; — стар стал — кто же станет работать, а в деревне уже понятно, кто не поработает, тот и не поест. Это конкретная необходимость иметь преемника в хозяйстве, который прокормил бы на старости, ведет к тому, что при отсутствии сыновей „берут в дом“, при отсутствии детей принимают воспитанников. Этим моментом определяется в основе и отношение к детям: без детей „не ладно“, дети должны быть. Но конкретная обстановка жизни с появлением 6—7, а то и до 10 детей погодков порождает совершенно иное к ним отношение. Первым детям обычно уделяется больше внимания, ими гордятся, забавляются, следующие ощутимо отягощают жизнь, а шумная требовательная ватага в 7—8 ртов (именно прежде всего ртов, которые нужно накормить) уже буквально изнуряет мать, и создается атмосфера постоянного раздражения истомленной, недосыпающей, замученной женщины; шлепки и колотушки щедро летят на правого и неправого, а эпитеты — „у проклятые“, „черти ротастые“ не сходят с уст. „Сколько у вас детей“? „Слава богу трое; было семь, да четверых господь прибрал“, и это рядом с тоской бездетной семьи и любовным вниманием к детям, где их один—два.

Думается, что и в этом сложнейшем вопросе расширение духовного мира женщины сыграло бы не последнюю роль. Каков идеал семьи в воспитании ребенка? Владенье „рукомерлом“ и послушание. Первое вполне объясняется условиями хозяйственной жизни нашего района, где каждый крестьянин тогда лишь сводит концы с концами, когда, кроме земли, владеет каким-нибудь промыслом; второе — явная реакция на нравы современной молодежи. Современная молодежь в семье — истинное государство в государстве: ее критикуют, бранят, но прежде всего боятся, „теперь их власть — не поучишь“.

Очевидно, контрастность перехода от живого еще в памяти повиновения родителям, когда „улыбнуться не смели при отце“, к полному отрицанию авторитета старших, даже больше, к полному отсутствию каких бы то ни было сдерживающих начал — рождает этот вопль об „устрашении“ ребят. Сказывается это и на отношении к школе; „школа бы ничего, да ведь они и там никого не боятся“. Чего бы лучше казалось — „никого не боятся“ — это ли не идеал гражданина, откинувшего рабское чувство страха. Однако, когда это чувство внешнего подчинения не заменяется внутренними сдержками развитого сознания или культурных привычек мы имеем именно ту картину, которую дает сейчас подросток в деревне: ловкий, маленький хищник, живой, смысленный, озорной, бесцельно тратящий свою энергию на хулиганские выходки (колодцы, заваленные дохлыми кошками), отовсюду изгоняемый (его не пускают в избу-читальню), разворачивающийся во всю на улице. Рамки только школьных занятий не могут поглотить всю его энергию, и организация подростка вне школы стоит в виде насущнейшей задачи и школы и культурных организаций деревни.

Отношения семьи к молодежи и обратно строятся в основе на чисто хозяйственных соображениях: родители должны женить (или выдать замуж), т.-е. подготовить необходимый хозяйственный фундамент будущей новой семье, а до тех пор надо работать на семью. Вот эта то основа расцветивается так или иначе в зависи-

мости от индивидуальных особенностей обеих сторон. Особую категорию составляют конфликты сознательной молодежи с родителями, не разделяющими их настроений, но они очень редко приводят к разрушению семьи: отцы довольно добродушно утешаются „комсомольцы вы—пока на отцовских лепешках“, а дети отмахиваются „ладно, это у вас в старом режиме так было“. Обострение отношений родителей и подрастающих детей происходит часто на почве тех новых взаимоотношений, которые существуют между молодежью, причем в основе тут лежит опять-таки страх материального урона—алимент.

Основным содержанием этих отношений и центром, вокруг которого вертятся интересы подавляющего большинства молодежи, является так называемая „гуляба“ или гулянье. Она заключается в том, что парень или девушка с известного возраста (15—18 л.) войдя в круг женихов (или невест) начинает принимать участие в посиделках (беседах, вечеринках) и других развлечениях молодежи. Интересно отметить, что вступление в этот круг для девушки определяется моментом, когда ее впервые „посадят гостить“ на девишнике, этим самым признав ее „невестой“, при этом не один возраст является определяющим моментом: наличие „девок“ в селе вот основной фактор; если девок много—возраст повышается до 18 лет, если их мало, гулять начинают с 15—16 лет. Итак, девушка котируется на бирже невест и получает цену в зависимости от предложения на рынке того же товара.

Формами современного гулянья является в летнее время гулянье с гармонией по улице деревни, а в зимнее время—посиделки (беседы, вечеринки). С окончанием полевых работ, т.-е. примерно с конца сентября, девушки деревни снимают в складчину избу какой-нибудь одинокой женщины и начинают ежедневно собираться там по вечерам—туда же приходят парни. Если изба не снимается постоянно, то вечеринки устраиваются по очереди в домах, где есть девушки. Но этот способ считается хуже и молодежью и особенно взрослым населением. На вечеринке не раздеваются, изба бывает набита битком, центром является гармонист, под его наигрывание пляшут, поют, играют в игры (пантики, колечко, три лица).

„Неписанная“ часть действия происходит в темных сенях, на крыльце. Так гуляют до 2—3 час. ночи, затем расходятся по домам. О содержании этого гулянья достаточно ясно и красочно говорят творимые частушки, или как их называют у нас „прибаутки“.

Ой, мать моя мать
А я твоя дочка
Не пускала бы гулять
Не было б сыночка.

Если б не было луны
Не было бы солнца
Не гулял бы по ночам
Не платил червонца.

Первое дело в гуляньи—иметь пару.

У меня в кармане роза
Роза непомятая

Я молоденька девчонка
Никем не занятая.

Какие же качества ценятся при выборе пары?

У меня в кармане роза
Роза трех-сортовая
Я девченка некрасивая
Но зато фортовая.

Две березки—не лесок
Ухожор мой не высок
Не высок, подбористый,
Красивый, разговористый.

Сошью кофту по моде
И застежку на боку
На лицо я некрасива
Разговором завлеку.

Не хочу я чаю пить
Из худого чайника
А хочу я полюбить
Милиции начальника.

Отношения, возникающие в этих вечеринках, несомненно рожают много тревог и волнений или как их называют — страдания.

Если б не было воды —

Не было бы моря.

Если бы не было любви

Не было бы горя.

Если б не было весны

Не было б свиданья

Если б не было любви

Не было б страдания.

Ты кому милой поверил

Ты подружке моей злой.

Ей давно того хотелось

Не гулял бы ты со мной.

Ты подружка моя Лена

Я скажу — не поперечь

Отобью твою миленка

И тебе не устеречь.

Раньше нравился мне миленок,

И страдала по нем я

А теперь — что случилось

Не глядели бы глаза.

Ты подружка моя Нюша

Давай подружимся

Ты с моим, а я с твоим

Давай вечер постоим.

Милый мой у нас с тобой

Любовь тесемкой связана.

Без тебя мой дорогой

Троним было отказано.

Не ходи я не желаю

Не скажу, что посиди

Ты не толь нашей деревни

Нашим полем не ходи.

Что ты миленький наделал

В лесу уточку убил

Заразил мое сердечко

Сам другую полюбил.

Зазвонили в колкола

Милый мой венчается

Дай подружки сонных капель

Жизнь моя кончается.

Ухажоров очень много

Ухажоры лобуда,

А я вырою канаву

Ухажоров всех туда.

Ко мне милый не подходит,

А я им не дорожу

Я такими ухажорами

Изгородки горожу.

Пойду в сад в самый зад

Наломаю перцу

Я гулять с тобой не буду

Ты мне не по сердцу.

Говорят — платки горят

Коймы остаются,

А паршивые мальчишки

Тоже задаются.

Милый Вася — я не ваша

Милый Шура — не твоя

Кто сидит со мной напротив

Тот симпатия моя.

Страдающим элементом чаще всего является девушка.

Подойдет милой — обнимет.

Отойдет — на смех поднимет.

Таковыми переживаниями полна молодежь. Опыт административного запрещения избушек, после чего они развились с небывалой силой, показал, что загнанные в чисто внешние рамки эти настроения только разрастаются. Ясно, что нужна огромная культурная работа, чтобы не закрыть посиделки, а наполнить их новым содержанием.

Намеренно коснувшись главным образом тех сторон быта, в которых сказывается культурная бедность нашей деревни, я хотела бы несколько остановиться и на явлениях, которые принято в современном обиходе называть новым бытом. К таким явлениям относятся обычно все то, что отличает деревню пореволюционную от деревни до 1914 г., объединяя, таким образом, в понятие „новый быт“ довольно разнородные элементы быта чисто буржуазного (ибо он действительно во многих чертах нов для деревни) и те немногочисленные черточки общественной жизни, в которых можно видеть предвестников иного, социалистического строя. В разряд этих явлений попадают: повышение грамотности, распространение газеты и книги, рост культурных организаций, участие населения в общественной жизни, наконец, смена „мировоззрений“.

Все эти явления имеют, конечно, место и в деревне Воскресенского уезда, но отношение к ним культпросветработника по существу должно строиться на том же принципе: узнать, чтобы затем действовать на основе этого знания. Все перечисленные явления

требуют такого же активного внимания со стороны культурных работников, как и затронутые мною в первую очередь стороны быта, насыщенные еще пережитками, ибо и эти новые явления сложны и в своем содержании раскрывают иногда неожиданные сплетения нового со старым. Рассмотрим для примера вопрос о грамотности.

Нет сомнения в том, что грамотность населения значительно увеличилась. Идем ли мы однако к полной ликвидации неграмотности путем лишь развертывания сети ликпунктов? Весь вопрос в том, что кадр безграмотных не представляет собою некоторой суммы, которая движется только в сторону убывания.

Наблюдения над жизнью деревни обнаруживают, что ежегодно около 18% детей школьного возраста остается вне школы, а следовательно и неграмотными: кроме того, жизнь деревни сейчас складывается так, что в ней слишком мало места отводится книге и нередко случаи, когда окончившие школу (особенно девочки) в течение 4—5 лет ни разу не брали в руки книги. Большой вопрос, можно ли считать их грамотными? Это стоит, конечно, в непосредственной связи с деятельностью культурных организаций деревни. Наличие избы читальни, и библиотеки, далеко не гарантирует еще вовлечения населения в круг культурных интересов; необходимо отметить, что в этом отношении мы сейчас переживаем исключительно трудный момент: отпугнутое от рядовой избы-читальни, однородностью, а главное чуждостью того материала, который она предлагает и его формой, население все безучастнее относится к ее существованию—отсюда такие явления: пустая изба-читальня и рядом битком набитая чайная с шумными дебатами на разнообразнейшие темы; или же обратный случай: изба-читальня полная молодежью—но только плакаты по стенам дают знать, что это изба-читальня, а не изба, снятая для обычных посиделок. Вопрос чрезвычайно сложен, я очень далека от желания со стороны покритиковать, но я твердо уверена, что только внимательное изучение действительных интересов населения сдвинет этот вопрос.

Подтверждением этому могут служить факты, когда та же изба-читальня, руководимая культурным работником из крестьян своей же деревни становится действительным центром культжизни села.

Не буду останавливаться дальше на других явлениях того же порядка — вывод один: не с готовым рецептом прививки определенного ассортимента понятий и настроений должен идти в деревню просвещенец, а с чутким вниманием к живому человеку и обществу, чтобы, уловив живущие представления, от них перейти к новым.

Мне хотелось бы в заключение еще раз подчеркнуть, что вопрос этот далеко не носит характера академического спора о методах работы; имея в практике целый ряд доказательств „от противного“, он становится тем более актуальным, что ощущается уже самой деревней, ее передовой частью. Крестьянин, побывавший на фронтах, несший выборные должности в армии, введший уже в свой обиход газету и книгу, как постоянного спутника, вернувшись в деревню полный жажды зажить по другому, в своей же родной семье упирается в стену еще неразвезанного мрака и убожества.

Комсомолец, вступивший в организацию и со всем задором юности готовый перестроить окружающую жизнь, теряется в окружающей среде, не найдя, что конкретно противопоставить ей.

Если нам, сведенные в одно, черты быта деревни кажутся мрачной картиной, то не менее тяжело осознаются они и сознательной частью населения.

И в этом смысле указанный нами путь через изучение существующего ценен еще тем, что обеспечивает дружную совместную работу с живыми и бодрыми силами самой деревни.

Е. Радченко.

Крестьянское жилище в подмосковной деревне.

(Дер. Ватутино, Московского у.).

В течение февраля—марта 1927 года я устроил при содействии Лосиноостровской Опытной базы с моими слушателями—студентами этнологического факультета I М.Г.У. несколько экскурсий в д. Ватутино, Московского у. для изучения крестьянского жилища.

В своей работе мы ставили себе две задачи: первая, ознакомиться с тем, насколько крестьянское жилище отвечает элементарным требованиям санитарии и гигиены. Вторая, установить в данном пункте наличие или отсутствие тех типических черт, которые характеризуют традиционное жилище северного великоросса.

При знакомстве с деревней прежде всего бросается в глаза отсутствие больших солидных построек северного типа. Дома приземистые и небольшие. Площадь пола чаще всего 8×8 или 9×9 . Высота помещения от 3-х до 4 аршин. Пятистенок во всей деревне один. Большинство домов имеют заваленки; под избой устраивается темный подвал для картофеля. Дворы крытые, вплотную примыкающие к избе. Для скота у всех есть утепленные хлевы; у многих с деревянным полом; в последнем случае уборка навоза происходит ежедневно.

Кубатура жилой площади для коренного населения деревни в большинстве домов достаточна. На семью из 4—6-ти лиц приходится в среднем 9—12 кубических сажени воздуха¹⁾. Но кроме коренного населения, в деревне проживает более 150 пришлых рабочих, которые работают на окрестных фабриках. Вместе с ними число душ в избе в среднем достигает 7—8 человек, поэтому в избах душно, тем более, что форточек ни в одном доме нет. В отдельных случаях мы встречаемся с жилищными условиями, напоминающими „Вымирающую деревню“ Шингарева. Так в избе А. А. Матусова ($6,1 \times 5,8$) с общей площадью в 35 кв. аршин, высотой не более $3\frac{1}{8}$ арш. (кубатура $4\frac{1}{7}$ сажени) живет семья в 5 человек и 2 постояльца. На каждого приходится 0,60 куб. саж., т.-е. менее трети санитарной нормы.

Освещение в избах недостаточное. Окна маленькие. Размер оконной рамы максимальный $0,65 \times 0,98$ метра (световая площадь окна 0,92 аршина) минимальный $0,58 \times 0,93$ (световая площадь 0,76 арш.), чаще всего встречается средний размер $0,60 \times 0,97$ (световая площадь 0,84 аршина). Таких окон в избе обычно бывает 4 (31% изб) или 5 (47%). 2—3 окна имеют 6,5%; больше 5-ти окон 15,5%²⁾.

Наименее достаточным оказывается освещение у трехконных изб (световая площадь равна $\frac{1}{26}$ площади пола), а также у пятистенка, 9 окон которого дают всего 7,6 арш. световой площади при 180-ти аршинах площади пола ($\frac{1}{23}$).

В избах с 4 и 5-ю окнами отношение световой площади к площади пола приблизительно равно $\frac{1}{17}$. В избах с 6-тью окнами оно

1) Норма—2 кубических сажени воздуха на человека при условии хорошей вентиляции.

2) По фасаду 67 изб из 78 имеют 3 окна (86%); 1 изба 2 окна (1,3%); 9 изб—4 окна (11,5%) и 1 изба 6 окон (1,3%).

составляет $\frac{1}{14}$. Наконец, в одной избе с 8 окнами световая площадь выше требуемой по норме ($\frac{1}{12}$).

Отопляют все избы русскими печами и небольшими печурками. Русскую печь топят утром, печурку на ночь. В избах, где мы бывали, почти везде было дымно и угарно. Крестьяне объясняют это тем, что лесничество очень поздно отпускает дрова и не разрешает производить заготовку заранее к следующему году. Благодаря этому своеобразному „режиму экономии“ (от которого, как известно, сильно страдают также фабрики, сжигающие сырых дров на 25% больше нормы) приходится топить сырыми дровами, в избах нет тепла, и всегда головы болят от угара.

По обстановке Ватутинская изба сильно отличается от избы какого-нибудь Ленинского уезда. Там стол, неподвижные лавки, конник, полати—вот и все. Здесь почти в каждой избе стулья, диваны, зеркало, шкаф столярной работы, комод, кровати. Однако умывальников в числе предметов обстановки городского фасона мы почти не встречали.

Бань в Ватутине нет. Моются, как почти во всей Московской губ., в печи. Прodelывают это каждую субботу. Как происходит мытье лиц разного возраста и пола, при наличии в семье посторонних квартирантов, я плохо себе представляю. Один из молодых ватутинцев—недавно отбывший военную службу, говорил, что он всегда чувствовал себя неловко и отмалчивался, когда у него на службе спрашивали, как устроена у них в деревне баня.

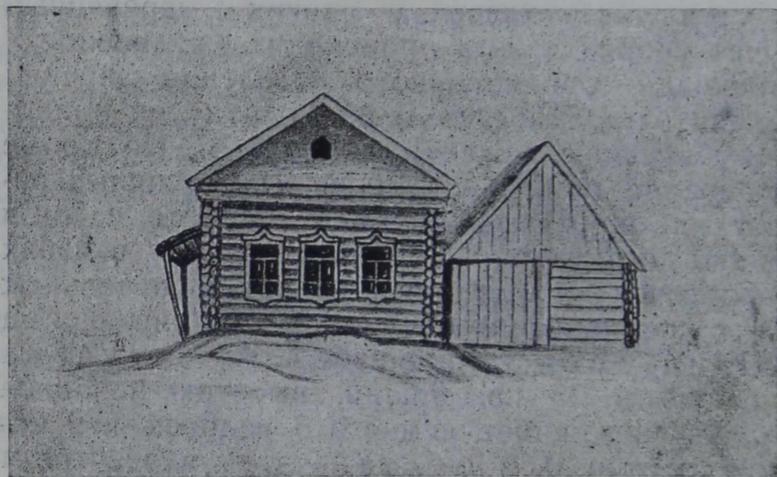

Рис. № 1.

Изба старой постройки ¹⁾.

Переходим к вопросу об эволюции жилища, поскольку можно в рамках одной деревни наблюдать смену старинных форм новообразованиями. Этнологи различают два типа восточно-славянского жилища—южный с земляным полом, без подклета (хата — „Niedhaus“) и северный (изба — „Stockhaus“). Изба в д. Ватутино по некоторым признакам (низ-

кие стены заваленка, отсутствие подклета с ходом снаружи и с оконцем) приближается к южно-великорусской хате. Однако, общий тип северно-великорусский. Крыша двускатная, красный угол не прилегает к двери, двор смежен с избой. Наиболее чисто выражен северно-великорусский тип в немногих избах, построенных в XIX столетии (см. рисунок 1). В них печь глинобитная повернута устьем к окнам фасада (рис. 2) „чулан“ перед печью отделен перегородкой. Перед шестком на высоте человеческого роста жердь для сушки тряпок. Полатей теперь никаких нет, но раньше до перестройки изб были; лавки неподвижные. Крыша дома двускатная. Рядом под двускатной же крышей параллельно избе идет двор (двойная постройка Zweiban

¹⁾ Рисунки сделаны студентом Нечаевым.

по Ramn'у). Пространство между скатами той и другой крыши, защищенное вдоль положенными досками ¹⁾, называется „ендовой“.

Наличники окон очень простой формы без резных украшений (см. рис. 1) по фронтому резьбы тоже нет. Повидимому, изба с двускатной кровлей и двор с ендовой является наиболее чистым типом местной крестьянской постройки. В большинстве случаев эта постройка имеет покоеобразный план, так как в задней части двора имеется поперечный навес.

Дальнейшее изменение идет в таком направлении: покрытие ендовой заменяется покрытием со скатом. Изба с двускатной крышей и двор со скатом представляет второй более новый тип крестьянского жилища (см. рис. 3). В то время, как дворы с ендовой имеют возраст до 40 лет, дворов со скатом старше 1905 года нет в деревне.

Другим новообразованием является замена двускатной кровли трехскатной с фонарем. Д. Зеленин, оперируя материалом по истории украинской хаты, доказывает в своей последней работе *Russische Volkskunde*, что двускатная кровля сравнительно с трехскатной и четырехскатной является новообразованием. Но его аргументация убедительна только по отношению к тому району, к которому относится приводимый им материал, то-есть к Украине.

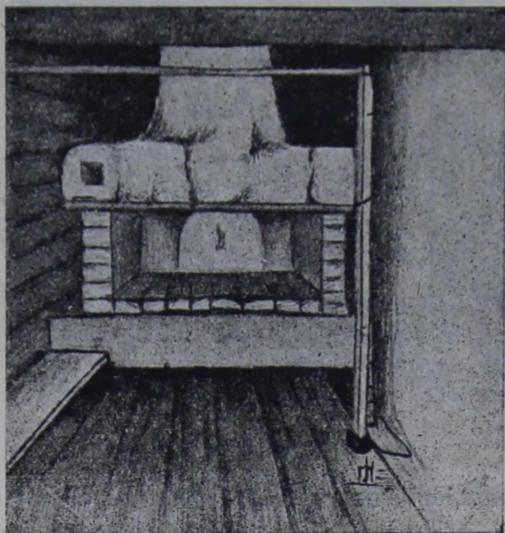

Рис. № 2.
Глинобитная печь в старой избе.

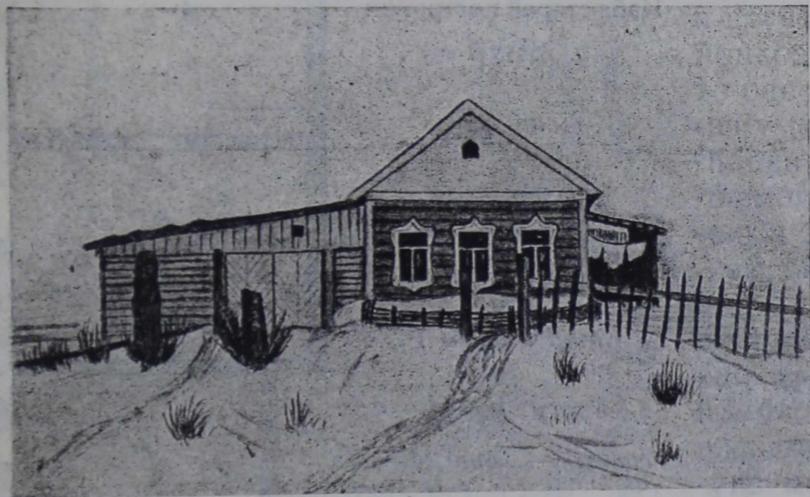

Рис. № 3.
Изба новой постройки (двор со скатом).

В настоящее время избы с 3-х скатной кровлей составляют около 25% всех изб. Одна изба-пятистенок имеет четырехскатную кровлю. Изменяется также способ рубки: старые избы рублены в обло, а новые почти все без исключения в лапу. Крыли раньше тесом, теперь щепой. Кроют со стропилами; более древнее покрытие на самцах в избах не встречается,

но в житницах и сараях такое покрытие преобладает.

Параллельно с изменением внешнего вида жилища изменяется его внутренняя планировка, отделка и меблировка.

В избе А. А. Митусова потолок из сквозных пластин, поддерживаемых одной матицей; бревенчатые стены стесаны топором,

¹⁾ В некоторых дворах оно открыто, только снизу укреплен желоб для стока воды с крыши.

при чем в углах бревна остаются не стесанными и получается закругление. В новых избах (в лапу) бревна вытесаны на всем протяжении, а потолок состоит из коротких досок, поддерживаемых

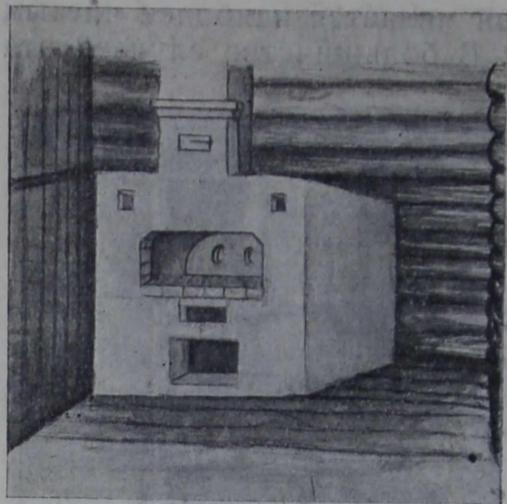

Рис. № 4.

Кирпичная печь в избе новой постройки.

двумя балками („в полубалок“), печь не из глины, а из кирпича. Неподвижных лавок, залавков (для посуды) „грядок“ и „полиц“ (для посуды же) мы даже и в старых избах не нашли. Для сиденья в бедной семье употребляются табуретки и скамейки, в более зажиточных—табуреты и стулья. Стулья—принадлежность обстановки самой большой парадной комнаты, которая именуется „передней“ (не от переднего ли угла, который в ней находится). В избе старой постройки отгорожен только „чулан“ перед печью; (план 1), в новой—несколько комнат.

Первой со входа комнатой в домах новой постройки является обычно кухня („топлюшка“), за ней следует „передняя“, далее идет небольшая спальня („коморка“ или „комната“) (см. план 2). В спальне стоит кровать, бывает иногда вторая кровать в „передней“, если она начинается прямо от входной двери (см. план 3); устраивается приспособление для спанья (вроде нар) за печью.

В избах как старых, так и новых, печь устраивается и вправо и влево от входной двери. Изба с печью вправо от входной двери считается у северных великоруссов „избой-непряхой“. Очевидно, домашнее пряденье давно уже в данной местности потеряло значение. Печь повернута устьем к фасаду только в немногих старых избах. В новых она повернута устьем к боковой стене с окном, а иногда даже к задней стене,—в этом случае хозяйка довольствуется при стряпне боковым освещением. В общем из традиционного облика северно-великорусской избы в Ватутине во всех без исключения крестьянских постройках сохранились следующие признаки: 1) традиционная планировка построек перпендикулярно к улице; поэтому сени за избой и вход в избу через дверь в задней стене; 2) положение красного угла (противолежит печи и не прилегает к двери, см. план деревни).

План № 1.
Изба старой постройки
(кр. Матусова).

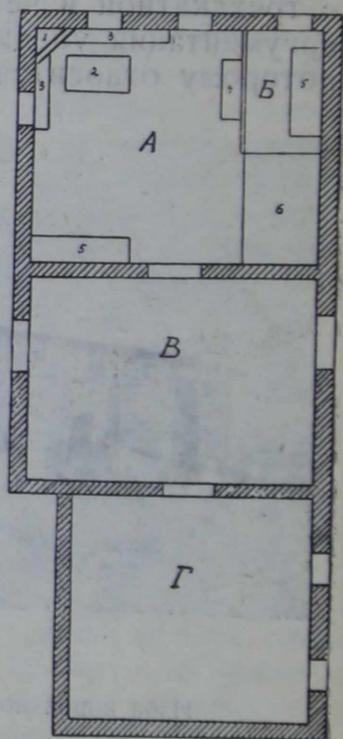
Сени В.

Изба А.

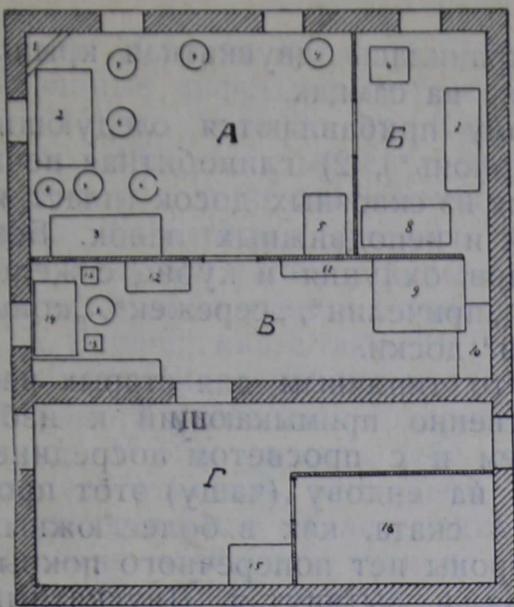
Чулан Б.

Старая изба Г.

1—красн. угол, 2 —
стол, 3—лавки, 4—
шкап, 5—кровать¹⁾.

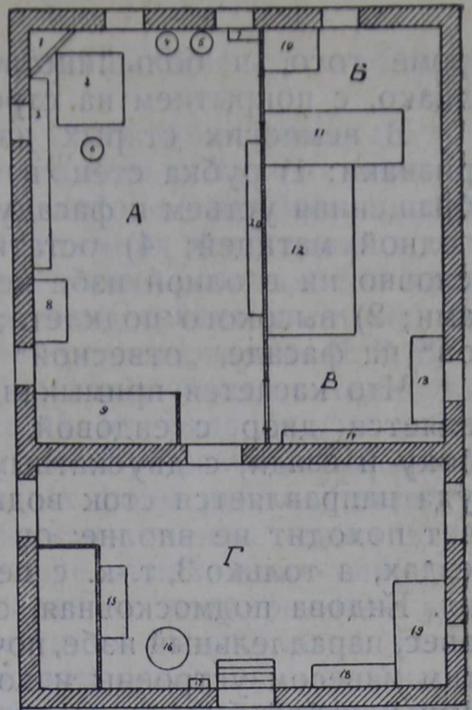
1) Планы домов вычерчены И. Ильинской.

План № 2. Изба новой постройки.

Сени Г. Кухня (топлюшка) В.
Передняя А. Спальня Б.

1—Красн. угол; 2—стол; 3—комод;
4—стулья; 5—шкап, 6—железная
печь; 7, 8—кровати; 9—кух. печь;
10—лежанка; 11—скамья; 12—гол-
ланка; 13—табурет; 16—кладовая.

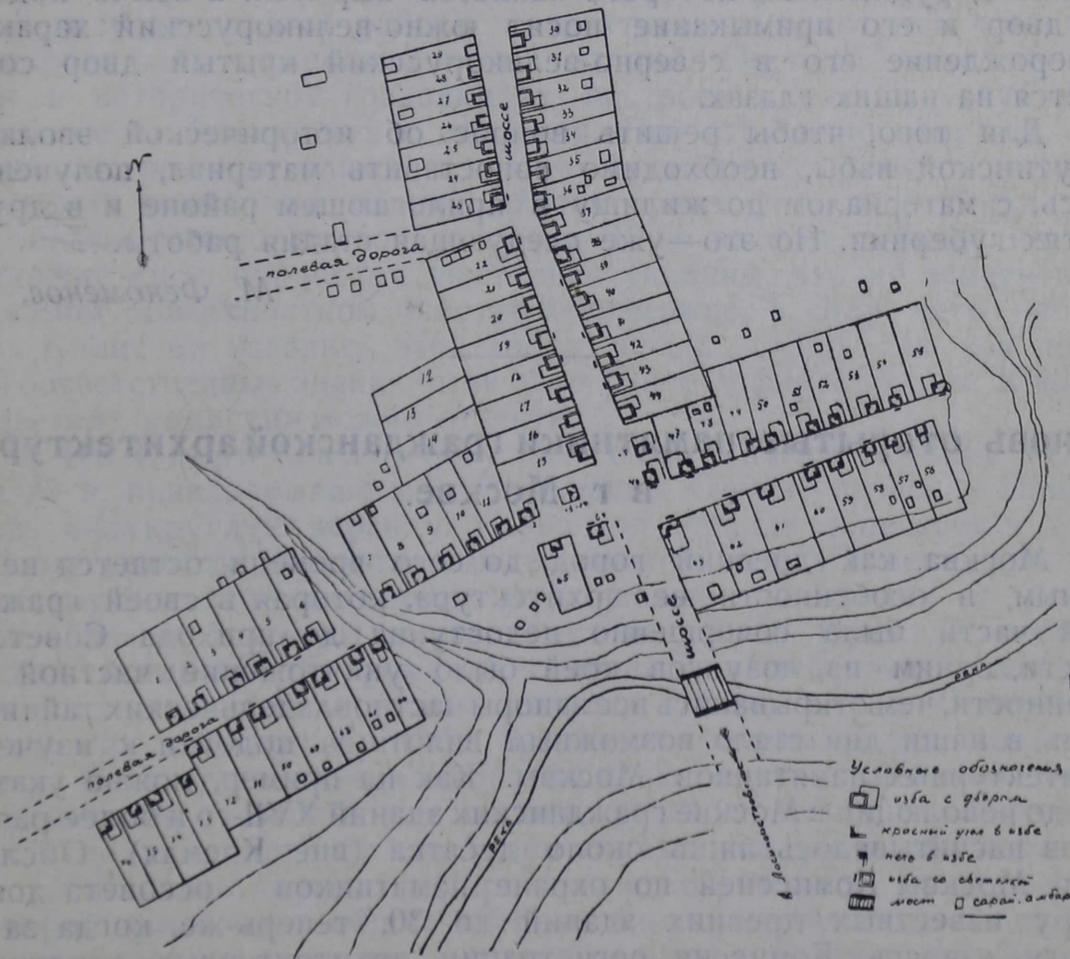

План № 3. Новая изба.

Сени Г. Передняя А. Кухня В.
Спальня Б.

1—красн. угол; 2, 10, 13, 19—
стол; 4, 5, 6—стулья; 7—ящик
с цветами; 8—комод, 11, 9—
кровать; 15—детск. кровать;
12—печь; 14—полки с посудой;
16—бочка; 17—умывальник 18—
шкап; 20—скамья.

План
ДЕРЕВНИ ВАТУТИНО МОСК. ГУБ. И УЕЗДА.

Примечание к плану. В Ватутино наблюдается гнездовое расположение построек: дома, составляющие гнездо, обращены друг к другу дворами и печами. Избы самого старого посада смотрят окнами на ю.-в. Деревня когда-то была в один посад.

Кроме того, в большинстве изб сохранилась двускатная крыша, однако, с покрытием на стропилах, а не на самцах.

В немногих старых избах к этому прибавляются следующие признаки: 1) рубка стен в обло („оболонь“), 2) глинобитная печь обращенная устьем к фасаду; 3) потолок из сквозных досок (пластья) с одной матицей; 4) остатки полатей и неподвижных лавок. Безусловно ни в одной избе нет—1) самцов, охлупня и куриц с желобами; 2) высокого подклета; 3) резных „причелин“, „сережек“, „коньков“ на фасаде, „отвесной“ и „красной“ доски.

Что касается примыкания двора, то типичным для старых изб является двор с ендовой, непосредственно примыкающий к избе сбоку и сзади, с двускатным покрытием и с просветом посредине, куда направляется сток воды. Однако, на ендову (чашу) этот просвет походит не вполне: он имеет не 4 ската, как в более южных уездах, а только 3, т.-к. с передней стороны нет поперечного покрытия. Ендова подмосковная очень узкая и вытянутая. Двускатный навес, параллельный избе, почти вплотную примыкает к последней; под этим навесом устроены и ворота. Говорят, что раньше между воротами и избой бывала дверца (значит расстояние между боковым навесом и избой было шире). Но теперь ни дверцы, ни места для нее нет.

Возникает вопрос, что мы имеем в Ватутине: южно-великорусскую хату, подвергшуюся влиянию северной архитектуры или северно-великорусскую избу, выродившуюся под южными влияниями. Этот вопрос я пока оставляю нерешенным. Для меня бесспорно, что в теперешнем виде это—гибрид: сама изба близка к северно-великорусскому типу, хотя сильно от него отступает (отсутствие подклета, рудиментом которого является вырытый в земле подвал); но двор и его примыкание носит южно-великорусский характер. Перерождение его в северно-великорусский крытый двор совершается на наших глазах.

Для того, чтобы решить вопрос об исторической эволюции Ватутинской избы, необходимо сопоставить материал, полученный здесь, с материалом по жилищу в прилегающем районе и в других частях губернии. Но это—уже следующая стадия работы.

М. Феноменов.

Вновь открытые памятники гражданской архитектуры в г. Москве.

Москва, как древний город, до сего времени остается неизученным, в особенности ее архитектура, которая в своей гражданской части была совершенно недоступна до прихода Советской Власти, одним из лозунгов коей было уничтожение частной собственности, чем открывались все запоры частновладельческих тайников. Лишь в наши дни стало возможным вплотную подойти к изучению архитектурных памятников Москвы. Как на пример, можно указать, что до революции в Москве гражданских зданий XVII-го и более ранних веков насчитывалось лишь около десятка (вне Кремля). Обследование Москвы Комиссией по охране памятников Моссовета довело цифру известных древних зданий до 30, теперь-же, когда за эту работу взялась Комиссия регистрации архитектурных памятников

секции „Старая Москва“ Общества Изучения Московской губернии указанные цифры стали быстро расти.

Несмотря на то, что Комиссия начала свою работу лишь с конца ноября 1926 г., к моменту настоящего сообщения выявлено большое количество либо совершенно неизвестных дотопе памятников, либо таких, по которым имелись лишь предположения и догадки. Столь значительный успех работы является следствием чрезвычайной энергии некоторых членов Комиссии, в особенности секретаря Комиссии К. А. Верещагина, а также И. Г. Филатова и в последнее время И. В. Воблого. Огромная работа проделывалась и другими членами Комиссии, но работа указанных товарищей выделяет их из ряда других работников. Чтобы уяснить себе характер и технику работы Комиссии, следует отметить, что одной из важнейших форм работы является индивидуальное обследование владений каждым членом секции и сообщение всего замеченного на общих заседаниях Комиссии; при этом памятники, возбуждающие общий интерес подвергаются коллективному осмотру и изучению—организуются своего рода экспедиции по затронутым на общем собрании вопросам. Члены комиссии ведут и систематическое обследование распределенных между ними участков Москвы, а результаты этих обследований являются также достоянием общих собраний комиссии. Кроме того, каждый член Комиссии, да собственно и члены всей секции „Старой Москвы“, считают своей обязанностью доводить до сведения Комиссии все сведения о зданиях Москвы, которые еще не опубликованы в литературе и документах учреждений, ведающих охраной памятников. Всякое, хотя бы случайное сообщение и заявление тотчас же проверяется тем, или другим членом секции, а в случае интереса подвергается коллективному осмотру—решением общего собрания секции.

В результате этой работы коллективными осмотрами комиссии обследован ряд нижеописываемых зданий. Порядок описания берется в исторической градации их построения, как бы углубляясь в прошлое от ближайших к нам дней. При этом надо отметить, что здания, построенные ближе к нашему времени, естественно, меньше претерпели искажений своих архитектурных форм и наоборот. Таким образом здания первой половины 19-го века—классические, сохранившие свою обработку, настолько типичны, что не заметить их при самом поверхностном осмотре невозможно, в силу чего наблюдения Комиссии касались этой эпохи весьма слабо, так как почти все соответственные здания были уже ранее зафиксированы. К числу „открытий“ комиссии можно отнести:

1) По Старо-Садскому, б. Космодамианскому пер. в доме № 9, принадлежавшем до Революции О-ву Купеческих Приказчиков—полукруглую веранду. Названная веранда примыкает к дому, бывшему некогда двух-этажным особняком нач. XIX века, а теперь имеющему 3 этажа надстройки и 5 этажей пристройки с боков, таким образом с улицы веранда эта не видна. Прежний особняк зажатый предвоенной громадой сохраняет в себе ряд помещений, в которых сохранились лепные потолки в стиле ампир. Отмеченная веранда представляет из себя как-бы полуцилиндр, прислоненный к дому. Верх этого полуцилиндра по краю обнесен железной кованой решеткой, типичной для первой четверти XIX века, причем по стенкам полуцилиндра от его краев спускаются два марша лестницы один на встречу другому. Марши эти встречаются на площадке, с которой далее идут общие ступени вперед от веранды. На названную площадку из цилиндра выходит полуциркулярная ниша. Ступени

лестниц и площадка отлиты из чугуна и также украшены типичным ампирным орнаментом. Прекрасное впечатление от террасы портится штукатуркой, сделанной из цемента по белому камню. С веранды великолепный вид на ц. Владимира в Садах и б. Ивановский монастырь, с обширным горизонтом раскинувшейся Москвы.

На пятиэтажной пристройке, к названному дому, выходящей в Старосадский пер. имеется мраморная мемориальная доска со следующей надписью: „1906—1926, 25 июня (8/VII) 1906 г. в этом здании открыт 3-й Всероссийский Съезд Торгово-Промышленных служащих. Съезд сделал первую попытку направить движение служащих на путь профессиональной борьбы. Ц. К. Профсоюза Совторгслужащих С. С. С. Р. 8/VII—26 г.“.

2) В том-же Старо-Садском пер. во владении № 5, в глубине двора находится большой двух-этажный каменный особняк с портиком, несущим фронтон. Этот фасад и внутреннее устройство дома сильно искажены позднейшими архитектурными вкусами б. владельцев и потому он представляет собой мало интереса, но со стороны б. сада во втором этаже выходят балконы, имеющие очень интересные чугунные решетки начала XIX века в стиле ампир. В общем это владение представляет собой остатки бывшей большой помещичьей усадьбы с наличием дома, флигелей, различных служб сада и т. д.

3) По ул. Воровского, в д. 31, а по Трубниковскому пер., в д. 29, зарегистрированы очень интересные службы, перевала от XVIII к XIX веку. Это каменное одноэтажное здание, расположенное полукругом в сторону дома. Центральная его часть обработана колоннами. Дом, хотя и дошел до нас от того-же времени, но в 50-х годах XIX-го века сильно переделан и интереса собой не представляет.

4) По 2-му Зачатиевскому пер., дом 11 представляет собой очень интересный дом конца XVIII века. Дом этот стоит на изгибе переулка, в который выходит полукругом с очень типичными для своего времени большими окнами, сохранившими свои старые восьмистекольные рамы.

5) Покровка, 40. В глубине двора сохранился небольшой, в одну палату домик середины XVIII века. Домик этот имеет подвал со сводами, входящий в состав высокого цоколя. Над подвалом небольшая, также сводчатая палата с большим количеством окон со всех сторон, часть которых в настоящее время заложена. Окна домика сохраняют типичные для своего времени наличники. Углы обработаны рустиком. Кровля домика из толстых каменных плит, лежащих непосредственно по своду на забутке. В настоящее время белокаменные плиты крыши заменены бетонными, но той же формы и величины. Для Москвы это весьма редкий памятник.

6) Лужнецкая ул., д. 20, он же по Кузнецкой ул., № 33.

От входа в калитку со стороны Лужнецкой ул. асфальтовая дорожка приводит к двухэтажному жилому дому, стоящему узкой стороной к улице. В этой стороне здания имеется сводчатая палата, крытая сомкнутым сводом. Палата эта сохранила свое маленькое оконце с крещатую решеткой и железной ставней из кованного железа. Палата в настоящее время занимается мастерской слесаря. Под нею вторая палата, служащая погребом; пол в ней земляной. Корридорчик выхода крыт коробовым сводом, а сама палата сомкнутым. Мелкий кирпич, форма сводов, решетка окна позволяют отнести эти части здания к первой половине 18-го века. Остальные же помещения относятся к первой половине XIX века.

7) Лучников пер., быв. Георгиевский, д. 2, против Политехнического Музея. Во дворе еще сохраняются части дома середины XVIII века, которые предназначены к сломке. Это лишь часть здания, т. к. вторая его половина была сломана еще задолго до войны и место ее застроено. Уцелевшая же часть с подвалом, крытым кирпичным сводом, двумя палатами над подвалом, так же сводчатые. По фасаду на углах здания лопатки, а с одной стороны на одном из окон сохранился и наличник простого, но современного постройке здания рисунка.

8) Солянский Проезд, д. № 6. Двух-этажный дом тянется по границе улицы, с внешней стороны—непримечателен, но в средней своей части, около проезда с правой стороны, в помещении, ныне занятом парикмахерской имеется коробовый свод, перекрывающий палату. Обследовать детально этот дом в отношении размеров кирпича и расположения палаты в общей конфигурации всего дома не пришлось.

9) Спиридоновская ул., д. 35. У поворота улицы, сильно выпирая на тротуар стоит 2-х этажный дом. Низ его как-то врос в землю. Углы здания обработаны лопатками. Вход со двора. Весь нижний этаж сохраняет свои своды. Размеры кирпича и характер сводов позволяют отнести это здание к первой половине XVIII века.

10) Большая Ордынка, д. 17. Это обширная усадьба с 2-х этажными постройками первой половины XVIII-го века. Дом стоит в глубине двора, выходя на улицу боковыми крыльями—флигелями. Первый этаж сохранил полностью свои своды. Все постройки сделаны из однородного кирпича и, видимо, одновременной стройки.

11) Большая Ордынка, д. 7. Внутри двора чудом сохранился 2-х этажный домик начала XVIII-го века со всей обработкой своих фасадов Петровского времени. Весь первый этаж сводчатый. Этот замечательный домик являющийся единственным образцом в Москве ранее Петербургской архитектуры, как ни странно, не попал в списки охраняемых зданий г. Москвы. В нижнем этаже ряд палат с сомкнутыми сводами и с решетками в окнах конца XVII века.

12) На той же Б. Ордынке во владении, № 19 в составе первого этажа двух-этажного дома второй половины XVIII века, сохранился ряд палат с коробовыми сводами конца XVII века. Сложены эти палаты из крупного кирпича, в толще стен заложены железные связи выходящие наружу своими анкерами; в 2-х окнах решетки „кубчатые“ и в одном окне решетка прямая.

13) Тверской бульвар, д. 35, почти напротив памятника Пушкину, в первом этаже имеется „пивная Моссельпрома“, которая помещается в одностолбной сводчатой палате, а рядом имеется палата, крытая сомкнутым сводом. Здание детально не обследовано.

14) Старо-Садский, д. 8. Классический фасад 2-х этажного дома с колоннами выходит в переулок. За этот фасад он взят на учет Музейн. п/от. МОНО и отнесен к III-ей категории по 1 группе № 1, а порядк. № 237. (Эта категория снята с охраны постановлением Президиума Моссовета). Комиссия заинтересовалась этим домом со двора дома № 6 в сторону которого дом сохранил окна с „кубчатыми“ решетками и крюки для железных ставень. Стена сложена из очень крупного кирпича, разм. $30 \times 15 \times 8$ сант. Сводов, по словам живущих, в доме не сохранилось. Построение задней части дома, можно отнести к концу 17-го века.

15) Большая Ордынка, д. 14. Во дворе пртив ворот двух-этажный каменный дом. Низ занят „шоколадной фабрикой“ быв. Ле-

нова. С внешней стороны здание никаких заметных деталей не имеет, кроме анкеров от железных связей и большого размера кирпича, который имеет марку с двуглавым орлом и буквой „П“. Помещение „фабрики“ представляет собою большую палатку, крытую коробовым сводом. Здание—вне сомнений XVII века.

16) М. Якиманка, д. 4. Налево от ворот, по улице, одноэтажное здание—нежилое, сложено оно из кирпича крупного размера с маркою в виде двуглавого орла—середины XVII века. Небольшие окна забраны „кубчатой“ решеткой, а также сохраняют кованые железные ставни. Здание со стороны двора полуразрушено. Оно примыкает к двух-этажному дому, имеющему в первом этаже сводчатые палаты; своды третьей четверти XVIII века. В подвале же этого дома имеется одностолбная палата, стены которой содержат в своей кладке большое количество белого камня.

17) Юшков пер., д. 7. В глубине двора параллельно улице тянется двух-этажный корпус, правая сторона которого в нижнем этаже представляет из себя ряд древних палат, крытых сомкнутыми и коробовыми сводами. Со стороны же церковного (смежного) двора, куда этот корпус выходит боковым своим фасадом, можно видеть окна, сохранившие свои древние наличники, по форме середины XVII века. Кирпич здания большого размера, все говорит о сохранившемся памятнике XVII века.

18) Мокринский пер., 10. По улице каменный двух-этажный дом с деревянным мезонином, внешне производит впечатление постройки 30—40-х годов XIX века. Однако на самой середине главного фасада прямо на тротуар выпирает как бы выехавшая вперед стена здания, образуя выступ около аршина. Этот угол характеризует часть здания более древнего происхождения. При детальном осмотре оказалось, что как в нижнем, так и в верхнем этажах сохранились палаты, крытые древними сводами. Принимая во внимание планировку здания, расположение палат, форму их покрытий и материал—из которого они сделаны, здание это можно отнести к XVII веку.

19) Зарядьевский пер., 13, угол Ершовского, д. 2. При входе в ворота с Зарядьевского пер., в левом углу двора видно двух-этажное с полуподвалом здание. Фактически полуподвал есть древний этаж здания, теперь как бы ушедший в землю. Войдя в дверь и спустившись на несколько ступеней вниз, вправо видим дверь в палату, крытую сомкнутым сводом, то же и в левой стороне. Во втором этаже так же сводчатые палаты, как и в третьем. Массивность одной из стен с глубокими впадинами в ее толще говорит о быв. внутристенной лестнице. Размеры кирпича, следы меж-этажного пояска, в первых двух этажах, говорят за наличность памятника XVII века, а верхний—3-й этаж первой половины XVIII-го века.

20) Б. Лубянка, д. 7. Во дворе против самых ворот находится двух-этажный с подвалом дом. В местах обсыпавшейся штукатурки видна кирпичная кладка из очень крупного кирпича и чувствуются следы бывших пилястр, или иного по углам. С задней же стороны от ворот дом сохранил свои детали, т.-е. наличники у окон, поясок меж этажами и карниз с дантикулом. Внутри дом сохраняет сводчатые покрытия, начиная с подвала и кончая вторым этажем. Все признаки древнего происхождения дома говорят о середине XVII-го века.

21) Армянский пер., д. 3 б. владение армянской церкви. Это обширное владение содержит в себе целую группу древних зданий. Во-первых, в левой части владения со стороны переулка находится

каменное двухэтажное здание, которое видно через деревянный забор из переулка. Стоит оно параллельно улице. В плане имеет букву „Т“. Это здание с внешней стороны сохранило обработку углов лопатками. Карниз из кирпичных уступов, подчеркнутых пояском из кирпича, положенного углом к поверхности стены, так наз. „дантикул“. Внутри—нижний этаж представляет из себя две больших палаты, крытые коробовыми сводами (в них теперь типография) и одну палату с сомкнутыми сводами—очень красивого рисунка. Эта палата разгорожена перегородкою. В верхнем этаже в некоторых палатах так же сохранились своды, но они современными обитателями отделены горизонтальными потолками. Сохранившиеся детали, форма сводов и крупный кирпич говорят о зданиях XVII века.

21б) Там же. Форма сомкнутых сводов и большой кирпич, из которого сложен подвальный этаж здания армянской церкви, говорят за то, что здесь мы также имеем остатки сооружения XVII века.

22) Там же. Идучи в глубь владения, т.е. пройдя здание церкви, мы упираемся в одно-этажное здание с лопатками по углам, в котором также сохранилось несколько помещений с древними сводами, но здание это в 1926 году капитально отремонтировано, и тогда же часть сводов была разобрана, при чем в подвале были разрушены своды быв. одностолбной палаты, стены которой были сложены из белого камня на высоту до 3-х аршин. В настоящее время вновь заштукатуренные стены блестят на солнце, при чем под современной штукатуркой трудно определить время построения дома, но смело можно сказать, что оно не моложе самого начала XVIII века.

23) Армянский пер., д. 2. Против ворот двух-этажное здание, идущее параллельно пер. Здание это имеет небольшой выступ, который является границей большой палаты в первом этаже с коробовым сводом, которую можно отнести к концу XVII века. В смежных с палатой помещениях во втором этаже древних частей не сохранилось.

24) Кривоколенный пер., д. № 10. Это обширное владение левой стороной примыкает ко влад. б. Феррейн, а правой к угловому дому, задней же стороной к владению Армянской церкви. Со стороны пер. оно имеет решетку, за которой передний двор и большой особняк, интересного ничего не представляющий; направо же от него стоит двух-этажный флигель, тянущийся вдоль правой границы владения и выходящий торцом в переулок. Нижний этаж этого флигеля имеет ряд палат, крытых коробовыми сводами. Ныне палаты заняты китайской прачечной. Эта часть флигеля сложена из крупного кирпича и смело может быть отнесена к концу XVII века. Со стороны смежного владения сохранился межэтажный поясок и кубчатая решетка в окнах. Рядом с этим флигелем с торца, противоположного от переулка, находится небольшой сарай, сложенный из того же кирпича, который также может быть отнесен к концу XVII века.

25) М. Златоуствинский пер., д. 10. В глубине двора, невидимый с пер., выходящий окнами в сторону двора ц. Николы у столба, находится 2-х этажный кирпичный дом, вросший в землю своим первым этажом. Первый этаж содержит в себе ряд палат, крытых коробовыми сводами и одну палату, крытую сомкнутым сводом. Современные нам сени, крытые коробовым сводом, в своих стенах имеют остатки как бы внешней обработки стен в виде валика, что наводит на мысль—не было ли здесь проезда под домом, а т. к. для осмотра доступна была лишь одна стенка, то можно предположить, не пристроена ли эта часть здания к более ранней

постройке. Кривая форма сводов а также размеры кирпича и названный остаток украшения стен дают возможность отнести построение этого здания ко второй половине 17-го века.

На заседании „Старой Москвы“ высказывались предположения, что это остатки дома Милославского, труп которого в свое время был вывезен Петром I на свиньях.

26) Сухаревский пер., д. 12. С внешней стороны это одноэтажный деревянный домик 30-х годов XIX века на высоком белокаменном цоколе, в котором идет ряд окон с кубчатыми решетками и крюками для железных ставней. Войдя во двор, можно видеть застекленную галерею, на которую выходят окна домика с прекрасными ампириными наличниками. Необшитые стены показывают массивность дерева, из которого срублен домик. У крыльца галереи имеется вход в цокольный этаж, через который можно попасть в небольшую палату, крытую сомкнутым сводом, говорящую о более значительной древности, чем сам домик. В настоящее время в ней помещается „фабрика гуталина“.

27) Милютинский пер., д. 14. 2-х этажный корпус, идущий по переулку своим расположением, образует выступ на тротуаре. Нижний этаж, в котором тепер помещается типография, перекрыт сомкнутыми сводами. Стены его значительной толщины и сложены из крупного кирпича. На углах наблюдаются следы б. лопаток. Верхний этаж имеет окна со следами стрельчатых завершений, которые теперь заделаны. Окна длинные с заостренным верхом, теперь стали как бы короткими. Прежняя длинная форма окон такая, какая являлась излюбленной у таких мастеров, как Баженов и Казаков в Царицынских постройках. Потолки помещений верхнего этажа производят впечатление, что поддуги их служат пятами сводов, которые отрезаны горизонтальным потолком с лепными украшениями XIX века. Действительно, когда члены комиссии прошли на чердак, то перед ними явились „горбушки“ сомкнутых сводов, перекрывающих второй этаж. Сопоставляя формы здания, перекрытий и материал, из которого оно выстроено, можно отнести нижний этаж к концу XVII века, а второй—ко второй половине XVIII века.

28) Б. Ивановский пер., д. 3. Против ворот, в глубине двора большой одноэтажный особняк, левая сторона которого на высоком полуподвале, постепенно уменьшающемся в левую сторону, т. к. дом стоит на косогоре. Фасад типичен для эпохи Александра 2-го и ничем не замечателен. Левая часть дома, вернее полуподвала, является древней, это, видимо, бывший подклет, ныне заселенный. Он состоит из 4-х сводчатых палат, из коих две палаты крыты коробовыми сводами, а две сомкнутыми. Палаты разгороженные временными переборками, теряют свою красоту. Общий вид палат и характер их покрытия позволяют отнести их построение к XVII веку.

29) Колпачный пер., д. 10. Это б. владение Петро-Павловской лютеранской кирки, выходящее также в Старо-Садский пер. под № 7. В этом владении, находящемся ныне в пользовании целого ряда учреждений, сохранился большой двух-этажный дом второй половины XVII века. Дом этот занят общежитием одного из техникумов МОНО. Это здание расположено по Колпачному пер. и выходит за черту красной линии, в силу чего подлежит сносу при регулировании улицы в первую очередь.

Со стороны Колпачного пер. штукатурка здания, сделанная в стиле 40-х годов XIX века и находящаяся в исправном состоянии, не дает возможности относить этот дом к более древнему времени.

Что же касается дворового фасада здания, то с этой стороны штукатурка обветшала и в осыпавшихся местах обнаруживается прежде всего материал, из которого здание выстроено, т.-е. кирпичная кладка на известковом растворе из крупного кирпича размером $30,5 \times 15 \times 8$ сант. Кроме того, в местах осыпавшейся штукатурки по углам видны следы срубленных пилястр. Между вторым и первым этажем следы срубленного кирпичного пояса под которым тянется полоса из кирпича, поставленного на ребро под углом в 45° к фасадной линии стены и образующего угол, так наз. „донтикул“. На некоторых окнах первого этажа можно видеть следы срубленных наличников, а также трехугольные фронтоны, венчавшие окна, выступавшие части которых срублены, а вдавленные части сохранились полностью со своим профилем. У многих окон уцелели железные крюки для ставень. Кроме перечисленных деталей сохранились ясные следы пояса, венчавшего 2-ой этаж, который состоял из ширинок (четырёхугольных впадин) размером около 9 верш., возможно содержавшего в себе цветные изразцы. Здание это в плане имеет вид буквы „Г“, верхняя как бы горизонтальная часть которого с внешней стороны имеет протяженность в 12,5 саж., а с внутренней стороны, что во двор, около 6 саж. и выходит в Колпачный пер., а вертикальная идет вглубь, и также с внешней стороны равна 15,5 саж., а с внутренней стороны около 11 саж., при чем ширина длинной части около 7 саж., а короткой $5\frac{1}{4}$ саж. В месте, где эти линии соприкасаются—в настоящее время в первом этаже устроен кирпичный тамбур главного входа. Короткая часть буквы „Г“, образуемая планом здания, почти целиком лишена внутренних стен и сводов, за исключением очень узкого, как бы корридора (шир. 3 арш. 6 верш.), который тянется вдоль длинной части буквы Г. Этот корридор в нижнем этаже сохранил до сего времени свои коробовые своды. Длинная часть буквы Г состоит из одинакового количества палат как в верхнем, так и в нижнем этажах, т.-е. в каждом этаже по 9 палат. Палаты расположены попарно, как бы по обеим сторонам кирпичной стены, разделяющей здание по длине на две равные части. Нечетное же количество объясняется тем, что против современного тамбура—входа, имеется длинная палата, идущая, как бы поперек здания; эта палата, шир. 2,5 саж. и длиной около 6 саж., была перекрыта коробовым сводом, теперь разобранным имеет над собою во 2-м этаже точно такую же палату, сохранившую коробовый свод. Свод нижней палаты выбран в новейшее время для устройства лестницы, ведущей во второй этаж. Остальные палаты крыты монастырскими, или сомкнутыми сводами, при чем в первом этаже лишь одна палата из 9 утратила свои своды (в ней устроена вторая лестница); во втором же этаже три палаты из 9 утратили свои своды, таким образом, мы имеем здание XVII века, которое содержит в себе 14 палат, крытых древними кирпичными сводами; в первом этаже в толще одной из стен сохранилось помещение внутрискристенной лестницы.

В отличие от других названных выше зданий об этом доме мы имеем сведения в литературе, именно у И. Снигирева в статье об иноверческих церквях, напечатанной в Православном обозрении за 1862 г. (сентябрьский №, стр. 21), говорится, что во дворе Петропавловской кирки „находился“ дом Мазепы. Это указание перепечатано во всех позднейших сведениях, относящихся к кирке.

30) Ульяновская (б. Николо-Ямская) ул., № 3. Это владение выходит на улицу двумя небольшими флигелями с кир-

пичными щипцами, каждый из которых прорезан тремя свальными окнами. Окна эти обычно привлекают внимание идущих или едущих по улице любителей старины. Флигеля соединены ампирной кованной решеткой красивого рисунка, в белокаменных столбах. Эта решетка ограничивает передний двор, раскинувшийся перед большим одноэтажным (со стороны улицы) домом, в стиле эпохи Александра 2-го. Правый флигель уходит вглубь двора, в нем окна с „лилейными“ решетками и деревянными, в одно полотнище, ставнями. Со стороны же р. Яузы, куда выходит задний фасад дома, он рисуется в два этажа, при чем верхний этаж в формах ранне-Екатерининского времени, также имеет в своих окнах железные кубчатые решетки, крюки-подставы для ставень и носит разновременный характер своего построения. Эта разновременность постройки еще больше подчеркивается внутренним устройством помещений и их покрытием. Так в правом крыле (от улицы) имеется ряд небольших помещений, крытых замкнутыми сводами и одна одностолбная палата. Хотя в столбе ее и наблюдается большое количество белого камня, но размеры кирпича, кривая свода, а в особенности форма распалубок со срезаемыми дугами, говорят о середине XVIII века. Под средней частью здания имеются две большие белокаменные палаты, очень похожие по своему характеру на палаты подклета дома в Подкопаевском пер., № 5, причем окна этих палат, ныне заложенные, выходящие в палаты, по своему характеру устройства и по материалу относятся к XVII веку. В числе их есть небольшая палата, в коей из под смазки можно видеть следы фресковой росписи, которая особенно хорошо заметна на откосах заложенных окон смежной палаты, свод коей уже разрушен, причем в палате, с росписью, сохранился в одном из углов свода голосник. Это любопытное здание, сохранившее до сего времени своды своего подклета под всем обширным домом, в настоящее время перестаривается, и древние, весьма прочные своды выламываются для того, чтобы заменить их железобетонными.

На заседании „Старой Москвы“ Е. А. Звягинцев высказал свои соображения относительно этого владения, что здесь мы бесспорно имеем остатки „Шляпного двора“, организованного при Петре I, а затем перешедшего к купцам Гусятниковым.

31) По Черниговскому пер., д. 15. Справа от ворот новое многоэтажное здание 20-го века. Налево — одноэтажные службы в плане в виде буквы „Г“. В окнах остатки „крещатых“ решеток, крюки для железных ставень; наличники середины XVIII века; углы обработаны рустиком; внутри своды. В глубине двора, фасадом к воротам с портиком, во втором этаже большой „барский“ дом с весьма странными лепными украшениями. Но стоит посмотреть на дом с заднего фасада, чтобы сразу убедиться, что перед нами типичное ампирное здание начала XIX века, изуродованное вкусами 60—70 годов. К отделке 40-х годов XIX века относится зал, во втором этаже украшенный лепниной и имеющий хоры, поддерживаемые колонками из искусственного мрамора, которым облицованы и стены зала. В правом конце дома, в полуподвальном этаже можно видеть нежилое помещение, очень глубоко сидящее в земле. На фасад оно выходит дверью и двумя небольшими окнами с прямыми решетками. Помещение это довольно солидное крыто коробово-сомкнутым сводом из крупного кирпича, стены же сложены из белого камня.

Дом занят школой II ступени. Раздевальной для учащихся служит прекрасная одностолбная палата, идущая в ряд с описанной выше палатой, но пол ее значительно выше первой палаты. В толще

стены одностолбной палаты имеются запирающиеся деревянными дверками ниши, по обследованию в них оказались остатки белокаменных лестниц, спускающихся вниз. По мнению членов комиссии, эти ниши представляют собой остатки внутрестенных лестниц, шедших в подклет—или подвал, ныне отсутствующий, т. к. на этом месте устроена каменная лестница во второй этаж. Рядом с нею, уже переходя на левое крыло дома, находится ряд небольших палат, также крытых сводами. По общему расположению палат, по форме сводов и по обилию белого камня в кладке эти помещения можно отнести к началу XVII или даже концу XVI века.

В этом здании до революции помещалась частная гимназия Кошицына, который в свое время нашел в саду этого дома медный перстень с печатью в виде герба, представляющего щит с изображением бегущего оленя. По некоторым данным это герб князей Ростовских, а по характеру исполнения относится ко второй половине XVII века. Перстень этот был предъявлен членам секции осматривавшим дом.

32) Угол Подкопаевского, № 5 и М. Вузовского, № 2 (быв. М. Трехсвятительского пер.). Дом в Подкопаевский пер. выходит 2-мя этажами с большим „щипцом“-фронтоном на высоком цоколе. С боков виден мезонин в 5 окон. В общем, дом имеет вид ампириной постройки, испорченной в 70-х годах. Интересная же часть здания заключается именно в цоколе, в котором имеются две большие древние палаты. Из них одну удалось осмотреть; она представляет из себя помещение, стены которого сложены из белого камня; в толще этих стен „печуры“; своды сомкнутые из крупного кирпича. В заложенном ныне окне сохранилась прямоугольная решетка. Под толстым слоем мусора уцелел пол из квадратного белого кирпича. Общий характер сооружения позволяет отнести палату к XVI веку.

Относительно этого владения имеются исторические данные от XIV века, когда оно принадлежало Московским митрополитам.

33) Моховая ул., д. 9, 1-го М. Г. У. В глубине двора меж зданий университетской библиотеки и аудиторным корпусом, где на фоне неба рисуются главки Знаменской церкви, что на Шереметевом дворе, ниже у земли виден одноэтажный домик на высоком цоколе, образуемом полуподвальным помещением. Подойдя к домику вплотную, можно видеть срубленные детали середины XVIII века и выступ толстых стен полуподвала, сложенный из крупного кирпича в отличие от верхнего этажа. Войдя же во внутрь полуподвала, попадаем в большую одностолбную палату очень красивого рисунка; а с нею рядом имеется вторая такая же одностолбная палата. Коренные столбы палат сделаны из белого камня, как и самые стены до подошвы сводов; форма сводов, тщательность обработки белокаменной кладки, а также размеры кирпича дают основание относить постройку этого этажа к XVI веку.

Принимая же во внимание, что в свое время эта местность была занята „Опричным“ двором Ив. Грозного, можно предполагать, что эти остатки древности—две одностолбных палаты входили в состав его построек.

Продолжая обзор деятельности Комиссии по регистрации архитектурных памятников, необходимо отметить небольшую, но весьма любопытную деталь работы, а именно регистрацию уличных и воротных тумб, которые устроены из чугунных пушек XVII—XVIII веков и которые в свое время придавали особый вид Московским улицам.

Вот адреса этих свидетелей былой Москвы: 1) угол Варварки и Зарядьевского пер. 2 шт., 2) Н. Басманная у ворот д. № 6 во дворе, 2 шт., 3) Лучников пер., д. № 7, во дворе—2 шт., 4) Лубянский проезд, д. № 5, у ворот—2 шт., 5) улица Станкевича, д. № 24, у ворот—2 шт., 6) Калужская пл., д. № 1, у ворот—2 шт., 7) Чертопольский пер., д. № 2, у ворот—2 шт., итого 14 штук.

Секция в лице В. А. Заборовского приступила к составлению алфавитного списка всех архитектурных памятников г. Москвы.

Подготавливается материал к составлению плана г. Москвы с нанесением всех названных выше памятников.

Председатель комиссии: *Н. Виноградов.*

Пушкинская комиссия „Старой Москвы“.

Несмотря на почти вековой промежуток, отделяющий нас от смерти А. С. Пушкина, внешние условия его Московской жизни не только детально не разработаны, но многие события и места, с ним связанные окончательно еще не выяснены. Это происходит вовсе не потому, что они до сих пор были неизвестны, что мы только что о них узнали из каких-нибудь вновь обнаруженных документов, а потому, что мы ими или совсем, или очень поверхностно занимались, не придавая им должного значения. А придать должное значение всему тому, что связано с преждевременно пресеченной жизнью этого гиганта русской поэзии настоятельно необходимо, в особенности в наше время, когда новое строительство как духовной, так и материальной жизни может безвозвратно уничтожить последние, хотя бы и внешние следы соприкосновения поэта с Москвой.

Пора скинуть с себя презрительный упрек—„Мы ленивы и любопытны“.

Блестящим примером этой лени и любопытства послужили дата и место рождения А. С. Пушкина. Только к сто двадцать восьмой годовщине удалось точно определить и то и другое.

Секция Об-ва Изучения Московской губернии „Старая Москва“ неоднократно занималась рассмотрением вопросов по выяснению событий из жизни поэта, при чем в первую голову был выдвинут вопрос о дате и месте его рождения. 10 февраля 1927 г. на 310-м заседании Секции был заслушан доклад Л. А. Виноградова: „Семья А. С. Пушкина в Немецкой слободе и у Харитония в Огородниках в 1799—1806 г. по новым розысканиям“. Эти розыскания продолжались три года.

Естественным последствием этого доклада Л. А. Виноградора была организация особого совещания из представителей научных и административных учреждений, ученых обществ и пушкиноведов, первое заседание которого состоялось 21 февраля. В состоявшихся после того 7 заседаниях с участием значительного числа представителей от Главнауки, Пушкинского Дома при Академии Наук СССР, Государственной Академии Художественных Наук, Государственного Исторического Музея, Общества Любителей Российской словесности, Всероссийского Союза Писателей, Союза Поэтов, Литературного Художественного Общества имени Пушкина, Музейного п/о. М.О.Н.О. и Московских Пушкиноведов в лице М. А. Цявловского, В. В. Вересаева, Н. С. Ашукина и др. были окончательно согласованы заключения, а) что поэт родился на нынешней Бауман-

ской ул. во владении под № 10, б) что днем рождения его следует считать, согласно с показанием его отца и лицейской метрической выписи, не 27, а 26 мая или по новому стилю 6 июня 1799 г., в) что на владении № 10 по Бауманской ул. надлежит укрепить памятную доску и удалить ошибочно помещенную на владении № 27 по той же улице, г) что двор владения № 10, а также прилегающие к нему смежные владения, целесообразно по местным, бытовым и санитарным соображениям и по историческому воспоминанию, обратить в сад общественного пользования имени А. С. Пушкина с постановкой в саду обелиска или памятника, д) организовать в праздничный день 5 июня 1927 г. торжественное открытие памятной доски во владении № 10 по Бауманской улице.

При поддержке научных и литературных организаций, Наркома по просвещению т. А. В. Луначарского и Бауманского Районного Совета Р. К. и К. Д., преодолевая технические, финансовые и иные затруднения, в намеченный день 5 июня состоялось организованное от имени М.О.Н.О. и „Старой Москвы“ О-ва Изучения Московск. губ. торжественное всенародное собрание во дворе выше-названного владения для открытия памятной доски, сопровождавшееся выяснением в речах литературного и революционного значения А. С. Пушкина.

Речи произнесли: 1. Миллер П. Н. от Секции Об-ва Изучения Московской губернии „Старая Москва“. 2. Клабуновский И. Г. от М.О.Н.О. 3. Новицкий П. И. от Наркомпроса. 4. Сакулин П. Н. от Об-ва Любит. российской словесности и его Пушкинской Комиссии. 5. Благой Д. Д. от Всероссийского Союза Писателей. 6. Самарин-Волжский А. М. от Литер. муз. и драм. О-ва им. А. С. Пушкина. 7. Тамарин-Окулов Н. Н. от Об-ва им. Островского. 8. Горшков В. В. от Союза Крестьянских Писателей. 9. Дрожжин С. Д. прочел свои стихотворения.

Торжеством 5-го июня деятельность Пушкинской организации не кончилась; было признано необходимым продолжение ее деятельности как для проведения до конца намеченной программы, так и для дальнейших розысканий по вопросам, связывающим имя А. С. Пушкина с Москвой.

Таким образом, при Секции „Старая Москва“ возникла новая „Пушкинская Комиссия“, привлекающая в свой состав ряд пушкинovedов по всем отраслям знания и искусства.

На первом (шестом) заседании комиссии 16 июня был принят план работы, который выразился в трех пунктах: 1) Проведение в жизнь постановлений и пожеланий Особого Совещания по увековечению памяти А. С. Пушкина (на предыдущих пяти). 2) „Пушкин в Москве“—обнаружение и обследование домов и т. п., где жил или бывал А. С. Пушкин и 3) увековечение и популяризация мест пребывания А. С. Пушкина путем прикрепления мемориальных досок, устройства комнат Пушкина и т. п., причем некоторым членам Секции были даны конкретные задания.

За этими тремя небольшими пунктами плана работ Комиссии кроются очень большие и кропотливые исследования.

Исполнение пункта второго плана работ было поручено—Н. П. Чулкову и Н. П. Розанову. К 7-му заседанию—21 июля они представили предварительный список, причем у первого намечено более 50 мест, в которых бывал А. С. Пушкин, а у второго 40, где он жил.

Но этими выписками не ограничивается работа. Каждое указание должно быть всесторонне проверено, точно определено то

здание, где жил или бывал Пушкин, здание должно быть осмотрено архитекторами-членами Общества (задание дано архитекторам Н. Д. Виноградову, Н. А. Пустаханову, П. С. Касаткину) с тем, чтобы определить, что в них как снаружи, так и внутри осталось со времени Пушкина и т. п. Насколько трудно сразу ответить на эти вопросы, показывает рассмотрение на 7-м заседании трех владений, связанных с событиями из жизни Пушкина. Были заданы следующие владения: дом быв. Хитрова на Арбате, где происходил мальчишник и свадьба Пушкина в 1831 году, дом бывш. Ивановой в Ворониковском переулке, где жил П. В. Нащекин и где Пушкин был в последний раз перед дуэлью и дом Рынкевичевой на Собачьей Площадке, где жил друг Пушкина А. С. Соболевский. После тщательного обсуждения представленных документов был признан только первый, Арбатский дом и сдан для дальнейшего обследования архитекторам, два же другие переданы на исследование.

В настоящее время в Комиссию записалось 25 членов Общества, в ее заседаниях принимают участие М. А. Цявловский, Н. С. Ашукин, Н. А. Залесский и др.

Комиссия готовит обращение во все провинциальные отделения Общества, призывая их произвести подобную же работу на местах.

Председатель Секции *П. Н. Миллер.*

Комитет по охране могил выдающихся деятелей.

Перед летним сезоном 1925 года в тогдашней Ученой Комиссии „Старая Москва“ в связи с предположениями МКХ об упразднении некоторых Московских кладбищ, их перепланировке, срытия могил, а также в связи с усиливающимся проявлением воровства и хулиганства на кладбищах, в большинстве лишившихся прочных и беспрерывных оград, возникла мысль сплошь зафиксировать могилы Московских кладбищ с составлением соответствующих планов, дабы иметь нужный топографический материал. Необходимость в этом особенно ощутилась, когда сотрудники Комиссии стали розыскивать могилы декабристов, готовясь отметить их в наступающий столетний юбилей восстания. Организовалась группа около 30 человек, между которыми были распределены Московские кладбища и за два сезона 1925 и 1926 г. г., образовавшаяся Кладбищенская подкомиссия зафиксировала более 17.000 могил и, кроме того, розыскала и определила несколько сот могил выдающихся деятелей революции, общественников, деятелей науки, литературы, театра, искусств из сотен тысяч могил всех кладбищ.

Перед юбилеем восстания декабристов 1825 года „Старая Москва“ обратилась в Похоронный п/о. МКХ, в Музейный п/о. МОНО и в Главнауку с просьбой привести в порядок могилы декабристов, сообщив их список. На заседании „Старой Москвы“ 27 декабря 1925 года был заслушан обстоятельный доклад Н. П. Чулкова „Декабристы в Москве“ и была устроена выставка изображений могил декабристов на Московских кладбищах, материалом для чего послужили фотографии, сделанные сотрудницей Комиссии О. В. Сваричовской.

Почти одновременно при Всероссийском Союзе писателей возникла особая Комиссия по охране могил писателей, которая благодаря исключительной энергии ее членов, достигла значительных

результатов. Многие могилы не только розысканы, но и отремонтированы и даже реставрированы.

Совершенно естественным явилось столкновение деятельности Кладбищенских подкомиссий „Старой Москвы“ и Комиссии Всероссийского Союза писателей, вылившееся в стремление объединить эту деятельность. Это объединение произошло осенью 1926 года по инициативе двух указанных выше Комиссий и Музейного п/о. МОНО.

В ряде предварительных заседаний с приглашением представителей различных общественных организаций и правительственных учреждений было подготовлено образование „Временного Комитета по охране могил выдающихся деятелей“, первое заседание которого состоялось третьего марта 1927 года.

Заседания Временного Комитета происходили 3 и 17 марта, 7 и 28 апреля, 12 и 26 мая, 9 и 23 июня, 7 и 28 июля 1927 г. В заседаниях принимали участие представители: О-ва изучения Московской губернии, Комиссии О-ва „Старая Москва“, О-ва Политкаторжан, Кружка Народовольцев, О-ва Любителей Российской Словесности, Российского Театрального О-ва, Общества имени А. П. Чехова, Всероссийского Союза Писателей, Главнауки, Музея Революции, Похоронного п/о. МКХ, Музейного п/о. МОНО, Московского Коммунального Музея.

Все заседания происходили в помещении Всероссийского Союза Писателей.

Ненормальное положение, создавшееся на кладбищах не одной только Москвы, но и всего Союза привело к тому, что 16 мая ВЦИК'ом было издано следующее постановление.

Копия.

Циркулярно.

Центральным Исполнительным Комитетам Автономных Республик, Краевым, Областным и Губернским Исполнительным Комитетам.

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета рекомендует местным Исполнительным Комитетам включать работы по упорядочению кладбищ и поддержанию могил выдающихся деятелей в области общественно-политической работы, революционных движений, науки, искусства и т. п., а также тех надгробных памятников, которые сами по себе представляют значительную историко-художественную ценность, в планы коммунальных общественных работ, а равно содействовать и поощрять инициативу в этом направлении общественных, научных и краеведческих организаций.

Председатель Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета (М. Калинин).

Секретарь Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета (А. Киселев).

Как только постановление ВЦИК'а стало известно О-ву Изучения Московской губернии оно подало 19 мая под № 285 в Моссовет мотивированное заявление, заканчивающееся следующим ходатайством:

„Желая всемерно оказать содействие в обнаружении, розыскании, фиксации и регистрации перечисленных могил, О-во просит утвердить Комитет при О-ве, предоставив ему право пополнять состав своих членов, привлекать сотрудников, а также изыскивать средства для фактической охраны могил, поддержания их в порядке, восстановления, реставрации и ремонта тех из них, которые того требуют. Комитет будет носить наименование „Комитет по охране могил выдающихся деятелей на кладбищах Москвы и Московской губернии“.

Президиум Московского Совета Р. К. и К. Д. от 29 июня 1927 г. за № 10.198 известил Общество об удовлетворении означенного ходатайства следующим отношением:

„Комитет для приготовительных работ по охране могил выдающихся лиц утверждается в составе, указанном в Вашем ходатайстве и О-ву Изучения Московской губернии предоставляется право привлекать сотрудников и изыскивать средства на расходы по охране могил.

Вместе с тем О-ву необходимо учесть, что работа Комитета может достигнуть благоприятных результатов только в том случае, если одновременно с благоустройством отдельных могил выдающихся деятелей, будут проводиться работы и по благоустройству кладбищ вообще, в особенности по восстановлению оград, без коих охрана отдельных памятников будет невозможна.

Поэтому Комитет обязуется предварительно согласовывать с Похоронным П/Отделом М. К. Х. планы намечаемых им работ на кладбищах, с тем, чтобы иметь возможность своевременно вносить в последние практические поправки.

За Моск. Ком. Хоз. сохраняется право контроля над работой Комитета в части его практически-хозяйственной деятельности.

Управделами—(Шур).

Секретарь—Чичерова*.

Такой ответ вполне удовлетворил Комитет, открывая для него возможность организации на каждом из кладбищ подсобных охраняемых групп из членов и сотрудников Общества. Самыми большими местами в охране отдельных могил являлись недостаточность живой охраны (сторожей) и отсутствие на многих кладбищах непрерывных прочных внешних оград, пришедших в разрушение за прошедшие годы и частью разрушенных произвольно. Необходимость и жизненность специальных охранных групп на каждом кладбище подсказывалась и имеющимися примерами, т. н. Иноверческого кладбища (Введенские горы) и кладбища б. Скорбященского монастыря, где действовали „О-ва содействия благоустройству“ данных кладбищ и где охрана кладбищ и могил протекала вполне нормально.

Комитетом вырабатывается проект устава подобных обществ, который будет представлен на утверждение властей, а пока приступлено к организации подсобных групп—Комиссий на каждом из кладбищ.

Осуществление должной охраны каждого кладбища в его целом дело далеко не простое и требует больших денежных затрат, хотя бы на первое время, в особенности на тех кладбищах, где внешние ограды разрушены (их около 50%). Возведение оград потребует расхода по несколько десятков тысяч (25—40), а для поддержания порядка и предупреждения воровства и хулиганства необходима достаточная непрерывная живая охрана. Без общественной поддержки и поддержки всего населения нечего и думать об осуществлении этих двух главных задач и только на эту поддержку Комитет возлагает свои надежды.

Это так сказать материальная сторона дела. Пока подсобные группы—комиссии, потом О-ва содействия благоустройству должны давать нужные средства для охраны. Но есть и другая сторона дела, не связанная с материальными жертвами, но так же необходимая Комитету для продолжения и окончания его работ по выявлению могил выдающихся лиц.

Дело в том, что в Комитете имеется список ряда могил выдающихся деятелей, погребенных на Московских кладбищах, но места их могил неизвестны, с другой стороны, как показал опыт, при сплошной регистрации могил обнаруживаются могилы выдающихся деятелей, ранее неизвестные. Эта задача — сплошная регистрация

могил с составлением планов была взята на себя три года назад Кладбищенской Подкомиссией „Старой Москвы“, но без общественной помощи она грозит растянуться на большое количество лет, т. к. тех трех десятков членов, разбросанных по всем Московским кладбищам, а их больше тридцати, и уделяющих для работы свои свободные от занятий часы, далеко недостаточно, не смотря на героические усилия ими употребляемые.

Здесь опять-таки может помочь население города, вступив или не вступив в подсобную группу—Комиссию и в Общество. Для этого достаточно одного заявления и участия в работе.

Несмотря на свое недолгое существование, Комитет проявил себя в практической деятельности. Им установлен прочный контакт с Похоронным п/о. МКХ.

Выработан стандартный образец отметки могилы—дешевый (около 1½—2 р.), прочный и никого не могущий прельстить своей материальной стоимостью.

Выработана инструкция для работ по выявлению могил выдающихся деятелей.

Приведены в порядок могилы: М. М. Хераскова и П. Я. Чаадаева на кладбище Донского Монастыря, декабриста Васильчикова и Аксакова на кладбище Симонова монастыря, „Литераторские мостки“ на Пятницком кладбище и др.

Обнаружены могилы: художника Саврасова, писателей Астырева, Соловьева-Несмелова, Н. В. Успенского, Разоренова (автора песни „Не брани меня родная“) и др.

В смысле изыскания средств Комитет обратился в Президиум Московского Совета с просьбой о предоставлении ему права ликвидировать надгробия на кладбищах быв. Андрониева и Всехсвятского единоверческого монастырей, подлежащих полной ликвидации и очистке их территории от всяких могильных сооружений.

С наступлением зимнего сезона Комитетом намечен ряд лекций и концертов.

Комитет вполне сознает свои слабые силы, случайный и далеко не полный состав, представителей от очень многих организаций и учреждений в нем недостает, но в этом не его вина, попытки вовлечь большее количество участников были сделаны, но Комитет надеется, что и общественные организации и учреждения придут к нему так или иначе на помощь впоследствии, а также примут и непосредственное участие в его работах.

Охрана могил наших предшественников на всевозможных и разнообразных жизненных путях так же необходима как всяческое использование трудов их творчества и деятельности.

Охрана их могил—дело глубоко общественное, а потому и общество не может и не должно пройти мимо него.

Память об умерших деятелях, служивших народу своими знаниями, талантами и борьбой, должна быть закреплена общественной охраной и поддержанием их надгробий.

Председатель Комитета П. Н. Миллер.

ХРОНИКА.

Губернская краеведная конференция ¹⁾.

21—22 мая 1927 г. состоялась Губернская краеведческая конференция, созванная Об-вом изучения Московской губ. и Краеведным Бюро Культ. Отдела Губпроса. В работе конференции приняли участие представители всех краеведческих организаций губернии. Конференция была довольно многолюдной; зарегистрировано 120 участников. Из них 50 процентов члены О-ва Изучения Московской губ., платящие членские взносы в Москве. Остальные—члены уездных Обществ и Кружков и представители других общественных организаций и научных учреждений.

Уезды были представлены следующим образом: — Дмитровский — 3 делегата; Сергиевск.—5; Можайск.—3; Воскресенск.—3; Ленинск.—2; Звенигородск.—2; Каширск.—1; Орехово-Зуевск.—3; Егорьевск.—1; Коломенск.—3; Серпуховск.—3; Волоколамск.—3; Подольск.—3; Богородск.—4; Московск.—6; Клинский—1.

Дневное заседание 21 мая. С приветствиями выступают: — от Об-ва Изучения Московской губ. Б. Б. Веселовский; от Госплана РСФСР—он же; от Центрального Бюро Краеведения—акад. С. Ф. Ольденбург; от Губплана—П. К. Соколов; от М.О.Н.О.—И. Г. Клабуновский; от Губпроса — т. Никонов и от Секции Научных работников—т. Черемушкина.

Первым заслушан доклад акад. С. Ф. Ольденбурга — „Некоторые основные вопросы краеведения“. Докладчик коснулся нескольких больших вопросов краеведческой работы. Прежде всего он, в связи с проблемой вовлечения масс в краеведную работу, затронул вопрос о механизации этой работы. Научных сил у нас мало, а задачи исследования С.С.С.Р. громадны. Надо вовлечь в работу возможно большее число новых сил. Как же это сделать? — Докладчик, ссылаясь на удачный опыт Кайгородова, считает возможным в области фенологии, ботаники, зоологии, диалектологии, фольклора выработать такие программы, по которым могли

бы собирать материал даже мало подготовленные начинающие краеведы. Для них он считает вполне доступной работу по фиксации исторической номенклатуры, а также по охране памятников природы, искусства старины. Труднее собирание сведений по экономике и мало доступно по истории. Обработка собранных низовыми краеведами материалов в научных интересах должна производиться специалистами.

Исходя из этой мысли, а также имея в виду, что непосильность даваемых низовым краеведам задач может вообще отпугнуть их от работы, докладчик полагает, что в программы по собиранию научного материала не следует включать указаний относительно способа его обработки и использования ¹⁾.

Далее докладчик останавливается на краеведных выставках, как на одном из средств вовлечения масс в краеведческую работу. Особенно важны выставки методического характера; такова была выставка снаряжения и методов экспедиционной работы, организованная Географическим Отделением Ленинградского Университета. С. Ф. Ольденбург полагает, что подобного рода выставки могли бы попутно дать толчок тому, чтобы наша промышленность взялась наконец за изготовление тех предметов экспедиционного снаряжения, которые мы до сих пор с трудом получаем из-за границы.

Такое же важное значение придает докладчик экскурсионной работе, которая в большинстве случаев сейчас ведется у нас по шаблону.

Наконец, последней и, может быть, самой важной краеведной задачей докладчик считает учет. Интенсификация и механизация работы возможны тогда, когда учтены силы. Краеведным Обществам надлежит на учет краеведных сил обратить особое внимание ²⁾.

¹⁾ Отступления от этого правила в программах, издаваемых некоторыми краеведными Обществами, докладчик осуждает.

²⁾ В нашем распоряжении нет ни автореферата, ни тезисов доклада. Поэтому ограничиваемся самой общей передачей его содержания.

¹⁾ В виду невозможности поместить протоколы конференции полностью помещается краткий отчет и резолюции.

По докладу С. Ф. Ольденбурга выступают т.т. Пархоменко (Моск. Отд. Ц.Б.К.), 2) Черемушкина (Секция научн. работников), 3) Преображенский (М. О. Ц. Б. К.), 4) Селищенский (2 М.Г.У.), 5) Попов, В. А. (Мосздрав), 6) Шестакова (Серпухов), 7) И. Г. Клабуновский (Муз. Отд. МОНО), 8) Жукова (Воскресенск), 9) Говоров (Бедняковской вол. кружок), 10) С. В. Бахрушин (председ. Культ. истор. Секции О-ва), 11) А. А. Борзов (1 М.Г.У.), 12) Н. С. Елагин (чл. Правления об-ва изуч. Моск. губ.), 13) Сытин, П. В. (казначей Об-ва Изуч. Моск. губ.).

Большинство ораторов соглашается с основными положениями доклада, развивая их и иллюстрируя примерами. Так отмечается, что в Казани в 1924 году была осуществлена механизация краеведной работы путем создания вопросника и была устроена выставка, привлекая тысячи посетителей (1). В Москве (2) секция научных работников уже подошла к вопросу учета сил и предполагает издать справочник научных работников. Там же (3) Тимирязевский исследовательский институт пытался издать путеводитель по вопросам популяризации научного естествознания. Издание не осуществилось только потому, что институту не удалось привлечь к делу и заинтересовать в нем достаточное количество лиц и учреждений, хотя он пытался это сделать путем рассылки соответствующей анкеты. Путеводители по музеям предполагает издавать Губ. музей (6), в издании путеводителей по Москве должно принять ближайшее участие О-во Изучения Московской губ. (13).

С принципиальными возражением выступает тов. Говоров (9), указывая, что сейчас нельзя еще рассчитывать на то, что механизация вовлечет массового работника в краеведение. Попытка Бедняковского кружка организовать массовые фенологические наблюдения потерпела крушение. Необходимо раньше создать на местах опорные пункты — волостные музеи, которые вовлекут учительство в работу.

С. В. Бахрушин, отмечает, что занятия местной историей вовсе не так недоступны для рядового краеведа, как полагает докладчик. Привлечение краеведов к историческим исследованиям возможно, конечно, при известной их подготовке, при предстоящем пересмотре шк. программ необходимо добиваться максимального введения в них краеведческого и исторического материала.

А. А. Борзов, считает вовлечение широких масс в краеведную работу делом трудным. На первой очереди, по его мнению, стоит расширение кадра научных работников и облегчение условий исследовательской работы путем издания необходимых ориентировочных материалов. Краеведов — по мнению А. А. Борзова, следует привлекать к настоящей научной исследовательской работе. Необходимым условием для этого должен быть широко-научный, а не узко-утилитарный подход к территориальным исследованиям и тесный контакт хо-

зяйственных органов, предпринимающих исследовательские работы, с научными учреждениями.

Некоторые из выступавших по докладу высказывают свои дополнительные пожелания.

Так т. Попов (5) считает возможным вовлечение масс в библиографическую работу путем организации этого дела при местных библиотеках.

М. И. Селищенский (4) говорит о желательности создания кафедр краеведения при ВУЗ'ах и о необходимости привлечения специалистов к изданию карт. Несколько ораторов (6, 7) говорят об отходе школьных работников от краеведения и предлагают меры борьбы с этим злом (разгрузка от общественной работы, пересмотр программ в смысле более точной увязки работы по приобретению навыков с краеведным материалом и т. д.). Говорится о необходимости привлечь к краеведной работе политпросветчиков (8).

В заключительном слове докладчик указывает, что принципиальные возражения сделаны т. Говоровым. Их необходимо учесть, как голос низовых работников, но все же едва ли можно с ними вполне согласиться. Далее соглашаясь с рядом дополнительных пожеланий (в вопросе о путеводителях, картах и т. д.) докладчик возражает против привлечения широких масс к работам по библиографии и попрежнему считает непосильной для рядового краеведа работу по истории ¹⁾.

Заканчивает С. Ф. Ольденбург свое слово твердой уверенностью в том, что вовлечение массового работника в краеведение есть дело ближайшего будущего.

Принятая по докладу резолюция (см. ниже) по существу подтверждает все основные положения доклада, но с известными дополнениями, являющимися итогом прений (см. п. 6).

После перерыва заслушиваются два отчетных доклада: Об-ва Изучения Московской губ. (Б. Б. Веселовский) и Краеведного Бюро Культ-Отдела Губпроса (Н. А. Гейнике).

Б. Б. Веселовский выдвигает следующие основные задачи Об-ва: а) объединение краеведной работы губернии; б) поднятие квалификации краеведов; в) проведение научно-исследовательской работы; г) издательство.

Первая задача осуществляется — научными заседаниями, собраниями, конференциями, выставками; вторая — организацией семинариев, обсуждений и критикой научных работ, инструктированием краеведов, выездами специалистов по запросам с мест; третья — организацией

¹⁾ В виду выявления двух противоположных мнений по этому вопросу правлением О-ва постановлено просить Ц.Б.К. включить С. В. Бахрушина в число докладчиков на предстоящей краеведческой конференции Р.С.Ф.С.Р.

научных коллективных обследований по выработанным Об-вом программам и работой отдельных членов Об-ва; четвертая — изданиями тематического и инструктивного и научно-информационного характера в том числе Бюллетеня.

Б. В. Веселовский указывает, что в текущем году наблюдалось увеличение интереса к Об-ву, количество членов Об-ва на 10 мая с. г. достигает 445 человек.

Общество имеет 5 секций: — Естественно-историческую, Культурно-историческую, Экономическую, Старую Москву и Музейную, а также Комитет по охране могил выдающихся лиц и ряд комиссий; самой многочисленной является Секция „Старая Москва“. Всего на заседаниях Об-ва, и на его экскурсиях с 1/X-26 г. по 10 мая 1927 г. перебывало 3896 человек. Заслушано 70 докладов.

Затем докладчик отмечает, что недостаток средств не дал возможности организовать в текущем году семинарии для поднятия квалификации краеведных работников. В силу этого же обстоятельства были ограничены выезды специалистов на места для инструктирования.

Переходя к научно-исследовательской работе Б. В. Веселовский указывает: а) монографическое обследование селений в 7 пунктах губернии по программам, составленным О-вом и на средства, отпущенные Губпланом; б) изучение волости местными краеведческими организациями и членами Об-ва как руководящими работой вузовцев, так и изучающими образцовые волости по поручению Губплана; в) комплексное изучение природы губернии членами Об-ва на средства Моссовета; г) изучение речной сети по программе А. А. Борзова, изданной Об-вом, с внесением поправок к карте И. А. Здановского, изданной Об-вом на средства, отпущенные Губпланом.

Издательская работа Об-ва в текущем году выявилась в издании Бюллетеня научно-информационного характера „Московский Краевед“, указанной выше инструкции А. А. Борзова и „Определителя растений“ проф. Д. П. Сырейщикова.

Затем Б. В. Веселовский указывает первоочередные ближайшие задачи О-ва.

I. Увязка работы с хозяйственным и культурным строительством губернии.

II. Усиление связи с периферией, в частности с филиалами: а) созыв особых совещаний, для выявления организационных и научных вопросов; б) выезды специалистов по запросам с мест для инструктирования.

III. Организация краеведной методической выставки при конференции Р.С.Ф.С.Р., для учета изученности губернии, и для выяснения методов краеведной работы вообще и для вовлечения в краеведческую работу масс.

IV. Издательство — выпуск 2-го номера Бюллетеня, а также подготовка к печати других материалов.

Б. В. Веселовский заканчивает доклад указанием, что в тесном контакте с планирующими органами, с краеведческими и научными организациями намечается вся дальнейшая работа Ощества, которая должна иметь установку на хозяйственные плановые задачи губернии, должна быть тесно увязана с местным советским строительством.

Следующим заслушивается отчет о деятельности Краеведческого Бюро Губпроса в 1926/27 г.

Н. А. Гейнике указывает, что рост краеведного движения в Московской губернии вызвал к жизни за все последние годы ряд организаций краеведного значения, из которых основное место занимает О-во Изучения Московской губ. Наличие многих краеведных организаций в губернии и перерождения не столько в самом краеведном движении, сколько в его понимании и оценке ставят перед Бюро задачу подвергнуть оценке свою деятельность и наметить четко и ясно свою роль в краеведном движении губернии.

За текущий отчетный год деятельность Бюро в основных линиях выражалась в следующем: а) повышение краеведной квалификации членов союза и втягивание новых кадров просвещенцев в краеведную работу; б) работа по внедрению краеведной основы в школьные программы, проведение в жизнь которых является основой производственной деятельности просвещенца; в) первые шаги к вовлечению учащейся молодежи в краеведное движение.

Работа Краеведного Бюро Гупроса шла в тесном контакте с другими организациями, а также научными институтами, связанными с краеведной работой.

Исходя из того, что кадры просвещенцев играют и еще долго будут играть в краеведном движении исключительную роль, ибо их связывает бесчисленными нитями с краеведением и их профессиональная, и их общественная работа, необходимо признать целесообразность существования Бюро Краеведения Московской губернии и желательность его моральной и материальной поддержки со стороны как союзных, так и планирующих организаций.

Конкретные грани работы Бюро в наступающем году должны быть таковы: а) живое участие в организации, ведении и пропаганде среди просвещенцев кабинета краеведа; б) разработка на пленумах, в районных и уездных собраниях и совещаниях, вопросов краеведения, связанных со школой; в) вовлечение в краеведное движение учащейся молодежи путем устройства лекций, кружков и т. п. д) ознакомление местного населения, впервые очередь членов Союза со своим краем — массовые вечера и е) развитие экскурсионного движения среди членов Союза.

По отчетным докладам выступают: 1) И. Г. Клабуновский (дважды), 2) И. А. Муравьев, 3) Е. С. Радченко, 4) Н. Н. Мордвинова, 5) А. Д. Шаховская, 6) Е. В. Сосенкова

7) Н. И. Карапин, 8) Т. Смолина, 9) Т. Логинов, 10) А. М. Прохорова, 11) В. Н. Мордвинова.

Центральным вопросом, затронутым в прениях был вопрос об организационном центре краеведной работы в губернии. И. Г. Клабуновский, указав на наличие нескольких краеведных учреждений и организаций, ведущих работу в губернском масштабе (О.И.М.Г., Бюро Губпроса, музей Ц.П.О., Губ. Музей, Бюро по изуч. произв. сил при Губплане, Моск. Отд. Ц.Б.К.), считает необходимым создание единого, ответственного за направление работы центра, но после ряда возражений соглашается, что надо говорить о согласовании работы, а не об ее централизации. Согласовывать и объединять работу должно О.И.М.Г. (Б. Б. Веселовским в заключительном слове указывалось между прочим— что по смыслу нашего законодательства организационным центром краеведной работы являются плановые органы). По мнению всех, высказывавшихся по докладам и деятельность О-ва и деятельность Бюро имеют большую ценность как чисто общественная работа в области краеведения. При этом естественно на Бюро по преимуществу падает дело популяризации краеведных идей особенно среди учительства и молодежи, а на Об-во—научное руководство исследовательской краеведной работой и ее объединение. Работа Губ. Музея тоже имеет свое важное специфическое значение.

В прениях попутно был затронут важный вопрос об ослаблении интереса к краеведению среди учительства.

А. М. Прохорова считает, что указание на понижение интереса учительства к краеведной работе неправильно. Осенью 1926 г. была организована волостная краеведческая конференции в Пересветовском районе, Дмитровского уезда, — заслушаны были доклады санитарного врача, агронома, кооператора, давшие толчок в сторону углубленной работы.

Много говорилось о слабости материальной базы для краеведной работы. Все пожелания суммированы в принятой резолюции (см. ниже).

В вечернем заседании 21 мая с захватывающим интересом был заслушан научный доклад проф. С. С. Четверикова „Луцинское болото, как ледниковый реликт“.

Заседания 22 мая.

В утреннем заседании заслушиваются три доклада местных работников: из них первый носит организационный характер, два других знакомят с опытом научно-краеведной работы в области быта (Е. С. Радченко) и экономики (С. И. Попов и Д. Я. Курносков).

1. „Организационные формы и работа Звенигородского Общества“. Докладчик Председатель Звени-

городского Об-ва, Е. И. Лукьянская дает яркую картину краеведной работы уезда, начиная с 1923 года, когда краеведные начинания были поддержаны Н. С. Елагиным и Губпросом и кончая настоящим моментом, когда уже осуществляется краеведная волостная сеть.

Е. И. Лукьянская перечисляет все трудности внутриорганизационного и административного порядка, которые пришлось преодолевать при организации Уездного Общества.

Остановившись на работе Об-ва, Е. И. Лукьянская указывает, что контакт в работе установлен: а) учитель знает, что такое краеведение и, несмотря на свою перегруженность, хочет работать; б) при местном музее организован Ученый Совет, в состав которого вошли краеведы, могущие руководить построением отделов Музея; в) в работе Об-ва участвуют агрономы, врачи, избачи и т. д.; г) по докладу Об-ва Изучения Местного края 2/ХІІ—26 г. Президиумом Звенигородского Исполкома постановлено: 1) Согласиться с общими положениями работы Общества по изучению Местного Края, направленными главным образом к изучению производительных сил уезда, что соответствует общей линии хозяйственного строительства, предложив всем Отделам и учреждениям УИК'а оказывать всяческое содействие в работе краеведческой организации. 2) Считать целесообразным при заслушивании докладов Отделов на Президиуме и Пленуме УИК'а заслушивать по отдельным вопросам доклад Краеведческого Об-ва, а также систематическое участие представителей указанного Об-ва в работе Уплана. 3) Признать особо важным значение предстоящей переписи населения, просить Об-во по изучению Местного Края с своей стороны в этой работе принять активное участие, как по разъяснению целей переписи, так и по оказанию содействия органам, ведущим перепись. 4) Поддерживать начинания Об-ва по изучению Местного Края в отношении организации на местах соответствующих краеведческих ячеек, предложив ВИК'ам оказывать в этой работе всяческое содействие.

Научно-исследовательская работа объединяется по секциям, из которых наиболее интенсивно работают экономическая, естественно-географическая и школьная.

Издательская работа Об-ва выразилась в издании Бюллетеня, в котором помещаются научно-исследовательские статьи и сообщения информационного характера. Издана и отдельная брошюра А. Н. Прометова, „Биология певчих птиц“. Ряд материалов подготовлен к печати.

Издана картограмма Звенигородского уезда.

Подводя итог проделанной работы, Е. И. Лукьянская указывает, что очередная задача—возможно тесная увязка с Губернским О-вом, филиалом которого является Звенигородское Общество.

В прениях по докладу указывалось, что работу, проделанную Звенигородским Об-вом, можно определить словами „хождение по мукам и выход на дорогу“. Содержание доклада Е. И. Лукьянской, характерно для всей Моск. губ. Ясно, что два условия обеспечивают работу: а) наличие вдохновенных квалифицированных работников и б) правильные организационные формы (Муравьев, И. А.).

Далее было отмечено, что доклад Е. И. Лукьянской показал реальную возможность вовлечения в крайнюю работу массы и создания в обывательской среде научных и общественных импульсов. (Н. С. Елагин).

На ряду с высокой оценкой работы Звенигородского Об-ва в целом, отмечены и частичные дефекты, например, допущение неправильностей при издании карты без географических ординат (М. И. Селищенский).

Далее заслушиваются два доклада: 1) Е. С. Радченко: „Изучение быта деревни, как основное условие культурной работы в деревне“. 2) С. И. Попова и Д. Я. Курносова: „Изучение экономики волости силами краеведческого кружка“.

В первом докладе дан свежий и яркий материал, характеризующий отсталость деревенского быта ¹⁾; во втором была очерчена работа волостного кружка по экономическому изучению и районированию волости ²⁾.

По докладам выступали: 1) т. Жукова, (Воскресенск. у.—дважды), 2) т. Логинов, (Сергиевский у.), 3) Б. Н. Жаворонков, (дважды), 4) Н. А. Гейнике, 5) Д. И. Шаховской, 6) Н. И. Карапин, 7) Н. С. Елагин, 8) М. И. Селищенский, 9) Б. Б. Веселовский, 10) т. Адрианова, 11) В. Н. Мордвинова, 12) т. Орлов, 13) К. А. Соловьев.

Жаркие прения развернулись вокруг первого доклада Е. С. Радченко, затрагивающего один из самых животрепещущих вопросов современной действительности.

Некоторыми оппонентами была отмечена односторонность освещения быта и отсутствие у докладчика веры в реорганизацию быта в связи с проходящим на наших глазах мировым социально-экономическим переворотом. Однако у докладчика нашлись защитники (4), основательно указавшие, что краевед-исследователь не может подходить к быту с той меркой, с какой подходит полит-просветчик („первый во всем сомневается, второй во все верит; первый исследует в порядке изучения, второй рассматривает в порядке энтузиазма общественной работы“). Были приведены дополнительные данные, характеризующие поразительно низкий культурный уровень подмосковной деревни (2)—отсутствие умы-

вальников; (10)—вера в колдунов; (7) существование обряда „опахивания“ в Звенигородском уезде в наши дни. Вообще было указано на устойчивость быта (13) и на высокую ценность беспристрастного анализа бытовых явлений (11), выявленного в докладе.—Однако и теми, кто высоко расценивал доклад, была отмечена его односторонность (5) и отсутствие динамизма (9) в изображении явлений.

В заключительном слове Е. С. Радченко указывает, что данные по быту получены при изучении Лучинской волости, при монографическом обследовании селений и во время отдельных выездов работников Воскресенского Музея. Основой краеведной работы считает изучение и вскрытие фактов, а дальнейшим шагом должна быть борьба с замеченными отрицательными явлениями. Залогом успеха такой борьбы является совместная работа краеведа и политпросветчика. Е. С. Радченко считает, что необходимо наполнить краеведным содержанием работу по политграмоте, надо усилить кадр политпросветителей, повысить их квалификацию и выработать конкретные формы для их работы.

По второму докладу высказались Б. Н. Жаворонков и М. И. Селищенский. Первым отмечено, что работа Софринского кружка представляет любопытный опыт микро-районирования; вторым были указаны недочеты—неправильное исчисление плотности населения, неправильное сопоставление площади волости с площадью Франции и т. п.

В вечернем заседании заслушан доклад Н. И. Карапина „Краеведение и школа“.

Отмечая ослабление интереса к краеведению среди школьных работников в связи с усилением работы по усвоению навыков, Н. И. Карапин считает это явление ненормальным, и, опираясь на постановления предыдущих съездов и конференций по школьному краеведению, призывает к здоровому синтезу комплексных краеведных программ с работой по усвоению навыков. Тезисы доклада целиком отражены в принятой конференцией резолюции (см. ниже).

Несомненно майская краеведная конференция будет иметь большое значение для судеб краеведения как в Московской губ., так и за ее пределами. С. Ф. Ольденбург в приветственном слове указал, что московская конференция как бы является подготовкой к конференции Р.С.Ф.С.Р., и это указание правильно. На ней подняты такие большие и сложные вопросы, как вопрос о механизации краеведной работы, об организационной увязке работы краеведных обществ с работой плановых органов, о действительном изучении деревенского быта и т. д.

Правда, эти вопросы не столько разрешены сколько поставлены. Их окончательное выяснение—дело дальнейших совещаний, а еще больше—дело дальнейшего опыта. Но поставлены они были ярко и остро—в этом главное положительное значение конференции 1927 г. М. Феноменов.

¹⁾ См. выше текст доклада.

²⁾ Доклад появится в печати в составе сборника „Софринская волость“.

Резолюции по докладам Губернской Краеведческой конференции

21—22 мая 1927 г.¹⁾

По докладу С. Ф. Ольденбурга.

1. Малая изученность нашей страны и крупные очередные задачи хозяйственно-культурного строительства, требуют вовлечения в краеведческую работу широких масс населения.

2. Краеведческим организациям надлежит проработать формы деятельности, методику, инструкции, программы, бланки и т. п. для проведения краеведческой работы массами населения.

3. Необходимым условием дальнейшего местного развития краеведческой работы является организация выставок по методике краеведения, создание показательных отделов по экскурсионному и экспедиционному снаряжениям и т. д.

4. Имея в виду, что краеведческие организации до сего времени уделяют недостаточно внимания экскурсионному делу и что экскурсии до сих пор в большинстве случаев не имеют серьезного краеведческого характера, а также имея в виду, что экскурсия является одной из основных форм краеведной работы—считать необходимым усиление экскурсионной работы краеведческих организаций, выработку новых типов экскурсий, а также составление всевозможных пособий, путеводителей.

5. Считая крайне актуальным вопрос о подготовке и переподготовке достаточных кадров квалифицированных работников по краеведению, поручить Об-ву Изучения Московской Губернии совместно с Бюро Краеведения Губпроса проработать данный вопрос и сделать соответствующие представления в надлежащие органы.

6. Признать необходимым развернуть исследовательскую работу по изучению истории Московского края, увязав эту работу с местными краеведческими организациями.

По отчетным докладам **Б. Б. Веселовского** и **Н. А. Гейнике**.

1. Губ. Конференция признает деятельность Общества Изучения Московской губернии стоящей на правильном пути и в высшей степени плодотворной для развития краеведной работы губернии, а также отвечающей современным задачам хозяйственного и культурного строительства страны и считает необходимым продолжение и расширение его деятельности и оказание ему и в дальнейшем материальной поддержки со стороны Губплана и других учреждений.

2. Равным образом Губ. Конференция констатирует большую ценную работу Краеведческого Бюро Губпроса в области краеведного движения Московской губернии и в частности в деле руководства и вовлечения в работу широких масс учи-

тельства губернии и считает необходимым продолжение и расширение деятельности Бюро и оказание моральной и материальной поддержки ему со стороны как профессиональных организаций губернии, так и планирующих.

3. Деятельность Об-ва Изучения Московской Губернии и Краеведного Бюро Губпроса должна находиться в тесной увязке с другими местными организациями и учреждениями, ведущими краеведческую работу.

4. Обратит внимание на дальнейшее развитие работы Общества Изучения Московской Губернии и Краеведческого Бюро Губпроса на периферии, в частности на усиление методического и консультационного обслуживания работников просвещения.

5. Обратит внимание на установление тесного контакта с профсоюзными организациями в части краеведно-экскурсионной работы, а также на краеведную работу среди кооперативных, советских и др. работников мест.

6. Организация Кабинета Краеведа, предпринятая Обществом Изучения Московской Губернии и Бюро Краеведения Губпроса должна быть доведена совместно с музейным П/Отделом М.О.Н.О. до размеров делающих его методическим центром краеведной работы в губернии.

7. „Бюллетень“ Общества должен стать центром выявления краеведно-исследовательских достижений мест губернии, соответственно чему должно быть обращено наибольшее внимание на привлечение к сотрудничеству работников периферии и объем издания должен быть увеличен.

8. Признать настоятельно необходимым продолжать комплексное естественно-историческое изучение губернии в намеченных ранее рамках, в тесной увязке этой работы с местными краеведческими организациями губернии.

9. Признать очередной задачей Общества Изучения Московской губернии при ближайшем сотрудничестве с его филиалами, подготовку к изданию краеведческих справочников (путеводителей, описаний и т. д.) по памятникам историческим, естественно-историческим и экономическим, а также научно-исследовательских работ по краеведению.

10. Признать необходимым продолжить и довести до конца начатую Об-вом работу по учету краеведческих сил губернии и изыскать средства на издание такого справочника.

11. Продолжая и углубляя работы среди широких слоев учительства, Бюро Краеведения Губпроса должно обратить серьезное внимание на постановку и руководство краеведческой работой среди политпросвет-работников, а также учащейся молодежи.

¹⁾ Заглавия докладов и их краткое содержание см. выше.

12. В целях вовлечения в краеведческое движение широких масс Бюро Краеведения Губпроса должно силами просвещенцев вести методическую краеведную работу путем постановки докладов, массовых вечеров и организации экскурсий.

13. Признать необходимым, чтобы Общество Изучения Московской губернии, ускорило работу по составлению карты Московской губернии, на основе всех имеющихся научно-краеведческих материалов.

14. Просить Президиум Московского Совета:

А. Оказать содействие укреплению материального положения дальнейшей поддержкой как губернских, так и нижестоящих краеведческих организаций Московской губернии, не имеющих достаточных средств для планомерной работы, и дать соответствующие указания на места о всемерной поддержке краеведческих организаций как моральной, так и финансовой.

Б. Оказать помощь Обществу Изучения Московской Губернии, начавшему издание единственного в губернии краеведческого журнала „Московский Краевед“ отпуском необходимых средств на расширение и продолжение этого издания, а также и на работу вообще.

В. Просить Президиум Моссовета оказать Обществу содействие в устройстве краеведной выставки при Краеведческой Конференции Р.С.Ф.С.Р. предоставлением помещения и отпуском необходимых средств на ее организацию.

Г. Поручить Ассоциации по изучению производительных сил или Обществу по изучению Московской губернии, в виду необходимости выпуска в свет для широкого использования краеведческими кругами имеющихся исследовательских работ по краеведению Московской губернии продолжать издательскую работу и расширить ее при содействии губернских краеведческих организаций, с отпуском необходимых на это материальных ресурсов.

Д. Обратить внимание М.О.Н.О., по линии его методической и музейной работы на усиление и расширение краеведческой работы в подведомственных ему просветительных учреждениях в контакте с местными краеведческими организациями.

Е. Обеспечить скорейшее окончание, согласно уже принятому комплексному плану, естественно - исторического обследования Московской губернии, имеющего исключительное значение для хозяйственно-культурного строительства губернии, а также обеспечить опубликование его результатов и организацию музейного использования собранных при обследовании ценных коллекций.

Ж. В виду того, что краеведческие музеи являются безусловно необходимыми очагами краеведческой работы, принять все меры предотвращения их свертывания (напр. Каширского и в Ольгове) и для сохранения собранного там ценного материала вновь развернуть эти музеи, а также дать указа-

ния на места о содействии вновь организующимся музеям.

3. В целях проведения в жизнь постановлений XIII-го Всероссийского Съезда Советов и постановления Совета Народных Комиссаров Р.С.Ф.С.Р.—обратить внимание Губплана на необходимость усилить деятельность состоящих при нем исследовательских организаций.

По докладу **Е. И. Лукьянской.**

1. Губ. Конференция, отмечая большую организационную и научно-исследовательскую работу, проведенную Звенигородским Обществом, а также тесную увязку работы этой краеведческой организации с местными хозяйственными органами, считает необходимым условием развития краеведческой работы губернии развитие и углубление связи Губернского Общества с его филиалами и другими уездными Краеведческими организациями в отношении разработки планов работ и их согласования, издания краеведческой литературы и карт, выездов специалистов на места, организации совещаний и т. п.

2. Обратить внимание краеведческих организаций на необходимость соблюдения основных картографических требований при издании карт.

По докладу **Е. С. Радченко.**

Отмечая большую работу, проведенную Воскресенским Музеем по изучению быта деревни и считая, что изучение быта деревни должно вестись на базе анализа ее экономики, с полным учетом культурно-просветительных мероприятий и что такое изучение представляется в методическом отношении делом чрезвычайно трудным, Губ. Конференция обращает внимание всех краеведческих организаций губернии на настоятельную необходимость: 1) углубленной проработки методики изучения быта и 2) дальнейшего углубленного изучения быта деревни, которое должно лежать в основе политпросветительной работы.

Губ. Конференция выражает уверенность, что общие дружные усилия всех общественных работников деревни (партийных, культурных, профессиональных и т. д.) при наличии широких мероприятий советской власти и общественных организаций будут и в дальнейшем направлены на скорейшее изживание отрицательных моментов быта деревни.

По докладу **С. И. Попова и Д. Я. Курносова.**

1. Губ. Конференция отмечает большую ценную работу, проделанную местными общественными работниками по изучению Софринской волости и считает необходимым принятие мер к скорейшему напечатанию этой работы.

2. Губ. Конференция признает необходимым составление и рассылку на места краеведным работникам Обществом изучения Московской губернии инструкций, программ по комплексному изучению и описанию волости в Московской губернии.

По докладу Н. И. Карапина.

1. В настоящий период хозяйственного и культурного строительства возрастает и приобретает еще большую жизненность и значение содержание краеведной работы. XIII Всероссийский Съезд Советов в своих постановлениях по народному образованию указал, что краеведческая работа является формой вовлечения широких кругов трудящихся в научно-исследовательскую работу. Отсюда совершенно правильно вытекает второе указание съезда о необходимости со стороны органов советской власти усилить содействие краеведению.

2. Современная школа неразрывно связана с социалистическим строительством; из его сущности вытекает основное содержание школьных программ и их комплексное построение, которое пронизывается принципом краеведения.

Краеведческий материал дает возможность школе избежать словесного метода преподавания, приводит школу вплотную к исследовательскому методу, но это возможно при одном условии, когда школа не только изучает свой край, но активно вмешивается в окружающую жизнь и вносит в ее хозяйственную и культурную сторону положительные для школы улучшения через общественно-полезный труд.

3. Современное состояние школы, когда на довольно широком фронте школьной практики замечается усиленный поворот в сторону учебы и ряд обследований указывают на выпадание сущности комплексности из школьной работы, и диктуют особенно внимательно отнестись к внедрению в школьную практику действенного краеведения.

4. Школа и учитель должны находиться в системе общей краеведной работы, чутко реагировать на основные практические задачи планирующих и хозяйственных организаций и учреждений, оказывая им сильную и ненарушающую педагогический процесс, а являющуюся его необходимым элементом, поддержку.

5. Учитель организатор и ближайший руководитель краеведческой работы школы — отсюда прямая и непосредственная задача — поднять квалификацию учителя в области краеведения.

6. В условиях Московской губернии эта работа проводилась летом и осенью 1925 г. и шла по правильным рельсам, но затем она порвалась и не была доведена до логического конца. В настоящий момент необходимо снова поставить этот вопрос практически и с осени текущего года в план массовой методической работы М.О.Н.О., Домов Просвещения и т. д. включить конкретные мероприятия по повышению квалификации учителя в области краеведения.

7. В этой работе по поднятию квалификации просвещенца в области краеведения признаны и должны сыграть особую роль Общество Изучения Московской Губернии, Краеведное Бюро Губпроса, Губмузей и

научно-исследовательские институты, ведущие краеведную работу. Они должны помочь органам М.О.Н.О. и профсоюзу в организации специальных занятий по краеведению в кружках и семинариях, которые работают в системе Д. Р. П. и в базовых школах. Необходимо развернуть массовую работу по вопросам краеведения, путем лекций в широких учительских аудиториях, организации экскурсий как по Московской губернии, так и дальних, тщательно подготавливая эти экскурсии и произведя специальные учетные заседания и конференции с коллективами, участвовавшими в экскурсиях.

8. Большую консультационную работу должен развить кабинет Краеведения, одновременно ставя себе задачей разработку программ а также помогая сельскому просвещенцу в его самообразовательной работе по усвоению основ краеведения.

9. Особое внимание должно быть обращено на вовлечение молодежи через школу в краеведческое движение. Здесь должны быть поставлены две задачи:

а) ориентировать учащуюся молодежь в основных вопросах краеведения в свете хозяйственно-культурных задач современности, прививая ей необходимые навыки в этой работе;

б) из молодежи готовить новые кадры краеведов, вовлекая их в научно-исследовательскую работу. Особенно важно привлечь к этому делу передовую молодежь в лице комсомола.

10. Конкретное содержание краеведческой работы школы установлено рядом предшествующих конференций (2-ая конференция по краеведению, совещание О.П.У. 1925 г., тезисы Б. В. Вессвятского, опыт работы ряда учреждений и т. д.). Необходимо только дополнить это содержание новыми моментами, вытекающими из сущности индустриализации страны.

11. Признать необходимым поставить на ближайшую очередь проработку Краеведческим Бюро совместно с М.О.Н.О. методических вопросов школьного краеведения.

12. Просить М.О.Н.О. обратить внимание на необходимость обеспечить школы статистическо-справочным материалом, картами и вообще пособиями по краеведению.

Первая конференция музейных работников Московской губернии.

Вопросы музейного строительства Московской губернии за последние годы стояли в тени; ни учета музейно-экскурсионной работы, ни единого плана, ни твердой сети не было. Музеи стихийно возникали в уездных и в волостных центрах и стихийно закрывались. Бесследно исчезли не только самые музеи, но и многочисленные их экспонаты в Москве (8 пролетарских музеев), в Кашире, в Коломне, в Верее и в ряде других центров, где общая обстановка, видимо, не благоприятствовала существованию и развитию музейного дела.

На ряду с этим за те же годы проявилась и другая тенденция к организации новых и восстановлению полузакрытых музеев в таких центрах, как Сергиев, Ленинск, Серлухов, при чем музеи оживают и возникают вновь, главным образом, по инициативе местных краеведческих обществ и лишь в меру деятельности последних оказываются более или менее жизнеспособными.

Вопросы изучения края, его производительных сил, его экономики и культуры стали настоятельными. Ряд уездных хозяйственных центров поставлен вплотную перед необходимостью привлечения широких общественных кругов, как к изучению комплекса хозяйственных явлений в районе, так и к собиранию соответствующих материалов о них. Краеведческие общества, призванные к выполнению этой роли, оказались теми застрельщиками в создании и развитии музейного дела в губернии, без которых совершенно не мыслится никакая работа наших краеведческих музеев. Так или иначе, в 1926 г. на территории Московской губернии действовало около 15 краеведческих музеев. Иные музеи, как Звенигородский, Волоколамский уже с 1923—24 года начали перестраивать свою работу с историко-художественных рельс на рельсы краеведения. И перед теми, и перед другими стояли (и стоят еще по сие время) не решенными труднейшие вопросы музейного строительства.

Увязка и объединение деятельности учреждений и организаций на территории уезда по собиранию материалов, систематическое их изучение, изыскание средств на проведение исследовательских работ, планы построения музея в целом и его отделов, экспозиция материалов и многое другое, — все это стало на очередь перед каждым музейным работником и каждым новым музейным организмом.

С созданием Музейного отдела МОНО (Губмузей) с лета 1926 г. открылись возможности к установлению руководства всем этим делом в губернии и к налаживанию связи со всеми теми организациями и учреждениями, которые причастны к нему. Одним из важнейших итогов происшедшей в январе 1927 г. I-ой губ. конференции музейных работников надо признать именно установление связей и реальные попытки к объединению музейно-краеведческого дела в губернии.

Центральным вопросом конференции был вопрос о взаимоотношениях музеев, краеведческих обществ, Губмузея и Уиков. При крайне ограниченных штатах музеев единственным резервуаром откуда музею придется черпать силы для проведения научно-исследовательской работы и пополнения музея новыми экспонатами становятся краеведческие объединения. Естественно, что в той или иной мере идеологическое, научное руководство работами музея принадлежит по праву, краеведческим обществам и задачей Губмузея и Губернского Общества будет установление форм этого

руководства и границ идейного влияния на всю организацию музейного дела.

Не малое место на конференции заняли вопросы экскурсионного дела в музеях. Преобладающий до сего времени формально эстетический критерий в экскурсиях по художественно-бытовым музеям явно не удовлетворяет массового посетителя рабочего и крестьянина, и необходимость социологической оценки музейного материала, по крайней мере — в виде дополнения к формальному освещению ощущается остро и самостоятельно.

Со всей категоричностью стал вопрос о взаимоотношениях музеев и местных Уиков.

Наиболее типичной формой этих взаимоотношений до сего времени было безучастие и безразличие УОНО к работе и к жизни местного музея. Это можно установить на опыте подавляющего большинства местных музеев.

Конференцией была одобрена инструкция об управлении музеями, предусматривающая, с одной стороны, близкое и деятельное участие местных УОНО в жизни музеев, а с другой — полное сосредоточение всего программно-научного руководства в Губмузее МОНО.

Вопросы научно-исследовательской работы в музее оказались на конференции едва ли не важнейшими вопросами.

Доклад К. А. Соловьева привлек исключительное внимание участников. Самый интерес к этому вопросу со всей убедительностью показал, что музеи губернии уже вышли из того тяжелого организационного периода, когда вопросы научно-исследовательской работы в музеях были далеко не первыми и когда организационные мероприятия — накопление материала, непрерывное перемещение музеев и поиски правильной экспозиции — отнимали все, далеко не регламентированное время работников музея и краеведческих организаций.

Конференция установила, что основной задачей краевого музея является всестороннее изучение края, что „краевой музей является научно-исследовательским учреждением, которое должно входить в общенаучную семью Республики и посылно разрешать обще-научные проблемы и путем научного освещения разнообразных вопросов местной жизни содействовать поднятию производительных сил и культурного уровня края“. С наименьшей категоричностью конференция высказалась за необходимость выработки годовых и перспективных планов работы музея. Очевидно, что, если краевой музей хочет выполнить те огромные задачи, который он себе ставит по изучению края, то это изучение должно строго увязываться с конкретными нуждами хозяйственного и культурного строительства в крае на определенное время.

Конференция в своих резолюциях подчеркнула что, „в основу перспективного плана деятельности музеев на продолжительный

период должны лечь интересы текущего хозяйственного и культурного строительства в крае, а самая работа должна быть согласована со всеми исследовательскими учреждениями в крае", — и такую формулировку надо признать единственно правильной.

Другим не менее важным вопросом на конференции был вопрос о популяризационной работе музея. Мало-по-малу музеи становятся центром краеведческой и иной культурной работы в районе. Поэтому вопросы популяризации их деятельности властно становятся в порядок дня. Музеи не могут уже ограничиться только экскурсионной работой, а должны все глубже входить в круг общественной и хозяйственно-культурной жизни края, а соответственно этому самую экскурсионную деятельность приходится строить как-то иначе. Экскурсоводы не всегда удовлетворяют посетителей своими объяснениями, которые к тому же, как выяснилось на конференции, не всегда бывают и добросовестными и достаточно научными. Москва с ее окрестностями за год пропускает свыше миллиона посетителей в музеях. Вся эта масса требует себе опытных руководителей, знающих не только общие принципы музейного дела и знакомых с общими вопросами искусства или краеведения, но и посвященных детально в содержание каждого обозреваемого музея. Все это говорит за необходимость урегулирования экскурсионного дела в губернии и его упорядочения.

Другой стороной популяризационной деятельности музеев конференция признала

расширение просветительной работы музеев с местным населением; организация периодических выставок, чтение лекций, проведение бесед на материале музея, освещение событий, связанных с музеем или краем — все это поставлено в порядок дня каждого музея.

Среди других вопросов конференция разобрала также вопрос об участии местных музеев и краевых организаций в деле охраны и учета памятников искусства, старины и природы. Вся огромная работа Губмузея, проведенная в этой области до сего времени, страдала отсутствием связи Губмузея с местами. В разрезе этой работы конференцией было уделено особое внимание археологическим раскопкам и охране памятников археологии в крае. Эта область по большинству уездов нашей губернии остается плохо изученной и мало отраженной в экспозиционных залах музеев.

Последним вопросом конференции было сообщение о работе Кабинета краеведения.

Два дня конференции прошли в оживленной внимательной работе. Конференция впервые свела работников музейного дела в губернии вокруг общих проблем музейного строительства, поставила эти проблемы, как очередные, на текущий период и внесла ясность во многое из того, что за отсутствием общего руководящего центра до сего времени или вовсе не находило себе разрешения или решалось случайно.

И. К-ий.

Текущая работа государственного художественно-исторического краевого музея в г. Воскресенске Московской губ.

Весенне-летний период текущего 1927 г. в работе музея отмечен выполнением следующих работ.

В области изучения природы — задуманное и начатое еще летом 1926 г. изучение озер Воскресенского района систематически продолжается и в 1927 г. — объектами изучения являются озера Тростенское (Онуфриево), Чудцево (Ижево), Голубое, Новинки и Баево болото.

Музей предполагает, что исследование намеченных пунктов даст полную картину озерного ландшафта, выяснит происхождение озер данного района и позволит рассмотреть их как разные стадии одного и того же процесса. Изучение ведется в направлении геологическом, ботаническом и зоологическом. В настоящий момент закончены работы на Тростенском и Чудцевом озере, и экспедиция находится на Голубом озере. В этом году впервые в экспедиции музея принимают участие несколько членов Общества изучения местного края¹⁾ (учащиеся II ступени). Музей надеется, что исследования и сборы текущего лета позволят дать очерк озер Воскресенского

района и завершить попытку ландшафтной экспозиции, начатую прошлой зимой.

Работы по истории края велись разными п/отделами в следующих направлениях: Археологическим п/отделом ведется обработка ранее собранного материала. Раскопки, производимые в текущем году (в районе Москвы-реки) направлены на то, чтобы связать материалы Воскресенского района с соседними.

П/отделом истории края была проделана работа по выяснению границ Воскресенского уезда в период 1781—1796 г., когда он составлял самостоятельную административную единицу. Составлена сравнительная карта границ 1790 и 1921 годов.

На современную карту уезда нанесены данные 1852 года (К. Нистрем и др. источники), что дало представление о составе владений на территории нынешнего уезда (государственные, частно-владельческие, ведомственные), а также о численности населения в каждой из этих групп.

Дополнена и разбита на отдельные листы карта района, составленная по литературным источникам на XV, XVI и XVII в.в., с нанесением уделов, станов и волостей.

¹⁾ Филиал Губ. О-ва.

Для выявления истории города составлены планы-чертежи на начало XVII в., 1688 г., 1784, 1885 и 1912, с указанием названий, числа дворов и жителей, что дает возможность проследить образование и рост города из дер. Сафатовой, Макруши и пуст. Котельниковой, превращающихся в села Воскресенское и Вознесенское, затем в заштатный город Воскресенск. Выполнен ряд зарисовок со старых построек города (обывательские дома, ремесленные заведения и пр.) в целях отражения в музее до-революционного Воскресенска.

Систематически продолжалась в текущем периоде работа по изучению памятников усадебной и церковной архитектуры. К настоящему моменту закончена регистрация архитектурных памятников XVII и XIX в. На памятники церковной архитектуры составлена картотека, алфавит, некоторые описаны, напр. сгоревшая церковь в с. Никулино постройки XVIII века. Среди зарегистрированных — 5 церквей деревянных (XVII и XVIII в.), остальные каменные (XVIII и XIX в.). Особенно интересны: постройка академика Старова 1786 г. в с. Никольском — Гагарине, храм 1685 г. в Петровском (б. Голициных) и храм XVII в. в Павловской-Слободе, сооруженный боярином Борисом Морозовым.

В целях освещения эпохи крепостного права в районе подбирается материал для составления историко-экономических очерков помещичьих усадеб (4 проработаны детально, для 14 подобран материал).

Продолжалась работа по собиранию легенд и преданий о прошлом крае. Записана характерная легенда о „затонувшем храме Воздвижения“ (Мамошенской волости) на месте, где по литературным данным в XVII в. действительно значится церковь Воздвиженья и погост, повидимому уничтоженные в Литовское нашествие.

Интересны для музея и некоторые случайные поступления; так, за истекший период поступил клад монет (медные пятаки) XVIII в. найденный в Павловской вол.; продолжается составление меморативного альбома общественных, литературных и художественных деятелей, связанных с районом. Установлен факт полемики Л. Н. Толстого с бывшим настоятелем Новоиерусалимского монастыря арх. Леонидом (историком Л. Кавелиным) в 1870-ых годах; полемика велась через местного землевладельца писателя П. Д. Голохвастова. Получены дополнительные сведения о декабристе И. Д. Якушкине и его семье (жена Якушкина — А. Н. Шереметева — местная землевладелица). Закончен схематический план и внесены дополнения в „Некрополь“ быв. Новоиерусалимского монастыря.

Работа п/отдела истории монастыря и церковного прикладного искусства за текущий период заключалась в коренной перестройке экспозиции прежнего материала, что явилось прямым результатом изучения истории архитектурных памятников и событий, вызвавших их существование.

Музей ставит себе задачей, как в научных, так и в просветительных целях путем подбора документального материала дать объективный анализ общественно-экономических фактов, приведших к постройке монастыря и собора. Как ни значительна литература, посвященная этим страницам русской истории и в частности личности Никона — приходится констатировать, что даваемое в ней освещение интересующих музей вопросов является неприемлемым для современной научной мысли. Если прибавить к этому то совершенно ложное освещение, которое придавалось Никону „популярной“ литературой, в изобилии распространенной монастырем — ясна станет многосторонность задач, лежащих в этой области перед музеем. К сожалению, имеющихся в музее материалов не достаточно для отражения всех моментов борьбы различных общественных групп, тем более, что часть чрезвычайно ценных материалов еще до революции была вывезена из монастыря в московские музеи и возвращение их пока встречает возражения. В жизни же музея это очередной вопрос.

В текущем году предстоит закончить научное описание коллекций п/отдела прикладного искусства. Новая экспозиция материалов этого п/о распределяет экспонаты, сгруппированные по производственному признаку на две основные группы по месту бытования: монастырь и сельская церковь.

Архитектурный п/отдел музея продолжает попытки изучения отдельных моментов истории наших памятников (собор, скит, надвратная церковь, стены, Елеонская часовня и т. д.), но они, конечно, не могут удовлетворить музей, развернуть же планомерное систематическое изучение этих первоклассных памятников русского зодчества мешает отсутствие средств.

П/о усадебной культуры в настоящий период занят научным описанием материала и лишь немного пополнился отдельными вещами, обнаруженными при дополнительных обследованиях бывш. усадеб в районе деятельности музея. Вновь создан уголок парадного входа после реставрации дворовой лестницы.

В области изучения деревни, ведущегося в направлении экономическом и бытовом, основной работой является монографическое изучение одной из деревень уезда, выполняемое по программам О-ва изучения Московской губернии. В настоящий момент закончено поселенное и подворное описание (102 двора), начата их обработка, заполнены два годовых бюджета (по форме Наркомзема), записаны до 200 песен и прибауток, народный календарь, описана свадьба и местные праздники. До осени предстоит описать и заснять работы по уборке урожая. Подобран материал к характеристике истории землепользования с 1861 года.

Помимо работ, связанных с монографией, весной закончено описание домашнего ткачества, при чем материалы последней поездки

позволяют установить последовательность разных видов оборудования, обнаруживающую упрощение техники, вполне соответствующее общему упадку значения домашнего ткачества. Коллекции музея пополнились ценными экземплярами „бранья“ (рукав рубахи, концы полотенец) и вышивки шелком (сороки). Захваченный весенним обследованием район (Мамошинской волости) обнаруживает большую близость с казавшимся прежде изолированным районом „Никольщины“ (обследование 1926 г.).

Этой же весной в пополнение прошлогоднего обследования района Тростенского озера составлено по непосредственным наблюдениям описание рыболовного промысла (неводом, перстами, острогой, в „избушках“, выморкой, наметками), при чем собрана значительная коллекция рыболовного снаряжения. Наиболее ценным приобретением этого года является досчатая лодка из 3 досок, повторяющая форму долбленого „судна“ и являющаяся переходной стадией от долбленого судна к современной дощанке. Связанные с указанными исследованиями поездки позволили пополнить сведения о народном костюме. Так, установлено бытование косоклиного сарафана в Мамошинской волости в 1880-ых годах. Там же носились безрукавки с пустыми сборами, сохранившие в памяти населения название „желтых курточек“. Впервые встретилось воспоминание о полотенце—головном уборе, относимое к 1870-м годам.

В разгар весенних работ Музеем пришлось уделить неделю для занятий с группой студентов 2 М.Г.У. (школьное отделение III курс), приехавших на краеведный практикум. Музей с удовлетворением отмечает, что организационная слаженность группы, ее отношение к работе, а так-же большая (сравнительно с группами прошлых лет) подготовка позволили музею провести работу так, что проделанное обследование одной из ближайших деревень носило не только методический характер, но дало материал, который, при некоторой дополнительной обработке, может быть использован Музеем.

Во второй половине лета и осенью силы музея в деле изучения деревни будут направлены на подготовку выставки „современная деревня“, задуманной музеем в ознаменование 10-й годовщины Октябрьской Революции. Попытка музея привлечь к этой работе политпросветработников уезда (согласно решению III уездной краеведческой конференции), пока не дала конкретных результатов.

В теснейшей связи с вопросами изучения деревни стоит вопрос реорганизации экономического отдела Музея. В ближайшее время в Музей поступают разработанные Мосгубстатбюро 16 годовых бюджетов, выполненных в 1926 г. силами работников музея и Устатбюро. Разработка этих бюджетов, характеризующих промысловый и сельскохозяйственный районы уезда, и будет положена в основу экономического отдела. Кроме того, музею в лице некоторых работников предстоит участие в обследовании динамики кустарных промыслов, организуемом Ц.С.У.

Очередной задачей музея, помимо текущих задач каждого отдела, является непосредственное участие в организации выставки „10 лет Советской власти в Воскресенском уезде“, организуемой Уисполкомом в помещении музея.

В архиве рукописей и документов XVII—XVIII в. продолжалась начатая работа по разборке и описанию их. Ведется подробное описание столбцов и других бумаг с кратким изложением содержания, описанием внешних признаков и сохранности. Попутно делается выборка историко-географической номенклатуры и упоминаемых лиц. С грамот, необходимых в текущей работе по истории края, производится транскрипция. В настоящий момент много сил отнимает работа над приведением в порядок книжных богатств музея. Разбор книг (из быв. монастырской библиотеки, бывш. помещичьих и современные поступления) имеет целью подобрать материал, характеризующий библиотеку помещика (кончая первой половиной XIX века), библиотеку монастыря XVII—VIII в. и подобрать рабочую библиотеку, обслуживающую нужды научных работников музея. Вся научно-исследовательская работа Музея перемежается с просветительной деятельностью. Весной проведены были доклады о работе музея на собраниях населения. Основной же формой просветительной деятельности является проведение экскурсий. Экскурсионная волна текущего года превышает прошлогоднюю; за март—июнь музей пропустил более шести тысяч экскурсантов, среди которых преобладают приезжие экскурсии, направляемые московскими организациями. Состоялся ряд экскурсий местной молодежи из отдельных районов. Особенностью этого года являются большие группы пионеров, стоящих лагерями на территории уезда.

Секретарь Совета Музея *Е. Радченко*.

Экскурсия школьных работников Ухтомского и Разинского районов Московского уезда (16—17 V/II—1927 г.) в Музей Дмитровского края.

Школьные работники Ухтомского и Разинского районов организовали экскурсию в Дмитровский Музей с целью ознакомления с Музеем и с методами изучения края.

Беседа, проведенная заведующим Музеем 16/VII, познакомила нас с историей возникновения Музея и с основными задачами, стоящими перед краеведами: а) изучение

библиографии края и в) техника собирания и записи материалов.

Экскурсия по валу Кремля широко охватила прошлое и настоящее города и указала метод ведения школьных экскурсий.

17/VII мы знакомимся с Музеем. По диаграммам и картограммам был ярко выявлен метод проведения краеведения в школе: место, занимаемое данным селением в волости, уезде, губернии, в С.С.С.Р. и на земном шаре; плотность населения волости уезда, трудоспособность жителей, грамотность, занятия, дороги. Указаны были пути организации школьного музея.

Затем мы ознакомились с экономикой Дмитровского края узнали, что главное занятие жителей—земледелие, видную роль играют кустарные промыслы и текстильная промышленность.

В естественно-историческом отделе нам показали, как вести фенологические наблюдения применительно к школе, какую пользу могут принести в области краеведения и мало подготовленные люди. Интересная группировка материала по ландшафтам выявила нам особенности природы края.

Культурно-исторический отдел дал нам методические указания и показал на основе раскопок городищ и курганов развитие культуры с II в. до наших дней. Ярко противопоставлены в музее быт помещиков и крестьян.

История революции представлена в портретах декабристов местного края, в портретах, документах и вырезках из газет и других материалах деятелей подпольных организаций—1905, 1907—10 г. Отдел 1917 г. еще не закончен также как и последующий период.

Принципы построения Музея Дмитровского края и прекрасные объяснения, данные его работниками, ярко выявили жизнь края. Экспонаты—результат труда работников музея, местных педагогов и учащихся, показали нам возможность участия школы в краеведческой работе.

Для нас школьных работников крайне ценны были указания руководителей по работе на местах. Экскурсия дала нам бодрое, отрадное настроение и наметила пути нашей краеведной работы.

М. Арнольдова и А. Соколова.

Естественно-исторические исследования, при опорном фено-метеорологическом пункте Мозо Гельтищево, (ст. Химки) направлены к изучению природной обстановки. Собрано до 500 видов цветковых и высших споровых растений, много

мхов, лишайников, грибов, значительные коллекции насекомых, живущих на посевах; предварительная разработка энтомологических сборов позволяет установить до 120 видов жуков; установлено наличие редких для Московской флоры растений, как-то: *Orobus niger* L., *Arrhenatherum elatius* M., et. K., *Deschampsia flexuosa* Trin., *Limnathemum nymphaeoides* (L) Link., *Hieracium vulgatum* Fries; оказался новый вид грибов из рода *Musaena*.

Фенологические наблюдения поставлены в направлении, обеспечивающем изучение растительных организмов, как показателей различных условий их существования.

Н. К.

Археологические раскопки. В июне текущего года в Ленинском уезде, Московской губ. под руководством Л. А. Евтюховой, при участии С. В. Киселева и зав. Ленинским музеем Е. В. Сосенковой велись раскопки в 2-х пунктах по р. Волге: на городищах у д. Прислон и у с. Белгородок.

В первом пункте раскопками установлено наличие 3-х культурных наслоений, сильно отличающихся друг от друга: верхнее—славянской культуры; среднее—культуры городищ Дьякова типа—как всегда давшее много костяных поделок; найдены наконечники стрел, иглы, рукоятки, пряслице из глины, бронзовые булавки, каменный ручной жернов интересной формы, утюжок—гладилка и пр.; третье—вероятно, нижний слой, содержал каменные орудия типичные для Верхне-Волжского макролита с их грубой обработкой (топоры, скребки, наконечники стрел и дротиков и др.).

Весь материал предполагаемого 3-го слоя собран на отсыпи под городищем, его существование подтверждают раскопки, произведенные здесь в 1903 году Н. Макаренко по поручению Археологической Комиссии, давшие такой же материал из культурного слоя. В настоящее время от городища осталась незначительная часть—все остальное смыто Волгой.

Второй пункт работ—городище у с. Белгородок, т. н. „Старые ямы“ интересно своей формой—площадь его представляет четырехугольник, окруженный с трех сторон 2-мя валами и ровом между ними—четвертая сторона—обрыв к Волге.

Заложенная на площади городища рекогносцировочная траншея вскрыла тонкий культурный слой, содержащий обломки керамики с сетчатой поверхностью, украшенной ямочным орнаментом—древне Дьяковской культуры.

Л. Е.

БИБЛИОГРАФИЯ

По истории Москвы и губернии.

В мелькнувший перед нами полугодовой промежуток - между выходом 1-го и 2-го выпусков „Московского Краеведа“ напечатано всего лишь несколько брошюр и листовок, задевающих интересующие нас вопросы. Однако это не дает нам права пройти мимо них и не дать о них хотя бы самого краткого отзыва; пригодится это и для библиографии вопроса.

1.

Серия полулистовок от 4 до 11 страниц, в одну шестнадцатую изданная Государственным Русским Музеем в Ленинграде и помеченная декабрем 1926 г. с тиражем 1.000. Один выпуск, помеченный 1927 г. с тиражем в 3.000, как бы поясняет причину выпуска остальных девяти, написан заведующим историко-бытовым отделом профессором М. Приселковым и носит заглавие „Труд и быт крепостных (XVIII-XIX в.в.)“. Выставка историко-бытового отдела Государственного Русского Музея в Фонтанном доме.

На восьми страничках описание выставки покомнатно в самом сжатом виде. Судя по описанию Фонтанный Дом, т.е. дом Шереметевых на Фонтанке в Ленинграде „как он сохраняется в своем внутреннем убранстве, представляет собою замечательный памятник вельможного быта эпохи крепостного хозяйства, являющийся обильным и драгоценным источником для изучения истории, как помещичьего быта, так и быта крепостной деревни“, т.е. представляет собою краеведческий материал, который было бы чрезвычайно интересно сравнить с материалом, выставленным у нас в Москве в Государственном Историческом Музее на выставке почти такого же наименования и заключающем в себе не мало предметов, связанных с Шереметевским же, но Московским хозяйством.

На фонтанной выставке мы смогли бы встретить не мало имен и вещей непосредственно и тесно связанных с Москвой, здесь и Аргунов с Тропининым и Останкино с его театром и „канцелярским институтом“ и, конечно, с Парашей Жемчуговой, о которой почему-то сказано, что она после нескольких лет борьбы и страда-

ний кончила нерадостную свою жизнь тайной графиней Шереметевой.

Мы, москвичи, не так лирически и мистически настроены, как ленинградцы. Для нас Прасковья Ивановна вовсе не такая сплошная страдальца и совсем не тайная графиня.

В. К. Станюковичу принадлежат в этой серии две листовочки: „Семья Аргуновых“—крепостных художников Шереметевых и „Домашние крепостные театры XVIII века“, где говорится преимущественно о Кусковском и Останкинском театрах, принадлежавших Шереметевым. Обе листовки не дают ничего нового. В них уже слишком много старого и самое неприятное из этого старого—рыдания автора о повелителях, грубейшем произволе, трагическом конце“ и т. п. В. К. Станюкович, как и профессор Приселков, говорит о тайном браке Н. П. Шереметева и Прасковьи Ивановны, тогда как брак этот, повторяю, для москвичей был явным, совершенным в Москве, в церкви, расположенной в нескольких шагах от Воздвиженского дома Шереметевых.

С. Киселевской принадлежит листовка „Крепостная фабрика в селе Купавне“ (Богородского уезда). На семи маленьких страничках, конечно, многого не скажешь, тем более за слишком 200 летнее существование фабрики, но не упомянуть о брошюрке нельзя, т. к. она говорит о фабрике, находящейся в нас интересующем и изучаемом нами районе.

Я бы отметил еще две листовки хотя к Московской губернии непосредственно и не относящиеся, но имеющие общий интерес. Это самая „толстая“ в 11 страничек, листовка А. Степанова—„Крестьяне капиталисты“ между прочим единственная, снабженная перечнем литературы по вопросу и „Земледельческие орудия времени крепостного права“—Ю. Сукачева.

В последней автор почему-то остановил свое внимание только на сохе, косуле и плуге; под конец переходит на сельскохозяйственные машины, кончая жатками 1858 года. Как будто кроме сохи никаких сельско-хозяйственных машин и орудий не было.

Общее впечатление от серии бледное и дающее только кое-какие намеки по затронутым нами вопросам, а цена значительная—вся серия 1 руб., каждая листовка (все они даже без обложек)—10 коп.

2.

Ближе к нам другая местная московская серия, выпускать которую начало в этом году „Управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки. Пока вышли два очерка К. В. Сивкова и один очерк В. К. Станюковича.

Как видим и здесь, как и в Ленинграде большинство тем почерпнуто в Шереметевских архивах, которые, к счастью, не продолжают мирно покоиться в вязках, а разрабатываются нашими историками и бытовиками.

„Покровское - Стрешнево“, очерк К. В. Сивкова напечатан в 2.000 экз., содержит 13 страниц текста и три чертежа и дает историко-экономическое описание музея-усадьбы накануне превращения его в дом отдыха, или что-то в этом роде. Очерк таким образом является чем то в роде некролога. Очерк издан во время, т. к. в последствии вряд ли он появился бы, а в теперешнем ее виде усадьба совершенно не интересна. Наиболее ценны в очерке чертежи, фасад дома в 1766 году и фасады того же дома—южный и северный в начале XIX века.

Очень жаль, что интересной, но сильно архитектурно искаженной детали усадьбы—Елизаветину отведено всего лишь шесть строчек и то в сноске; оно заслуживает большего внимания.

„Штат села Кусково“ того же автора уместился на 13 же страницах и вышел в 1.000 экз. Очерк состоит из опубликования одного из документов из бывшего собрания П. И. Щукина, хранящегося ныне в Архиве Государственного исторического Музея и представляет из себя ведомость, заключающую в себе сведения о количестве людей, обслуживавших Кусково в 1786 году и что стоило содержание этих людей. „Штат“ увеселительного дома, как тогда называлось Кусково,—171 человек без артистов и музыкантов театра, а вместе с соседним Вешняковым 204. Общий расход на содержание штата—17718 руб. 74¹/₂ коп., из них 8.280 рублей деньгами. Одни эти цифры делают документ заслуживающим внимания и способным пробудить интерес к его изучению. Каждый очерк стоит 15 коп.

Третий очерк принадлежит В. К. Станюковичу, называется „Бюджет Шереметевых 1798-1910 г.“ и состоит из 25 стр. текста и 4-х диаграмм. Тираж—3.000 экз., цена 25 коп.

Здесь Шереметевы в всероссийском масштабе, суммы миллионные.

Автор выдерживает свой стиль, он и здесь не удерживается от „рыданий“ и не упускает случая сообщить о П. Б. Шереметеве следующую сенсацию:

„После подавления Пугачевского восстания, в Москве распространился слух, что у Пугачева отобраны большие суммы, которые правительство намерено отдать в рост. Петр Борисович проверял этот слух через своего петербургского управляющего, рассчитывая сделать заем из этих „награбленных денег“ (стр. 8)“.

Рассматриваемая серия заслуживает внимания и ей следует пожелать успеха. Она способствует, хотя и не очень интенсивному, но все же хоть какому-нибудь проникновению в массы сокровищ наших исторических архивов, можно сказать, совершенно еще не початых.

3.

Заслуживают внимания две брошюры, изданные Объединенным Экскурсионным Бюро Н.К.П. Это „Маршруты“ экскурсий на лето 1927 г. ¹⁾ (38 стр., тираж 15.000 экз., цена 20 коп.) и „Справка об экскурсиях в Москву на 1927 г. для приезжающих и местных экскурсантов“. (15 стр., тираж 5.000 экз., цена 8 коп. с пересылкой).

Наше Московское Экскурсионное пользуется заслуженной славой. Его руководителям чуть было не удалось экскурсионное дело превратить в науку. Оба справочника похожи скорее на учебники, хотя и очень краткие (и цена у них маленькая), но переполненные и методическими и практическими указаниями. Самым значительным является характеристика рекомендуемых к посещению учреждений; в некоторых случаях она доведена до виртуозности, например, по отношению к Зоосаду, учреждению действительно представляющему исключительный интерес для всевозможных групп посетителей. Для рабочих-производственников с общей задачей повышения общественно-политического уровня или для ставящих своей целью поднятие квалификации Зоосад характеризуется как „приспособление организма к среде“; для крестьянской группы—„как произошли домашние животные“; для группы женщин-работниц „откуда произошли домашние животные“; для групп педагогов „пропаганда научного мировоззрения“ и т. д.

Детальнее, по крайней мере теоретически, разработать тему трудно. Не знаю, как это выходит практически и можно ли, приведя например группу крестьян или женщин работниц, сосредоточить их внимание на том, как и откуда произошли только домашние животные, оставив совершенно в стороне всех животных имеющихся, в Зоосаде но не имеющих отношения к эволюции домашних животных.

Нельзя сказать чтобы Экскурсионное [о]шло вниманием и краеведческие вопросы. Открыто оно заявляет об этом в примерном плане экскурсий для клубников пункт 12—„Краеведческие экскурсии по городу (в связи с краеведческими кружками). Во всех остальных случаях краеведение, несомненно, само собою подразумевается. Оба справочника иллюстрированы

и иллюстрированы не как-нибудь, а гравюрами такого первоклассного мастера, как А. И. Кравченко, что, конечно, украшает обе книжки. Только я бы, например, не стал мешать прекрасные гравюры Кравченко с цинкографиями домашних фотографий, как это сделано в „Маршрутах“; получается нечто французское с нижегородским.

4.

Особняком придется немного остановиться на вышедшей в июне с. г. в издании „Транспечати“ Н. К. П. С. под редакцией Э. С. Батенина „Карте окрестностей Москвы“.

Эта карта должна, повидимому, удовлетворить экскурсантов всех сортов и удовлетворить графически, т. к. карта издана без текста.

В тексте только условные знаки, не указано даже как ими удобнее пользоваться. Но зато условных знаков целая сотня на все вкусы. Тут обозначены: I) населенные пункты, II) благоустройство и развлечения, III) пути сообщения, IV) природа, V) исторические музеи и бытовые памятники, VI) экскурсии.

Материала уйма, вся карта испещрена знаками, а как на ней, что-нибудь найти?

Положим, что вы интересуетесь где можно поохотиться. Во II разделе вы найдете „охота“ и знак—ружье. Начинаете бегать по карте глазами и находите около Кудинова значек и надпись „утки“, а около Братовщины значек и надпись „глухари“.

Возьмем другой пример: вы интересуетесь археологией, хотите отыскать курганы, городища. Значки находите в V разделе исторических музеев и бытовых памятников. Опять после усиленной беготни глазами по карте вы наткнетесь и на городище и на курганы, но только в окрестностях Воскресенска; в других местах вы их не обнаружите.

Подобное беганье глазами очень утомительно и мало удовлетворяет. Если вы пожелаете ознакомиться, что по какой железной дороге вы можете встретить, то вам при каждом значке надо отводить глаза в сторону условных знаков и попутно давать выписку тех мест, которые вас по тому или иному вопросу интересуют, а это на меньшее мытарство.

Чтобы избежать этого утомления и мытарства, карту следовало бы снабдить систематическим указателем, что, вероятно, не очень увеличило бы ее стоимость.

Теперь о самой карте.—Масштаб ее мелкий—два километра в сантиметре или 6 верст в дюйме, напечатана она в три краски—черная, красная, синяя, охватывая площадь почти в 9.000 километров при чем на юг и на восток от города Москвы всего лишь на 30 километров, на север и запад на 50 километров. Надписи населенных пунктов сделаны разным шрифтом, но что означает эта разница в тексте не объяснено.

У многочисленных Никольских, Петровских, Рождественных не прибавлены их вторые названия, почему расшифровать их трудно.

Обращает на себя внимание разница в наименованиях поселка и станции, поселка и реки. Например станция Коренево, село Корынево; станция Вешняки, село Вишняки; платформа Тайнинская, село Танинское деревня Хрипань, река Храпынка и т. п.

Нельзя не обратить внимание и на неправильное написание названий, напр. Поворово вместо Поворова, Радумля—вместо Радомля, Листвени—вместо Листвяны, Богородицкое (в черте г. Москвы) вместо Богородское, Могулша (река приток Истры) вместо Моглуши, Клотерова—вместо Котерево, Мыконица вместо Мыконино и т. д. и т. д.

Конечно, есть и пропуски. В разделе совхозов, почему-то пропущены такие большие как в Зенькине и Железникове около Воскресенска; в разделе фабрик, почему-то пропущена такая большая суконная фабрика, насчитывающая ок. 1.000 рабочих, как Ивановская (бывш. Попова), ныне Октябрьская—около ст. Манихино; в Воскресенске не помечена шелкомотальная фабрика.

Отмечая Люблинские поля орошения, карта почему то не отмечает Люберцких полей орошения. В условных знаках имеется и такой: „возвышенности, с которых открываются виды на Москву, или на окрестности“. На карте я нашел всего два таких счастливых места: около Звенигорода, от дороги между монастырем и Ершовым, да от Дюдкова, а например Воробьевы горы, Поклонная гора, с которых видна Москва, такого знака не имеют.

Есть такие условные знаки, которые мне на удалось найти на карте, например купанья и рыбные ловли; казалось бы и то и другое можно найти в очень многих местах на изображенном пространстве, но мне это не удалось.

Хотел я воспользоваться также случаем найти подмосковные золотые прииски, которые помечены в IV разделе—природа, но так таки соответственного заманчивого обозначения и не нашел.

Ошибки и пропуски мною указаны, конечно далеко не все. Корректировать карту не входит в мою задачу. Однако, несмотря на обилие в карте указанных недочетов, все же она представляет из себя хорошее и нужное начинание. Насколько мне помнится, такой графический опыт—первый и он очень интересен, тем более, что пополняет все еще зияющий пробел при все нарастающей потребности в каких-либо пособиях в нашем экскурсионном деле и тяге на лоно природы. Тираж карты 15.000 экзempl. Цена не очень высокая—75 коп., так что вероятно к будущему лету издание придется повторить и тогда отмеченные недочеты желательно сгладить.

Я не отметил многих положительных сторон карты, которые она, несомненно, имеет, но это придется отложить до нового ее издания.

Петр Миллер.

1970 Н.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стран.</i>
Б. Веселовский. — Наши ближайшие задачи	3
Очередные задания губплана по адресу Московского Краеведения	5
Н. Луцихин. — Работа Краеведа в области изучения геологии в связи с очередными задачами культурно-хозяйственного строительства Моск. губ.	7
В. Успенский. — Полезные ископаемые Богородск. уезда	11
Н. Кузнецов. — К вопросу о значении фенологических наблюдений в деле изучения местного края	35
В. Карпов. — Чайки под Москвой	38
В. Силина. — Участок леса Северного типа в Московск. у.	40
А. Левицкий. — Положение дела экспедиционных естественно-научных исследований в Московск. губ. в 1927 г.	42
Н. Луцихин. — Работы геологического бюро	45
П. Дьяконов. — По подмосковным камnelомням	46
А. Воронков. — Геоморфологические наблюдения долин речек Речьмы и Сушки	47
С. Батуев. — Река Речьма	49
Поправки и дополнения к Гидрографической карте Московск. губ., изданной Обществом: 1) Б. Белокуров. — Река Москва в пределах Бронницкого у.; 2) А. Шаховская. — К картографии речной сети Сергиевского уезда; 3) С. Батуев. — Поправки к Гидрографической карте И. А. Здановского	51
П. Сытин. — Об изучении г. Москвы	55
П. Сытин. — Музей города Москвы	58
Е. Радченко. — Изучение быта деревни, как основное условие просветительной работы среди населения	60
М. Я. Феноменов. — Крестьянское жилище в подмосковной деревне	71
Н. Виноградов. — Вновь открытые памятники гражданской архитектуры в г. Москве	76
П. Миллер. — Пушкинская комиссия „Старой Москвы“	86
П. Миллер. — Комитет по охране могил выдающихся деятелей	88
Хроника. — Губернская краеведная конференция (отчет и резолюции). Первая музейная конференция Моск. губ. Текущая работа Воскресенского музея. Экскурсия школьных работников в музей Дмитровского Края. Фенометеорол. пункт „Гельтищево“. Археологические раскопки в Ленинском у.	92
Библиография по истории Москвы и губернии	105

ИЗДАНИЯ

Общества Изучения Московской губернии.

И. А. Здановский.—Каталог рек и озер Московской губ. С прилож. гидрографической карты (на 6 листах), масштаб 6 вер. в дюйме. 96 стр. бол. фор. М., 1926 г. Ц. 3 руб.

А. А. Борзов, проф.—Краткая программа для описания рек и речных долин Московской губ. 16 стр., с табл. услов. знак. М., 1926 г. Ц. 40 к.

И. А. Здановский.—Составление географического словаря Московской губ. (программа). 7 стр. М., 1926 г. Ц. 15 к.

„Московский Краевед“.—Вып. I. 74 стр., с рис. М., 1927 г. Ц. 75 к.

Д. П. Сырейщиков.—Определитель растений Московского Края. 294 стр., с рис. М., 1927 г. Ц. 3 руб.

Программы и Инструкции по монографическому обследованию деревни. 20 стр. Л., 1927 г. Ц. 25 к.

Подворная карточка для обследования селений. 14 стр. Ц. 20 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

М. С. Швецов.—Краткий очерк геологического строения Каширского уезда.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

Москва, 9. Тверская 31. Моссовет, Губплан. О-во Изучения Московской губернии. Тел. 5-45-10.

Цена 1 р.